

К 1447191

СЕНЦЕРЬЕ

литературно-краеведческий альманах

Выпуск №7

НАШЕ
ПОКОЛЕНИЕ

УДК 821.161.1(470.12)
ББК 84(2Рос-4Вол)
С30

Редактор – В.Кудрявцев
Ответственная за выпуск – Анна Тюхтина

Редакционная коллегия:
Г.Н.Громцева, М.В.Гусева, А.А.Дудкин, А.В.Дёшин, Г.В.Загребин.

С30 Семизерье: литературно-краеведческий альманах / [Лит.-творч. объединение «Семизерье»]; ред. В. Кудрявцев. – Вологда, 2012 (Полиграф-Периодика). – 288 с.: ил.

ISBN 978-5-91965-066-9

В 1995 году вышел первый литературный сборник «Семизерье». Нынешний альманах уже седьмой. Авторы ведут со своими современниками разговор о том, что их радует и волнует в нашем беспокойном мире.

УДК 821.161.1(470.12)
ББК 84(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-91965-066-9

© Литературно-творческое объединение
«Семизерье», 2012
© Кудрявцев В. В., редактирование, 2012

СЕМИЗЕРЬЕ

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск № 7

Кадуй-Вологда
2012

СЛОВО ГЛАВЫ

Не оскудевает наша земля талантами. Подтверждение тому - выпуск нового альманаха «Семизерье-7». Его авторы – по-настоящему творческие люди, сумевшие передать в своих произведениях любовь и преданность к малой родине. Их совместный труд наполнен искренностью, духовностью, светлыми чувствами к миру и людям.

В новый альманах включены произведения самых разных авторов. На его страницах можно встретить имена известных поэтов и прозаиков. В их числе - члены Союза российских писателей, лауреаты различных фестивалей и конкурсов. Но есть и юные таланты, впервые представившие свои литературные и художественные опыты.

Выход каждого альманаха, безусловно, большое событие в культурной жизни кадуйчан. В этом году мы отмечаем 85-летие со дня образования района. Отрадно, что в новом сборнике наши литераторы обратились к истории и культуре родного края. Надеюсь, что их творения найдут благодарный отклик в сердцах читателей.

В добрый путь, «Семизерье-7»!

ОТ РЕДАКТОРА

1.

У всякого дела есть своё начало. Есть оно и у кадуйского литературного альманаха «Семизерье», уже седьмого. Первый сборник под таким названием (стихи кадуйских поэтов) вышел в 1995 года в издательстве «Свеча». Он был достойным итогом годовой работы созданного в районной библиотеке литературного объединения.

В предисловии к сборнику редактор его Юрий Макарович Леднев написал, что «в Кадуе рождается первая стихотворная книга». И ещё добавил, что через этот сборник кадуйчане сделали «первые шаги» в литературу. В сборнике опубликовали свои стихи десять авторов – Нина Баруздина и Владимир Борисов, Татьяна Гоголина и Марина Гусева, Александр Ерохин и Наталья Иванова-Писарева, Валерий Кузьмин и Наталья Молчанова, Галина Петрова и Людмила Шарина.

С той поры прошло 17 лет. Тогда, наверно, все они, стоявшие у истоков, не без робости думали о том, как сложится судьба этого литературного проекта, как и где отзовется их слово, хватит ли сил на продолжение. Надо сказать, что судьба у «Семизерья» сложилась на редкость удачно. Через три года Юрий Макарович, представляя читателям 2-й «поэтический сборник стихов кадуйских авторов», отмечал: «Мне кажется, что авторы «Семизерья» делают шаг вперед. В сборнике появились новые имена. В некоторых произведениях прозвучало наряду с лиризмом больше гражданственности...» А среди новых имён – Николай Буров и Алексей Блинов, Александр Дёшин и Сергей Копничев, Елена Михайлова и Елена Смирнова.

Потом были 3-е (2000) и 4-е «Семизерье» (2002), но уже не сборники, а литературные альманахи. В них, кроме поэзии, появились проза и публицистика, новые разделы – «Гостиная», «Детский уголок». В оформлении альманаха стали использовать картины вологодских художников, в том числе и местных, а также работы учащихся отделения изобразительного искусства Кадуйской детской школы искусств.

В предисловии к «Семизерью-4» редактор Евгений Кутузов писал: «У любого литературного издания обычно есть круг постоянных авторов, так называемый авторский актив. Тем более такой актив необходим изданию провинциальному (отнюдь не в уничижительном смысле!), имеющему ограниченный тираж, рассчитанному не просто на своего читателя, но на читателя, знакомого по жизни...»

Тогда же Евгений Кутузов, прозревая альманах на годы вперед, не без оснований оговаривался: «И все же без появления новых имен такое издание скоро зачахнет, как бы выродится. К счастью, эта опасность не угрожает «Семизерью», ибо есть ещё «порох в пороховницах», не оскудела русская земля на таланты...»

Воистину не оскудела. С того дня тоже прошло уже десять лет. Альманах живёт. Волею судьбы в 2006 году мне довелось принять редакторскую эстафету, и я, представляя 5-й альманах, отмечал, что через круг постоянных авторов, через крепкий и даже дружный литературный актив у альманаха появилось своё животворящее пространство. Не будь его, то неизвестно, как бы все они, «кадуйчане-литераторы», чувствовали себя в пространстве собственного мира или мира, как бы развивалось их творчество, и был ли заметен в нём качественный рост, если бы они «не обрели близких по духу, по чувству и по судьбе людей».

2.

Не будь этого человеческого и литературного общения, профессионального роста и творческой смелости, не было бы и «Сборника № 6», который они в 2010 году самостоятельно подготовили и выпустили к 65-летию Победы. И напрасно, думаю, в предисловии к нему составители (а они как раз из литературного актива) поскромничали, оговорившись, что «не решились назвать его литературно-художественным альманахом и обнародовать своё собственное имя «Семизерье» на обложке». Похвальны признание, как и скромность, но для меня сегодня уже очевидно, что и Ольга Ватачкина, и Александр Дёшин, и Марина Гусева, и Александр Дудкин – люди вполне профессиональные в литературном ремесле. Они не хуже любого редактора чувствуют слово и знают цену не только своим творениям, но и каждому материалу, представленному в альманахе «Семизерье-6».

Готовя седьмой альманах, знакомясь с его рукописями, возвращаясь к альманахам прежних лет, я хотел бы выделить именно эту особенность нынешнего его бытования и состояния литературных сил, определяющих его судьбу. Итогом всех прошедших лет и стало, на мой взгляд, укрепление литературного «ядра». Его составили люди талантливые, творчески растущие. Они не из тех, кто топчется на месте. Нет, они и сами постоянно растут и коллег своих – старых и молодых – заставляют подтягиваться, подвигают к работе, к тому, чтобы они дерзали и расширяли свои творческие горизонты.

Без этого «ядра» и без появления новых имен проект не продержался бы семнадцать лет. Без этих двух творческих условий и одного политического (постоянная и главное – осознанная поддержка администрации района в лице главы Николая Савватеевича Дектерёва) уж точно, вспоминая слова Евгения

Кутузова, альманах давно бы «зачах», а может, «выродился» в бесцветный (ни ему, ни сердцу) сборник.

Такого не случилось. Альманах стал не просто литературным, но культурным явлением земли кадуьской. Другого такого – и по возрасту, и по формату, и по литературному наполнению – у нас в районах области я не знаю и сегодня, как не знал и шесть лет назад, когда впервые встретился с «Семизерьем».

Стоит сказать и о том, что за эти годы многие авторы издали свои самостоятельные книги, кто-то даже не одну, а две-три-четыре. Кадуьские литераторы теперь успешно работают в разных жанрах – поэзии, прозе, эссеистике, критике и пародии, художественном и краеведческом очерке, в публицистике. Многие стали лауреатами всевозможных литературных фестивалей и конкурсов – от региональных до международных. Достаточно прочесть слово об авторах, чтобы почувствовать, как бьётся пульс их творческой жизни. Многие из них творчески активны и заслуженно признаны в литературном пространстве Вологодчины и России.

Четверо авторов альманаха приняты в Союз российских писателей (Марина Гусева, Людмила Шарина, Александр Дудкин и Мария Маркова). Никакой другой район так мощно в СРП не представлен. Это, согласитесь, о чем-то говорит. Именно воспитанница кадуьского литературного объединения Мария Маркова стала обладателем премии Президента РФ для молодых деятелей культуры 2010 года с весьма знаменательной формулировкой: «за вклад в развитие традиций российской поэзии».

Теперь они уже мыслят категориями собственных книг. Для них и альманах – это и творение их, и факт творческой и жизненной биографий. Они поддерживают «Семизерье» уже своими именами, ставшими известными не только в Кадуе, но и за его пределами.

И всё же, окрепшее за эти годы чувство духовного родства и творческого единения, возвращает каждого из них время от времени под родную обложку любимого детища. Они и сегодня в нём легко уживаются «многолюдным собранием», радуются успехами друг друга и не ссорятся в такой маленькой, по их выражению, «коммунальной квартирке», как литературный альманах.

И это здорово! И это, может быть, главное, что от этого проекта, с одной стороны, отпочковываются литераторы, созревшие для диалога с миром, а с другой – появляются новые имена, способные поддержать литературный процесс на кадуьской земле. Для начала заявить о себе со страниц альманаха, чтобы потом не без помощи старших коллег по литературному цеху дойти до самостоятельной книги. А появиться на страницах «Семизерья» не считают для себя зазорным, наоборот – считают за честь теперь и литераторы из губернских и столичных центров. В нашей «Гостиной» никогда нет свободных мест. А для кого-то альманах был и остаётся главной и пока единственной площадкой, с которой он выходит на встречу с читателями.

И это тоже нормально, как естественно и другое: в альманахе мирно соседствуют люди разных возрастов (есть и «Детский уголок») и судеб, разных литературных дарований и притязаний.

Словом, «Семизерье» живёт полнокровной жизнью серьёзного альманаха и не испытывает дефицита в разножанровых материалах.. Есть у альманаха и хлопотливая хозяйка – Анна Кенсариновна Тюхтина.

Могу, спустя шесть лет, слово в слово повторить то, что я написал в предисловии к 5-му альманаху, а именно:

«Лирические откровения о любви и философские раздумья о сиюминутном и вечном. Экологические миниатюры о братьях наших меньших и критические заметки о творчестве своих коллег по перу. Исторические исследования о прошлом родного края и публицистические заметки о современности...»

Все это, уважаемые читатели, вы найдете и на страницах «Семизерья-7», который тоже стал уже фактом литературной биографии кадуйской земли и достоянием её равнодушных читателей..

Владимир Кудрявцев,
Член Союза писателей России

ПОЭЗИЯ

МАРИЯ МАРКОВА,
лауреат премии Президента РФ для молодых деятелей культуры 2010 года

Родилась на Чукотке в семье геологов-разведчиков, в раннем детстве переехала в Вологодскую область, в посёлок Кадуи. С 2008 года живёт в Вологде. Учится на филологическом факультете ВГПУ. Писать стихи начала в школе, автор двух поэтических сборников: «Упоение» (2005 г.) и «Мёд - червоточина» (2007), готовится к выходу в московском издательстве «Воймега» новая книга. Первые публикации Марии Марковой состоялись в кадуйском альманахе «Семизерье». Наиболее заметные произведения напечатаны в «Литературной газете», журналах «Знамя», «Дружба народов», «Дети Ра», «Сибирские огни» и др. В 2008 году вступила в Союз российских писателей.

Финалистка Илья-Премии (2005), лауреат Международной поэтической премии «Серебряный стрелец» (2008). Дважды становилась дипломантом Международного Волошинского конкурса (2008 и 2010). Участница X Форума молодых писателей России (мастер-класс журнала «Знамя»), по итогам которого представлена к Государственной стипендии Министерства культуры РФ.

В 2011 году М. Маркова стала обладателем премии Президента РФ для молодых деятелей культуры 2010 года с формулировкой «за вклад в развитие традиций российской поэзии». В том же году она была признана «Писателем года» по версии журнала «Рандеву».

«Литературная газета» о творчестве М. Марковой написала так:

«Её стихи спасают от исчезновения «великое русское слово». Пока существует поэзия, оно не так беззащитно перед натиском извне, экспериментами Минобрнауки, эпидемически растущей безграмотностью и культурной глухотой».

«СЛУШАЮ СЕРДЦЕ ЖИВОЕ...»

С кухни лился тенорок печальный,
говорило радио с утра:
ставьте чайник, мама, ставьте чайник,
мы придём больные со двора.
Мы придём увечные, больные,
снег в карманах, кровь на рукавах,
мальчишки игривые, шальные,
за собою оттепель зазвав.

Полон дом апрельским ликованием.
Бьются воды, плачут хрустали
и бежит кораблик к краю ванны
в поисках заоблачной земли.

Не читайте жёлтые газеты,
не шипите на людей в углу.
Мы придём на хлебные котлеты,
принесём свой пепел и золу,
ветку вербы – и поставьте в банку,
запах смерти – помните всегда.

...раздаётся бойкая «смуглянка»,
выкипает в чайнике вода.

ЛИЛИПУТИК

И небо абсолютно ясное,
и тело абсолютно прочное,
но стрекоза висит опасная
и ямина гудит цветочная.

Мой лилипутик нестигаемый,
мой путешественник по терниям
с зелёным посохом, с бобами и
потерянными птицей перьями.

Сломается твой посох, выпадут
бобы и прорастут сквозь гнёт,
и перья не примнут травы потом,
их дальше ветром понесёт.

Целый день чилавек
 проходил чилавек,
 а потом так устал чилавек.
 На часы посмотрел,
 на кровать посмотрел
 и отправился спать чилавек.

Но ему всё какое-то детство
 не даёт ни вздохнуть, ни уснуть,
 то зовёт прогуляться, но прежде – одеться,
 то смеётся и давит на грудь.

Что-то надо бы вспомнить, но что?.. Неизвестно.
 Дёрнуть ворот, а ворота – нет,
 и белеют молочные зубы у детства,
 и гогочет мальчишка-сосед.

Что гогочет? Над чем? Почему не осталось,
 кроме смеха, вообще ничего?.. Не пойму.
 Только слабая, сносная, глупая жалость,
 только жалость к себе самому.

Для прогулки выберешь место одно –
узкий мысок, продуваемый ветром, и реку.
Шарф ослабить, войти в ледяное окно
и – по саду, по рыхлому саду, по снегу.

День сегодняшний – оловянный солдат,
чистый запах хлопка и канифоли.
Пиэрида-торговка с мучным или воздух-легат
с нотой приветствия – записи в белом поле.

Что надкусил, что удержал в руке –
булочку с маком, линию горизонта.
Оледеневший катер стоит в реке,
в мёртвой воде Вологды или Понта.

Это пространство – резали по кривой –
круглая корка берега, гребень кровель.
Медленно выходной безмятежный свой
трать на сухое зрение, холод крови.

Здесь разговор – собеседник давно ушёл –
не прерывается. Облако застывает.
Ветер проходит насквозь, рассекая шёлк,
падает за словами.

Помню любого – каждого. Вдвое – жажды.
Снегири прилетали – кусты сожгли.
Весь день ходила и не сказала важного.
Вспыхнуло у лица, полетели – пли.

Как это осень идёт, а я не заметила?..
Листья опали. Схвачено всё ледком.
На губах – поцелуй, простуда, своя отметина.
Говорить о многом. Неметь – о ком?

Заикания пенка, через одно усилие,
лепет ласковый, схвачен язык огнём.
Но везде приметы времени – небо синее,
позумент земли – всё о нём, о нём.

И настенное, и наручное – беспощадное,
ритма вне, со своим шажком.
Это я попадаю в него и – жадно, жадно –
ни о ком.

У голубя сегодня воскресенье,
прозрачный пух и ветреный простор,
в земле услада, в семени спасенье,
со временем – последний разговор.

Пусть за меня всё сказано. Впервые
смотрю вокруг и вижу пустоту,
и слышу музыку, как муки родовые,
и гнёзда из молчания плету.

И я дала бы вестнику дорогу,
чтоб он принёс оливковую ветвь,
когда бы знала жизнь как недотрогу
и смерть как свет.

Но мне, скупой, ни полноты, ни чуда –
вот хлеб твой скромный, голубь, вот вода
и марта синего легчайшая простуда,
и соколиная твоя беда.

СНЕГИРИ

1.

Утром окно открываешь: высоко
тянутся белые травы – дымки.
Страждущих души и души убогих
пьют из великой холодной реки.

Первый глоток обжигает и студит,
а на второй – невозможно вдохнуть.
Будет беспамятство зимнее, будет
зимнее солнце, вошедшее в грудь.

Ад февраля – белоснежный, хрустящий,
с корочкой льдистой, с губами в огне,
с детской ветрянкой и жизнью пьянящей
кем-то навечно приписан ко мне.

2.

День удлиняется. Обморок лёгкий –
время болезни, колени в снегу.
Каждое слово подобно обновке,
прикосновению рук или губ

тонких, замёрзших. Стоишь у подъезда,
слушаешь сердце живое. Оно –
горло сожмёт от предчувствия – бездна.
Падает камешек – где ему дно?

Всё, что когда-то казалось далёким,
рядом и дышит в затылок. Смотри,
как на кустах бузины у дороги
ягоды смерти клюют снегири.

ЗИМА

Там, где стоять не могу, и идти не могу –
слово замрёт у губ, как подземный гул,
словно предзимний лепет сырой воды,
снежная корка неба, свинцовый дым.

Всё выгова-риваю, выко-ыва –
юркая кровь живая, горит трава,
тянет небесной гарью и тонким льном,
только не выго-вари-вай о больном.

Эти костры под небом у кромки дня,
плавные, как амёбы, ростки огня,
белые, как пшеница в зобу зимы.
Чабер и медуница на дне сумы.
Пепел и прах белесый на языке.
Белые цапли леса бредут к реке,
и по полоске узкой на берегу
белые трясогузки к воде бегут,
а надо мною лебеди-облака,
пена, парное марево молока.

Птичья зима, перинка, возьми меня
хрупкой своей былинкой в траву огня,
чтобы и я росла в нём под языком,
в пламени этом плавном сухим цветком.

МАРИЯ МАРКОВА:

«У ЧЕЛОВЕКА ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ...»

- Маша, мне интересно ваше отношение к Кадюю.
- В Кадую я жила больше двадцати лет и он мне нравится.
- А почему тогда Вологда предпочтительнее?
- Во-первых, в Вологде у меня друзей больше. Во-вторых, я хотела, чтобы у ребёнка новые возможности появились: музеи, театры, каток.
- А ребёнок ваш, дочка ваша с вас пример ещё не берёт, стихов не пишет?
- Пишет: «О мой кузнечик,/ как ты похож на Эркюля Пуаро».
- Неплохие стихи. Интересно, что вы из окон своей вологодской квартиры видите каждый день?
- Я живу (смеётся) на окраине города и вижу в окно маленький двор со страшными деревьями, выгуливаемыми собаками и автомобильными покрышками, врытыми в землю. У вас какие-то несерьёзные вопросы.
- Да, несерьёзные. А какие деревья вы страшными называете?
- Я не знаю что это за деревья, но они измождённые, чахлые, вилкообразные, зеленостроем настолько обработанные, что их деревьями не назвать даже.
- Я читал Вашу официальную биографию на сайте президента и в «Википедии». В ней нет Кадую.
- Не я же составляла биографии.
- В истории русской литературы вы останетесь, а Кадуй нет. Вернее, он будет присутствовать в ней как «маленький посёлок с районной библиотекой, «где даже не было Артюра Рембо». Я цитирую предисловие московского поэта М. Айзенберга к вашей публикации в журнале «Знамя»
- Возможно, он и есть, но тогда не оказалось. Многих книг, которые я искала, не было в кадуйской библиотеке. Это во-первых, а во-вторых, сомневаюсь, что и я останусь в истории литературы.

– Я же не сомневаюсь. Но ведь, оказывается, до сих пор книг этого французского поэта в нашу библиотеку не завезли.

– До сих пор нет Рембо? Для меня это удивительно. Я увлекалась Рембо. Мне так нравились его стихи. И я была возмущена (смеётся).

– Есть ли такие современные русские поэты, стихи которых Вы читаете в обязательном порядке? Будете читать всегда. Любую его публикацию обязательно откроете.

– Гандлевский.

– А каково, на ваш взгляд, состояние современной русской поэзии в целом. Одни считают, что она сегодня в упадке, другие, наоборот, что находится в расцвете.

– Сейчас расцвет, хотя может казаться, что всё спокойно. А происходящее в эти годы вызовет ещё больший подъём поэзии. Не знаю, с чем это связано, просто предчувствие.

– А Вы сами себя каким поэтом ощущаете? Молодым, профессиональным, состоявшимся?

– Не успевшим состояться и состарившимся. Уже тридцать лет мне будет зимой.

– Тридцать лет это не много.

– Для поэта - много. Это ведь странно, когда только-только к тридцати расписываться начинаешь. Разве нет?

– Есть поэты, чьи стихи последних лет жизни...

– Тарковский? Он и в молодости прекрасно писал.

– Допустим, Георгий Иванов, его стихи 50-х годов, когда он, по-моему, во Франции жил, лучшие в его поэтическом творчестве.

– Это мастерство. Мастерство приходит, из стихов уходит совершенно другое. Энергия уходит.

– А поздний Пастернак?

– Мне, например, ранний нравится. Мне всегда ранний будет нравиться. Именно за энергию, которой в поздних его стихах нет. В поздних - рассудок. Спокойствие, рассудок, голова. Ни тебе порывов, ни тебе сердца.

– В таком случае как о вовремя состоявшихся можно говорить не о многих поэтах. О Лермонтове, например, о Пушкине, может быть.

– Я Лермонтова не люблю. У меня сейчас педагогическая практика, я должна провести несколько уроков по «Мцыри». Это для меня наказание. Ведь Пушкин писал раньше Лермонтова, но Лермонтов в срав-

нении с ним кажется глубоко устаревшим. Дети, например, восьмиклассники, не понимают о чём написано. А у Пушкина ведь совсем другой язык.

– Теперь об одном из главных событий 2011 года, о президентской премии. Замучили, наверное, вопросами о ней?

– Да задолбали уже...

– Она, премия, Вами пережита, она уже в прошлом или же ещё нет?

– Она сразу в прошлом оказалась. Я сделала всё, чтобы от неё избавиться. Максимально сбросить с себя этот груз. И ответственность, и значение, и внимание чужое. Расправилась с этим так быстро, как могла.

– А внимание чужое разве ушло, оно разве не навсегда? Или то, что вами интересуются, на вас пристально смотрят, уже стало нормой?

– Я прячусь. Поэтому я не знаю, есть ли внимание (смеётся).

– Кроме улицы, есть ещё Интернет.

– В Интернете от анонимов у меня почти всё закрыто. Если объявляется кто-то, я очень вежливо разговариваю с человеком. И стараюсь разговаривать так, чтобы все контакты свести на «нет».

– А жизнь изменилась после премии?

– Нет. Вначале было очень тяжело, потом всё нормализовалось. А как жизнь должна измениться?

– Как не знаю, но измениться должна.

– Я вообще против изменений, связанных с такими вещами как премия и тому подобное. Все-таки у человека должна меняться жизнь по другим причинам: замужество, рождение детей.

– Но ведь это почти одно и то же.

– Сравнили тоже премию с рождением ребёнка. Нет, это не одно и то же. Даже переезд с места на место значительнее какой-то премии.

– Но в Вашем случае премия не какая-то. По телевизору же показали.

– Это так важно, чтобы по телевизору показали?

– Для многих важно. И вот со стороны тех, для кого важно, что показывает телевизор, отношение к Вам изменилось?

– Да... К сожалению.

– В какую сторону?

– Для меня, конечно, в плохую. Потому что перестают воспринимать как человека и относятся с предубеждением, предвзято. Не важно уже, что ты скажешь, что сделаешь. Сразу начинают полагать, что всё уже знают обо мне. Наверное, ещё и потому, что смеют судить.

Всё-таки нехорошо судить других, особенно если ты их не знаешь.

– **Не хорошо, но это в природе человека.**

– А мне всё равно - в природе или нет. Я считаю, что нельзя. Не все ведь судят.

– **Те, кто не судит, в себе эту страсть уже перебороли.**

– Так каждый должен перебороть. У человека одна-единственная жизнь. Как-то позорно её прожить и ничего не сделать с самим собой. Не вырасти духовно разве не позорно? Вы так не считаете?

– **А вырасти духовно, это как вырасти?**

– Преодолеть многое такое, что именно человеческое. Хотя бы та же уверенность, что вправе решать что-то за других и судить других. И определять что-то для них. Нет? Мы же обижаем других, судя их. Оскорбляем их. Мы же этим мешаем.

Вопросы задавал АЛЕКСАНДР ДУДКИН

15 декабря 2011 г.

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОНА

ГЕННАДИЙ ЗАГРЕБИН

В Кадуйском районе живёт с 1985 года. После окончания Вологодского пединститута был направлен в Андогскую среднюю школу, в которой работал учителем истории. затем несколько лет преподавал в Кадуйской средней школе № 2. В настоящее время Геннадий Загребин - сотрудник краеведческого музея им. А.Г. Юкова.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

СПРАВКА О КАДУЙСКОМ РАЙОНЕ НА 1927 г.

Сельсоветы: 31. Селений: 677.

Дворов (хозяйств): 7983, в т.ч. крестьянских – 7.514.

Население: 38.236 в т.ч. великороссов – 38.188 чел., 17.293 мужского пола и 20.943 женского пола (Всесоюзная перепись населения 17.12.1926), 39.412 чел. на 1.01.1929 г.

Другие национальности: 48 чел., в т.ч. украинцы – 2 чел., поляки – 4, латыши – 4, немцы – 7, евреи – 5, эсты – 2, цыгане – 24.

Прирост населения в среднем за 1925-1927 гг. – 1,9 % ежегодно. Средний возраст мужского населения – 23,9 года, женского – 26,6 лет.

Площадь: 3.578 (4.290 на 1.01.1929 г.) кв.км. Плотность населения: 10,7 чел. на 1 кв. км. Земельные угодья (на 1.01.1928 г.): 53.683,9 га, в т.ч.: усадебной – 1,210,9 га, пашни – 20,709, 9 га, сенокосы – 27,154,8 га, выгоны – 4, 608,2 га; в среднем на 1 хозяйство – 6,92 га, в т.ч. усадебной – 0,16 га, пашни – 2,67 га, сенокоса – 3,5 га, выгона – 0,59 га, остальные земли заняты лесами и болотами

Посевы: 14,850 десятин /1 дес. - 1,092 га/, из которых зерновые культуры – 10, 720 дес., в т.ч. ржи озимой - 4.744. и яровой - 76, пшеницы - 36, овса - 4448, ячменя - 923, гречихи - 13, гороха - 472. Под картофелем занято 966 дес., под овощами - 84, корнеплодами - 30, льном засеяно 539 дес., остальная пашня - под травами.

Средняя урожайность отдельных культур в 1-й половине 20-х годов: рожь - 44, 2 ц. с дес., овёс - 46,9, льно-семя - 23,2, картофель - 484.

Скот (1927 г.): 63.105 голов, в т.ч.: КРС - 22.501, из них коров 13.074, лошади - 7.875, из них рабочих - 6.519, овцы - 29.623, из них взрослых - 12.421, свиньи - 3.106, из них поросята - 1.762 (до 4-х мес.)

Торговые заведения: 64, в т.ч. 6 государственных, 35 кооперативных и 23 частных с оборотом 1 184 698 руб.

Кооперативы (артели): 58, в т.ч. 10 потребительских, 22 промысловых, 21 сельскохозяйственных, 5 кредитных, из них 6 союзных и 32 «диких» с охватом 10.960 граждан района, из которых:

Маслоделием занимались 2 артели, 2 завода и 7 сливных пунктов.

Заводы: лесопильный (шпалорезный), завод топливно-лесного отдела Северной ж/д с количеством рабочих - 114 человек (сгорел в начале 1928 г.), Андого-Берёзовский фанерный завод (не работал), Андогская ГЭС (не достроена).

Совхозы: 1, «Андога» при доме отдыха и доме инвалидов (Трудродок им.тов.Томского), до 1929 г. организован совхоз «Владимировка» при детском санатории.

Железнодорожные станции: 3 (Каду́й, Уйта, Сиуч) с грузооборотом более 63 тыс.тонн, в т.ч. отправлено грузов около 55 тыс.тонн (в основном лесоматериалы).

Дороги: Андогский тракт (73 версты), г. Череповец - с.Георгиевское, Каду́йский подъездной путь (15 вёрст).

Телефонные линии: Череповец - Нелазское - Андога - Ватбал. Череповец - ст. Суда - ст. Каду́й - ст. Уйта - ст. Бабаево с подстанцией Андога (с.Стан) и переговорными пунктами ст. Каду́й, с. Георгиевское (Ватбал), д.Селище (Пусторадицы).

Телеграф: станции железной дороги, п/о Стан (отправление телеграмм).

Почтовые отделения открыты в сельсоветах района.

Лесничества - 6 (Рыконецкое, Уйтинское, Андогское, Ватбальское, Кумсарское, Шухтовское, Сиучское).

Владимирская метеорологическая станция.

Больницы - 2 (Андогская и Барановская) с количеством коек - 35.

Врачебные участки - 2, фельдшерско-акушерские пункты - 3, заразный барак - 1, венерический отряд - 1

Агропункты - 4 (первый с 1918 г.).

ГЕННАДИЙ ЗАГРЕБИН

В Кадуйском районе живёт с 1985 года. После окончания Вологодского пединститута был направлен в Андогскую среднюю школу, в которой работал учителем истории. затем несколько лет преподавал в Кадуйской средней школе № 2. В настоящее время Геннадий Загребин - сотрудник краеведческого музея им. А.Г. Юкова.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ, КОТОРОЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

СПРАВКА О КАДУЙСКОМ РАЙОНЕ НА 1927 г.

Сельсоветы: 31. Селений: 677.

Дворов (хозяйств): 7983, в т.ч. крестьянских – 7.514.

Население: 38.236 в т.ч. великороссов – 38.188 чел., 17.293 мужского пола и 20.943 женского пола (Всесоюзная перепись населения 17.12.1926), 39.412 чел. на 1.01.1929 г.

Другие национальности: 48 чел., в т.ч. украинцы – 2 чел., поляки – 4, латыши – 4, немцы – 7, евреи – 5, эсты – 2, цыгане – 24.

Прирост населения в среднем за 1925-1927 гг. – 1,9 % ежегодно. Средний возраст мужского населения – 23,9 года, женского – 26,6 лет.

Площадь: 3.578 (4.290 на 1.01.1929 г.) кв.км. Плотность населения: 10,7 чел. на 1 кв. км. Земельные угодья (на 1.01.1928 г.): 53.683,9 га, в т.ч.: усадебной – 1,210,9 га, пашни – 20,709, 9 га, сенокосы – 27,154,8 га, выгоны – 4, 608,2 га; в среднем на 1 хозяйство – 6,92 га, в т.ч. усадебной – 0,16 га, пашни – 2,67 га, сенокоса – 3,5 га, выгона – 0,59 га, остальные земли заняты лесами и болотами

Посевы: 14,850 десятин /1 дес. - 1,092 га/, из которых зерновые культуры – 10, 720 дес., в т.ч. ржи озимой - 4.744. и яровой - 76, пшеницы - 36, овса - 4448, ячменя - 923, гречихи - 13, гороха - 472. Под картофелем занято 966 дес., под овощами - 84, корнеплодами - 30, льном засеяно 539 дес., остальная пашня - под травами.

Средняя урожайность отдельных культур в 1-й половине 20-х годов: рожь - 44, 2 ц. с дес., овёс - 46,9, льно-семя - 23,2, картофель - 484.

Скот (1927 г.): 63.105 голов, в т.ч.: КРС - 22.501, из них коров 13.074, лошади - 7.875, из них рабочих - 6.519, овцы - 29.623, из них взрослых - 12.421, свиньи - 3.106, из них поросята - 1.762 (до 4-х мес.)

Торговые заведения: 64, в т.ч. 6 государственных, 35 кооперативных и 23 частных с оборотом 1 184 698 руб.

Кооперативы (артели): 58, в т.ч. 10 потребительских, 22 промысловых, 21 сельскохозяйственных, 5 кредитных, из них 6 союзных и 32 «диких» с охватом 10.960 граждан района, из которых:

Маслоделием занимались 2 артели, 2 завода и 7 сливных пунктов.

Заводы: лесопильный (шпалорезный), завод топливно-лесного отдела Северной ж/д с количеством рабочих - 114 человек (сгорел в начале 1928 г.), Андога-Берёзовский фанерный завод (не работал), Андогская ГЭС (не достроена).

Совхозы: 1, «Андога» при доме отдыха и доме инвалидов (Трудгородок им.тов.Томского), до 1929 г. организован совхоз «Владимировка» при детском санатории.

Железнодорожные станции: 3 (Кадуи, Уйта, Сиуч) с грузооборотом более 63 тыс.тонн, в т.ч. отправлено грузов около 55 тыс.тонн (в основном лесоматериалы).

Дороги: Андогский тракт (73 версты), г. Череповец - с.Георгиевское, Кадуиский подъездной путь (15 вёрст).

Телефонные линии: Череповец - Нелазское - Андога - Ватбал. Череповец - ст. Суда - ст. Кадуи - ст. Уйта - ст. Бабаево с подстанцией Андога (с.Стан) и переговорными пунктами ст. Кадуи, с. Георгиевское (Ватбал), д.Селище (Пусторадицы).

Телеграф: станции железной дороги, п/о Стан (отправление телеграмм).

Почтовые отделения открыты в сельсоветах района.

Лесничества - 6 (Рыконецкое, Уйтинское, Андогское, Ватбальское, Кумсарское, Шухтовское, Сиучское).

Владимирская метеорологическая станция.

Больницы - 2 (Андогская и Барановская) с количеством коек - 35.

Врачебные участки - 2, фельдшерско-акушерские пункты - 3, заразный барак - 1, венерический отряд - 1

Агропункты - 4 (первый с 1918 г.).

Ветеринарные пункты - Андогский ветеринарный лечебный пункт + 4 ветеринарных фельдшерских пункта: Барановский, Боровской, Кадауйский, Георгиевский.

Школы - 43, в т.ч. 1-й ступени (начальные) - 42, 2-й ступени - 1 (Вахонькинская семилетка).

Ликпункты для малограмотных - 22.

Грамотность по району: 58,3 % у мужчин (76,5 без учёта детей дошкольного возраста) и 37,2 % у женщин (46,2 % без учёта детей дошкольного возраста)..

Библиотеки - 7 (без учёта школьных), избы-читальни - 7, радиоточка - 1, клубы - 1 заводской (сгорел в начале 1928 г.).

РОЖДЕНИЕ КАДУЙСКОГО РАЙОНА

Кадауйскому району уже 85 лет. Правда, в период хрущёвских экспериментов территорию с 13 декабря 1962 года по 12 января 1965 года передавали Бабаевскому району. Уже нет многих из тех, кто родился в 1927 году и у кого в метрике тогда записали – уроженец Кадауйского района Ленинградской области (к Ленинградской области район относился с 1 августа 1927 года по 23 сентября 1937 года, после чего стал составной частью Вологодской области).

За эти годы из 31 сельсовета, каждый из которых представлял компактно соседствующие деревни с населением от 800 до 1800 (2000) человек, осталось лишь 6 муниципальных образований. Не в каждом из них население достигает уровня сельсоветов 20-х годов 20 века. Более 80% населения проживает в двух крупных поселениях - в Хохлове и Кадауе.

Кадауй давно сложился как посёлок городского типа, с развитой промышленностью и сетью социальных учреждений.

Станция Кадауй изначально была центром района. На ней и смежной деревне Тёплого на 1927 г. проживало 403 человека, рядом со станцией работали шпалорезный лесопильный заводик, пара лавок и буфетов, мельница, водокачка...

В кадауйской округе в бедных деревнях на песках проживало 1,5 тысячи жителей. Когда в сентябре 1927 года стали функционировать районные органы власти, то с трудом изыскивали помещения для размещения районных учреждений и организаций. В близлежащих деревнях селились чиновники, снимая углы в избах у местных крестьян.

Необходимо было организовать жизнь района при мизерном бюджете, привлечь специалистов-управленцев на вакантные места, писать отчёты.

Первый год для Кадуйского района был сложным. Андого-Берёзовский фанерный завод не работал, шпалорезный завод в Кадуе сгорел, Андогскую бумажную фабрику 7-й годовщины Октября передали в Абакановский район при районировании, бюджетных денег катастрофически не хватало.

Но речь пойдёт не о Кадуе, а об Андоге. Предполагалось, что размещение райцентра в пристанционных зданиях и деревне Тёплого будет временным и в дальнейшем райцентр «переедет» в Андогу.

ОБ АНДОГЕ

Исторически сложилось так, что Андога (общее название для деревень и сёл Череповецкого уезда, расположенных по берегам нижнего течения реки Андоги и речки Шулмы) была густонаселённой местностью. Ещё до петровских административных реформ, которые положили начало губерниям, существовали Андожский стан, Андожская волость Порожского стана. Заметную роль местность занимала и в Череповецком уезде, где Андога простиралась от Ватбала до села Нелазского. Местность славилась плотниками, санниками, строителями речных судов, которые сплавляли с грузами вниз по Шексне – Волге. В 1927 г. здесь проживало чуть более 20 тысяч человек.

Напомню, что в Череповецком крае были ещё Улома железная и обширные территории на Шекснинской низменности.

Духовным, экономическим, а ранее и административным центром Андоги было село Никольское. Ещё его называли Андожскими Сёлами. Друг против друга в устье Шулмы стояли церкви Божоявленского и Крестовоздвиженского приходов, а рядом в радиусе трёх вёрст – Филиппо-Ирапский монастырь и два других церковных прихода в сёлах Стан и Пречистое. Никольское хоть и было до революции 1917 г. небольшим селом, но здесь жили зажиточные крестьяне и купчики округи. Одни имели здесь магазины. Например, Демидов Иван Степанович, наиболее богатый человек в Андоге, и Кузин Виктор Тимофеевич. Скобелев Николай Васильевич выпекал крендели, а крестьянин Абузин Николай Антонович держал ямщину.

Здесь, где сходились дороги, ставили двухэтажные дома. Здесь проводили ярмарки во все времена года. В округе ещё в XIX веке были открыты почтовое отделение и Андожская участковая больница.

Довольно плотной была в Андоге школьная сеть. В том числе и Вахонькинское Министерское 2-х классное училище. После его окончания одарённые дети могли продолжить образование в гимназиях, училищах и семинариях. У купчихи Лобачёвой работала мельница с толчеёй, маслобойный завод. С середины 20-х годов крепкие мужики на паях начали строить ещё одну мельницу с плотиной. На ней предстояло к началу районирования установить турбину для выработки электричества. К сожалению, Андожская ГЭС так и не заработала, осталась лишь каменная стена у старого моста...

В революционное лихолетье в округе кипели нешуточные страсти в отношениях между зажиточными крестьянами и бедняками. Так коммунисты Алексей Николаевич Курманов и Александр Леонтьевич Беляков в течение 2-х недель держали осаду кулаков в Прягаевском волысполкоме. В дальнейшем Курманов стал вожаком местных крестьян, отстаивая идеи Советской власти. Был он товарищем председателя Череповецкого губернского исполкома (1-м замом в сегодняшнем понимании), директором ВНИИ коневодства. После его скоропостижной смерти в 1934 даже хотели район переименовать в Курмановский.

В центре Сёл для утверждения Советской власти похоронили молодого комсомольца, бойца Красной Армии Крылова. В течение всех 20-х годов, вплоть до коллективизации, в округе шло «выдавливание» богатеев. Их хозяйства были экспропрированы, а сами они высланы.. Молодёжь устраивала митинги, ставила спектакли на злобу дня.

В Андоге открыты 1-й на многие волости агропункт, ветлечебница, образован один из первых в уезде совхозов и несколько сельскохозяйственных коммун. В начале 20-х в округе действовало 2 детских дома, с 1925 года в монастыре был размещен дом отдыха Леноблсофпрофа, а с 1935 в деревне Вахонькино – появилась первая в районе средняя школа.

В 1935 году организована первая в районе МТС, куда для работы на полях поступили первые «стальные кони». Андога «дала Родине» нескольких генералов, немало учёных, археологов, медиков, инженеров, возглавивших крупные научно-производственные объединения (заводы), советских и партийных работников, работавших секретарями ЦК и обкомов партии и ещё немало славных и достойных тружеников.

Неудивительно, что на состоявшемся в последние дни февраля 1927 года Андогском волостном съезде Советов, а Андогская волость с 27.02.1924 года объединила также бывшие Прягаевскую и Федото-Раменскую волости, 22 делегатам уездного съезда Советов был дан наказ, чтобы «при районировании губернии центром Андогского района (это не вызывало сомнений) должна быть деревня Фаленская». После объединения волостей Андоги волисполком, милиция и Андогская участковая больница «переехали» из Сёл в экспропрированную усадьбу Демидова – сельцо Дмитриевское, где в нескольких зданиях хватало места разместить всем учреждениям. Деревня Фаленская находилась невдалеке.

ПЕРЕЕЗД

Итак, о переезде.

29 августа 1928 года на заседании Президиума Районного исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов (далее РИК, райисполком) принято решение возбудить ходатайство перед Ленинградским облисполкомом. Суть его заключалась в том, что переезд райцентра в село Стан возможен «при условии прокладки дороги от деревни Пакино до деревни Нежбуй в 10 км через болото», а также «для нормального руководства над районом» необходим «отпуск средств на устройство означенной дороги и постройку домов для райисполкома».

Аргументами в пользу перенесения райцентра были следующие: станция Кадуи не является географическим центром района, расположена в юго-восточной его части, что осложняет руководство сельсоветами, ввиду их удалённости. До села Георгиевского, например, было 80 км, а до Глебоского и Конецкого сельсоветов ещё дальше, не близок путь и до деревень Барановской округи, Танищ и Сиуча. Особенно трудно приходилось в весеннее половодье и осеннюю распутицу, когда 25 сельсоветов были отрезаны от Кадуя, так как ни телефонной связи по району, ни мостов через крупные реки Суду, Андогу, Колпь тогда ещё не было. В летнюю пору через реки открывалась паромная переправа. Но реализация плана «переезда» упиралась в финансирование.

До весны 1929 года Череповецким окружным исполкомом исследовались возможности устройства дороги, которую в народе называли «через Пакино на Куракино».

Другая межрайонная дорога - тракт от Ватбала через Андогские Сёла, с ответвлением на Дедовец, Пусторадицы до Череповца, функционировал круглогодично ещё с XIX века.

Местечко Слудинка между селами Стан и Никольское первоначально было определено под строительство зданий райисполкома в Андоге. 5 мая 1929 года была создана комиссия в составе Кибирева, секретаря исполкома, Сенина, начальника административного отдела, Филиппова, техника исполкома, Карабанова, инструктора исполкома по советскому строительству, Иванова, заведующего земельным отделом исполкома. До весны 1930 года данная комиссия разрабатывала проект переезда.

Для строительства зданий райисполкома руководители района запросили в Окружном исполкоме разрешения на выделение Комбанком ссуды в размере 10.000 рублей. А затем ещё 5000 рублей для заготовки и доставки брёвен и лесоматериала из льготного фонда, чтобы к началу весны иметь возможность руководить посевной. А на время строительство зданий просили временно предоставить райисполкому помещения дома отдыха «Андога» в Трудгородке им.тов.Томского (помещения бывшего монастыря, ныне посёлок Зелёный Берег). Для решения этого вопроса возбудили ходатайство перед Президиумом облисполкома.

13 сентября 1929 года техник окружного управления дорожного строительства Марашев доложил о результатах технического обследования намеченной трассы местного значения для сообщения Андоги с бывшими Боровской и Барановской волостями по маршруту: с. Никольское – д. Пакино – д. Нежбуй – хутор Лешкино – д. Усть-Колпь – д. Куракино – д. Кузьминская – д. Барановская. Президиум райисполкома согласился с заключением и Актом обследования комиссии по отводу земли под строительство и решил намеченные комиссией мероприятия провести в жизнь.

В районе в 1930 году развернулась телефонизация. Связисты тянули провода от села Стан до Георгиевского и Копосово, а от станции Уйта до Барановской. Строили и ремонтировали мосты через Андогу, Шулму, Шухтовку в районе строительства райцентра.

В июне 1930 года в районах Ленинградской области началось предварительное обсуждение новой административной сети.

8 сентября районные власти в ответ на спущенные областью контрольные цифры по бюджету на 1930/1931 высказали пожелание, чтобы в границах вновь проектируемого Андогского района были оставлены бывшие Барановская и Боровская волости.

За исключением Сиучского сельсовета, граждане которого ранее высказывались за присоединение их к Бабаевскому району. «В Андогском районе строится дорога Нежбуй – Пакино, которая приближает бывшие Барановскую и Боровскую волости к центру района», что не было учтено при проектировании. Учитывая то, что «население экономически слабо, проект бюджета в 340.000 руб. будет для района, без бывших Барановской и Боровской волостей, не по силам». Поэтому и просили финансовое управление области увеличить контрольные цифры по расходам на 94.800 рублей. Из них 12 000 для окончания работ на дороге Пакино – Нежбуй, 27 000 - на постройку зданий РИК в новом центре.

Предполагалось также выделить 33 000 рублей на оборудование и строительство школ, проведение борьбы по ликвидации неграмотности (1900 человек), 5 000 - на приобретение книг для Райбиблиотеки и дополнительно 5 600 рублей на содержание изб-читален в сельсоветах, 4.000 рублей на увеличение ставок председателям сельсоветов (их зарплата была в 3 раза меньше, чем у учителей, в 2 раза меньше, чем у фельдшеров, в 1,5 раза меньше, чем у избачей в избах-читальнях).

Районные чиновники уже сидели на чемоданах, а Леноблпрофсовет никак не давал разрешения на заселение дома отдыха. Намечалось, что первыми переедут в Андогу милиционеры, ЗАГС, военный стол административного отдела исполкома. 2 сентября 1930 г. Президиум райисполкома вновь обращается к Президиуму Леноблисполкома с просьбой «срочно разрешить дело о передаче в ведение РИК дома отдыха». Разрешения не последовало. В октябре 1930 года в район с проверкой прибыл представитель ВЦИК тов. Газелериди для очередного обсуждения затянувшегося переезда.

После ликвидации 11 января 1931 года Абакановского района и передачей в Кадуйский район «отлучённых» на несколько лет Федото-Раменья и Кулиги, близлежащих к Андоге сельсоветов, а также других территорий, Административная комиссия ВЦИК 17 января 1931 года подтвердила решение о переносе райцентра в Андогу.

6 февраля 1931 года одобрено решение о постройке здания райисполкома в 3-х месячный срок. Для этого была создана межведомственная комиссия во главе с предриком Зверевым (ранее этим вопросом уже занимались предрики Смирнов, Уйманен, Семёнов). Комиссия в кратчайшие сроки должна была «выявить потребность в лесоматериалах, составить смету на постройку зданий исполкома и райучреждений, забронировать рабочую силу требуемых специальностей на весь период

строительства, добиться немедленного разрешения на заготовку лесоматериалов местным леспромхозом Севзаплеса и просить строительную секцию Облплана обеспечить строительство техническими кадрами ввиду их отсутствия на месте». Облисполком просили принять на обслуживание в столовых рабочих и служащих строящихся в районе объектов: зданий райисполкома, экстрактно-клюквенного завода и восстанавливаемого фанерного завода и снабжение их продуктами.

13 марта 1931 года было принято решение и утверждена смета на постройку и оборудование трансляционного радиозула на 20 ватт в селе Стан, оборудования двухпроводной линии в 12 км, радиофикации территории от села Стан до деревни Средний Двор через Чурово, Вахонькино, Андогскую больницу, Постниково, Бузыкино, Борисово и установки 350 радиоточек. В 1927 году в районе был один радиоприёмник у сплавщиков на Судском Рейде. Отмечалось, что в районе были построены мосты через реки Маза, Сивец и Дильскую канаву, в завершающей стадии строительства находились паром через реку Суду и переустройство моста через Андогу.

14-15 марта 1931 года на заседании исполкома бывшую комиссию обвинили в безответственности, а выбранное ею место (Слудинка) под строительство Райгородка непригодным, так как его затапливало в период половодья. Райкому ВКП (б) предлагалось выделить человека для руководства строительством. Определили и новое место под строительство в селе Никольское – «на левом берегу реки Андоги вверх, начиная от церкви по направлению к ветлечебнице им. Ленина», которая функционировала на окраине деревни Новое, смежной с Никольским..

Технику-строителю предписывалось, чтобы «здание РИК было построено по направлению выезда с моста, с фасадом на реку Андога с расчётом переноса мельничной избы». Это место до сих пор называют «Риковским полем». Лесоматериал для строительства зданий исполкома и жилищного строительства должен был поставить Кумсарский участковый леспромхоз – 2 тысячи брёвен заготовить и вывезти по санному пути, а остальные 3 тысячи брёвен получить со сплава по реке Андоге. В связи с увеличением района (120 км x 53 км) решено было запросить Леноблисполком об увеличении штата исполкома до 52 человек.

В мае 1931 года Президиум Кадуйского райисполкома выразил мнение перед Облисполкомом, что в районе должно остаться 25-30 сельсоветов, а другие передать в состав Череповецкого, Петриневского и Бабаевского районов, что и произошло в июле 1931 года.

В июне 1931 года райисполком обязал организации, имеющие свою систему в районе (в основном заготовительные организации), выделить средства для строительства помещений под их организации.

2 июня 1931 года административная комиссия Леноблисполкома в своём решении отметила, что «отделять центр района от железнодорожной станции крайне нежелательно, а устройство нового центра в селе Стан по условиям недостатка строительных материалов вызывает большие затруднения и, несмотря на отпуск 67 тысяч рублей на дело строительства, в настоящий сезон устройство нового центра произвести вряд ли будет возможно...»

В ходе дебатов даже предлагали Кадуйский район вообще упразднить, так как «район сельскохозяйственный и другим районам расстройки в экономику не внесёт». Было предложено, что «если Кадуйский район оставить в границах 20 сельсоветов, а остальные передать другим районам, то центр в Кадуе будет удовлетворять оставшуюся часть населения». На этом и согласились.

11 июня 1931 года председатель Ленинградского облисполкома Степанов подписал решение Президиума облисполкома о частичном сохранении территории района с оставлением центра района на ст. Кадуй.

В Кадуи начали перевозить экспроприированные дома «кулаков и подкулачников», посёлок Райцентра стал строиться, расширяться, сюда стали переселяться специалисты, мастеровые с мест. Так бюрократическая волокита и нехватка финансирования «для скорейшего переезда» не позволила селу Стан (читай - с.Никольское) стать центром Кадуйского района.

Остаётся лишь помечтать: а что было бы, если бы...

Но это из области фантазий. Кадуйский район, по-прежнему, уже 85 лет живёт, трудится и развивается.

ИСТОЧНИКИ:

Протоколы заседаний Президиума Кадуйского районного исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов за 1927, 1928, 1929, 1930, 1931 годы.

Статистический справочник 1927 года. – Изд-во Череповецкого окр. стат. отдела. Устюжна, 1927.

Череповецкий округ. Краеведческая справочная книга под ред. А.Н.Жемчугова, А.Н.Ефимова, Я.Т.Богачёва. Череповец, 1929 г.

Газета «Коммунист» (г. Череповец) за 1927 г.

Воспоминания Е.Н.Курмановой (Цветковой).

ПОЭЗИЯ

ЛЕОНИД БЕЛОВ

Леонид Александрович БЕЛОВ родился в Кадуйском районе в деревне Калинниково. Окончил Спиренскую начальную школу, затем Вахонькинскую восьмилетку и остался работать в колхозе. Окончил курсы трактористов и шоферов. Службу проходил в Германии, затем вернулся в родные края и до 1971 года работал в колхозе «Андога». Перебравшись с семьей в Кадуй, трудился водителем, обходчиком гидросооружений на Череповецкой ГРЭС.

С 2004 года – пенсионер. Стихи начал писать давно, но публиковаться – с 2009 года, когда одно из стихотворений было напечатано в районной газете «Наше время».

«ТАК ПОРОЮ И В ЖИЗНИ БЫВАЕТ...»

ДЕТСТВО

Озорной, всё лето босоногий
И с копной нестриженных волос
Обежал все тропы и дороги
В том краю, родился где и рос.

Иногда, с собою взяв по вилке,
Шли ловить на речку пескарей...
Мы росли, как во поле травинки
На ветру и солнце - средь полей.

Но промчалось время золотое,
Пролетело мигом, словно птица,
Что ж ты, детство, быстрое такое?
Даже не успел с тобой проститься.

МЕТЁТ МЕТЕЛЬ

Разыгралась опять вьюга злая,
Мрак повсюду да бешеный вой,
Раз, по пояс в снегу утопая,
Пробирался я полем домой.

Мне хотелось до леса добраться,
Где должна быть дорога и тишь...
Только как в этой мгле разобраться?
Тут не знаешь, куда залетишь!

На минуту присел я устало,
Обернулся взглянуть на свой след,
Но его уж пурга заметала,
И следа моего почти нет.

Так порою и в жизни бывает:
Хоть еще не достигнута цель,
А твой след на земле замечает,
Замечает забвенья метель...

ВЛАДИМИР БОРИСОВ

Борисов Владимир Николаевич родился в 1939 году в Ленинградской области. Вся его жизнь связана с Вологодчиной. В Кадуе живёт с 1976 года. Его активной жизненной позиции может позавидовать каждый: он более 50 лет сотрудничает со средствами массовой информации, один из самых активных лидеров дачно-гаражного кооперативного движения, постоянный участник районного хора ветеранов, специалист по лозоплетению. Весь круг интересов невозможно перечислить. Достаточно сказать, что и название альманаха «Семизерье» родилось благодаря любознательному и творческому уму В.Н. Борисова.

«СЧАСТЬЕ МОЕ В КАДУЕ...»

ПРО КЛЮКВУ

Нынче много клюквы на болоте,
Три ведра набрал я не спеша.
Если руки-ноги при работе,
Отдыхает, радуясь, душа.

С детских лет душа простору рада,
Рада клюкве – золоту болот.
Клюква ей милее винограда,
Хорошо, что не наоборот.

Хорошо, что в крике журавлином
Слышится ей Родины привет,
Что на этом вот болоте клином
Для нее сошелся белый свет.

На пригородном поезде
«Череповец-Бабаево»
Уеду я из Кадуя
Всего лишь на денек.

И от разъезда Ширьево
За Колпь пройду на Мазу я,
На шоборовской вырубке
Присяду на пенек.

Присяду, призадумаясь
Я о себе, о Кадуе...
Отсюда мне виднее все
И дышится легко.

И мысль мне душу радует,
Что счастье мое в Кадуе,
Что я брожу от Кадуя
Совсем недалеко.

Сентябрь 2007 -2008

ЛЕГЕНДА О БОЛОТНОМ ЦАРЕ ПЯТУНЕ И ЕГО ДОЧЕРИ...

*Живо в Кадуе поверье,
Будто сотни лет не зря
Царствует на Семизерье
Дочь болотного царя*

Давным-давно наша местность была морем. За тысячи лет море превратилось в болото. Кадуй – низкое место. И в те далёкие времена здесь царствовал Болотный царь по имени Пятун. Вотчиной его была Семизерская чисть – болото, на котором до сих пор живёт дух болотного царя. Кто проходил по трясинам болота, тот знает, как дышит в пучине дух Пятуна, как он пытается затащить в трясику путника за пятку. Говорят, что Пятун был несказанно богат природными дарами и просторами и потому щедро дарил их и птицам, и зверям, и людям. Ходил он задом наперёд, то есть пятился, уступая свои просторы и ягодники всем, кто ему кланялся.

Но однажды он встретил человека, который шел по болоту с гордо поднятой головой. Безумец не желал поклониться царю Пятуну, на что царь тут же перестал пятиться, да так, что они столкнулись лбами и в схватке оба погибли, провалившись в трясику болота. Из того места теперь течёт река Петух, это по-современному, а раньше она называлась Пятун – в честь болотного царя. Рассказывают, что весной река текла вспять, к месту гибели Пятуна, что это по велению его дочери, лягушки, которая таким образом чтит память о своём отце.

Лягушка-царевна и сегодня обитает в болотах Великой Семизерской чисти. Днём её никто не встречает, так как она очень пуглива из-за своей внешности. Она унаследовала отцовский характер, и всегда уступает свои просторы и дары природы людям, завидев которых спешит укрыться где-нибудь в урочище. Кое-кто, правда, её встречал, застав врасплох, но об этом предпочитают помалкивать.

Или рассказывают, что видели-де лягушку необыкновенной красоты с большими карими глазами. Будто бы ночью она становится молодой, прекрасной царевной-девушкой в зеленом сарафане, со светлой короной в виде лилии-цветка на прелестной головке. Но кто же ходит ночью на болото, чтобы посмотреть на царевну-лягушку? Вот и приходится верить тем, кто, случайно заблудившись, всю ночь бродил по болоту, а увидав Царевну-лягушку, находил путь к дому.

Много чего всякого-разного рассказывают охотники ходить по ягодам, по грибы, или порыбачить на семизерских озёрах о болотной лягушке, но однако все сходятся на том, что увидеть Дочь болотного царя – большое счастье. Она приносит удачу. Молодожёны от посещения её царства остаются верными супругами на всю жизнь, дары природы её необъятного царства исцеляют многие недуги, продляют молодость и отодвигают старость, заряжают оптимизмом и желанием изменить свою жизнь к лучшему. Бывалые рассказывают, что до встречи с Царевной-лягушкой, они жили скучно и серо и не верили в чудеса. Но всё изменилось после встречи с ней.

Кто побывал на Семизерской чисти и набрал ведро краснощёкой морошки либо сладкой клюквы-ягоды, кто поймал в семизерских озёрах окунишек на добрую уху, кто ночевал в избушке на берегу небольшого озёрка и встретил там восход солнца, тот навсегда сохранит в душе эти прекрасные мгновения жизни и будет верить да и другим рассказывать, что сказка живёт рядом с нами.

ОЛГА ГУСЕВА

Родилась в посёлке Кадуй в 1954 году. Школу закончила в г. Никель Мурманской области.

После окончания Череповецкого медицинского училища по специальности отработала всего пять лет. Но жизнь сложилась так, что вот уже 34 года военнослужащая, ветеран военной службы. Стихи пишет с детства. Любимые темы в творчестве - природа и добрые отношения в семье.

«НАД ЗЕМНОЙ СУЕТОЙ ПОДНИМИСЬ...»

ПЕРВЫЕ ХОЛОДА

Небо цвета купороса,
Высь прозрачна и чиста,
Значит, скоро жди мороза,
Наступают холода.

Первый заморозок льдинкой
Звонко хрустнул под ногой,
Иней травы и былинки
Тронул ночью сединой.

По утрам на ярком солнце
Серебром блестит трава,

В луж зеркальные оконца
Смотрит неба синева.

С каждым днём всё ниже тучи,
Ветер злой бросает в дрожь,
Неприветливый, колючий
Чаще льёт холодный дождь.

Стынет лес, легко одетый,
Как бедна его листва!
И по всем, по всем приметам
Ляжет снег на Покрова.

КРАСКИ ЛЕТА

День, разбуженный ранним рассветом
И умытый прохладной росой,
Как хорош он и свеж тёплым летом,
Как пригож он своею красой.
Как прекрасны цветки и былинки
Нежен шелковый ус колосков
Изумрудом сверкают росинки
На резных лепестках васильков.
Посмотри, как ажурные кольца,
Паутинки, что сплёл паучок,
Задрожали, сверкая на солнце,
Когда их чуть качнул ветерок.
День наряден и великолепен
В свете утренней тихой зари,
Удивителен и многоцветен,
Полюбуйся, вокруг посмотри!

ПОДРУГЕ

Ели хочешь, чтоб жизнь изменилась,
Мой совет – непременно влюбись!
Только так, чтоб другим и не снилось,
Над земной суетой поднимись.
И тогда ты почувствуешь снова,
Как стучит в твоём сердце любовь.
И что ради неё ты готова
Пережить всё забытое вновь.
Ты опять мир увидишь иначе,
Как весной среди зимы расцветёшь,
Вновь поймёшь, что смеёшься, иль плачешь,
Значит, любишь ты, значит, живёшь.

КТО НЕ ЛЮБИЛ

Кто не любил, тот не страдал,
Бессонной ночью не терзался,
От счастья тот не умирал
И вновь от счастья не рождался.
Кто не любил, тем не понять,
Как за счастливое мгновение
И жизнь свою не жаль отдать
Без страха и без сожаления.

Мне жаль того, кто не любил...

ИСТОРИЯ
В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ

ОЛЬГА ВАТОЧКИНА

Ольга Ивановна Ваточкина живёт в Кадуе с 1989 года. Образование высшее. Работает заместителем главного редактора районной газеты «Наше время». Печаталась в альманахе «Семизерье» (2002 г.), в сборнике «Жить и помнить» (2010 г.), в журнале «Российская Федерация».

К СТАНЦИИ БУДУЩЕГО

Беседа с Николаем Филипповичем Чавкиным

Моего собеседника Николая Филипповича Чавкина не нужно представлять кадуичанам. На протяжении 15 лет он руководил градообразующим предприятием района – Череповецкой ГРЭС, дважды избирался депутатом Законодательного Собрания Вологодской области. Наш с ним разговор – о памятных страницах истории электростанции, недавно отметившей 35-летие, и людях, с которыми ему посчастливилось работать.

– Николай Филиппович, какими оказались первые ощущения, когда приехали сюда работать? Это было...

– ...В апреле 1976 года. Сначала добрался до Череповца, сошел с поезда на вокзале. Тепло, капель, запах талого снега – благодать! Промочил ботинки и вынужден был направиться на рынок в надежде найти новую обувь. А там витал аппетитный дух, исходящий от больших бочек с огурцами архангельского посола. С приподнятым весенним настроением сел в автобус и доехал до Кадуя. Строительство ГРЭС и поселка энергетиков было тогда в самом разгаре. Трубу уже возвели, а на корпусе станции полным ходом шли работы. Самое первое знакомство состоялось со старшим дежурным инженером станции Игорем Васильевичем Соколовым. Именно он в декабре того же года поворотом ключа осуществил пуск станции. Потом прошел торжественный митинг.

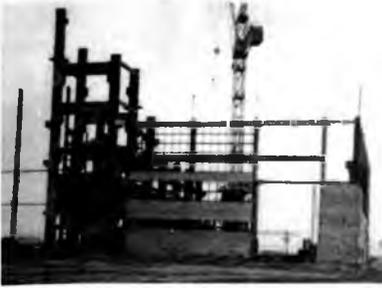
Это событие было приурочено ко Дню энергетика, сюжет о начале работы Череповецкой ГРЭС показали в новостях центрального телевидения.

А потом было самое сложное – начало эксплуатации оборудования, причем, в условиях зимы. Трудности преодолевали всем коллективом. Станция, напомним, была спроектирована с учетом того, что в качестве топлива будет использоваться уломский торф, а он не оправдал надежд. Пришлось переходить на уголь, хотя оборудование под него было не приспособлено. Сначала поступил уголь подмосковный, но он оказался низкокалорийным, с большим содержанием золы. Затем стал приходиться более качественный селезский уголь из Польши, потом из Инты и Кузбасса. Год за годом осваивали работу оборудования на непроектных видах топлива. В конечном счете, после завершения строительства первой очереди станции была проведена плановая модернизация основного оборудования для работы на угле.

– Наверняка, бывали критические, а возможно и комические ситуации?

– Одной из серьезных проблем было отсутствие склада топлива, что не позволяло иметь его запас на зимний период, а, значит, надежно обеспечивать станцию топливом. Вспоминается один случай, это было зимой 1989 года. Я, тогда уже директор станции, и главный инженер Игорь Григорьевич Кольцов в два часа ночи ходим по временному топливному складу (он тогда представлял небольшую расчищенную площадку) в надежде обнаружить под снегом какие-нибудь запасы угля, чтобы не останавливать станцию. Безрезультатно. Тогда родилось решение: позвонили начальнику Октябрьской железной дороги с просьбой направить на Череповецкую ГРЭС проходящий мимо станции Кадуй состав с углем, предназначенный другому адресату. С возвратом, конечно. Наш уголь был уже в пути, но значительно запаздывал, ко всему в условиях зимы он приходит замороженный, и требуется дополнительное время для его разогрева. Нам пошли навстречу, через два часа стоящий у Комарихи состав с топливом уже прибыл на Череповецкую ГРЭС.

А вот другой случай, в какой-то степени действительно комический. В 1992 году генеральный директор «Вологдаэнерго» Вячеслав Иванович Овченков направил меня в Газпром добиваться разрешения на поставку газа. Приезжаю в Москву, подхожу к нужному зданию. Старшее поколение помнит, что в это время был пик дефицита, распределение продуктов и других товаров велось в основном помимо магазинов – их

нередко завозили прямо в трудовые коллективы. Я попал в управление Газпрома именно в такой момент, и его работникам было не до посетителей. Поэтому я спокойно вошел в здание и вскоре оказался у дверей генерального директора ведомства Вяхирева. И только тут меня остановил мужчина - секретарь. Он удивился, как я сумел

свободно сюда пройти. Оказалось, прибыла машина с продуктами, и все ринулись делать покупки. Я рассказал, откуда и зачем приехал, показал письмо. Он пояснил, что прежде, чем попасть к генеральному директору, оно должно пройти определенные инстанции и обещал выслать ответ в течение месяца. Ответ оказался отрицательным. Но работа в этом направлении благодаря настойчивости Вячеслава Ивановича Овченкова продолжалась: мы обращались в Госплан, Госнаб, Минэнерго. И вот в 1996 году нам разрешили использовать сезонные избытки газа.

- И начался новый этап развития станции.

- Прежде всего, потребовалось строить к ней нитку газопровода. Нам повезло в том плане, что в это время по территории района прокладывали крупную газовую магистраль, идущую за границу. Совсем рядом базировались специалисты из Ставрополя с необходимой техникой, у них имелся запас материалов. И мы, чтобы ускорить газификацию Череповецкой ГРЭС, договорились с ними и начали подготовительные работы, хотя еще не закончилось проектирование нашего газопровода, велись согласования и отвод земельного участка. Что и обнаружил однажды представитель гостехнадзора. Он назвал меня авантюристом.

- Наказали за своеволие?

- К счастью, обошлось. Наоборот, дали возможность делать так, как положено. А сегодня строится вторая очередь ГРЭС, и новые (самые современные, экономически эффективные!) энергоблоки будут работать на газе. Это то, о чем мы когда-то мечтали и делали все возможное, чтобы мечту превратить в реальность. А вообще при решении каких-то производственных проблем мне часто везло. Вот один из таких примеров. Приехал я однажды в отдел топливообеспечения Министерства энергетики с целью добиться передачи в собственность 14 вагонов, на которых необходимо было возить уголь с временного склада к тракту гопповодачи.

В то время более трех тысяч тонн топлива рабочим приходилось грузить лопатами. В ответ на мое ходатайство получил категорический отказ. Попросили выйти из кабинета и больше с такими вопросами здесь не появляться. В коридоре встретил знакомого, работающего в этом же министерстве, разговорились. Узнав, что меня даже не стали слушать по наболевшей проблеме станции, он повел меня в тот же кабинет и стал разъяснять нашу ситуацию. И вопрос приняли к рассмотрению. Так бывало не раз: в нужный час в нужном месте на моем пути встречались нужные люди. Словно бы посылались мне свыше.

- Что Вам дали восемь лет депутатской работы в областном парламенте – и в плане защиты интересов энергетиков, и для собственного развития?

- Дали многое, но когда завершилась моя депутатская работа, испытала радость облегчения: будто огромный груз с плеч свалился. Сколько за эти годы ко мне поступало обращений граждан! И по каждому надо было разобраться, дать ответ или оказать конкретную помощь. Но когда осознаешь, что в силах кому-то помочь, повлиять на ситуацию и в масштабах области, и в отдельно взятой судьбе – это дорогого стоит.

Я узнал, как живут люди в других районах, какие имеют проблемы, получил возможность сравнивать, видеть сложившуюся ситуацию в целом по области. Представляя энергетический комплекс Вологодчины, а его предприятия являлись одними из крупнейших налогоплательщиков, я имел задачу отстаивать наши интересы. То есть влиять на то, чтобы бюджетные деньги расходовались, в том числе, и на развитие энергетики области.

- Перечислите наиболее крупные объекты, которые появились за время Вашего пребывания у руля станции.

- ГРЭС работала в системе сначала «Ярэнерго», затем «Вологдаэнерго», «Северной энергетической управляющей компании», «ОГК-6». Я благодарен руководителям этих управлений за оказанное доверие, поддержку и понимание. Все, что построили и модернизировали, было конечным результатом нашей совместной работы. Удалось не только получить возможность работать на газе, но и возвести склад угля с вагоноопрокидывателем, автоматическую систе

му управления первого блока, ряд природоохранных объектов и так далее. Любая трудовая победа станции – это еще и коллективный труд строителей и энергетиков.

- В прежние годы помимо основной производственной задачи – выработки электроэнергии для череповецкого промышленного узла, а также тепла и горячей воды для нужд райцентра – кадуйские энергетики держали на своих плечах жилищно-коммунальную сферу поселка ГРЭС, два ведомственных дошкольных учреждения, пионерский лагерь, здравпункт и даже подсобное хозяйство, включая теплицы, свиноводник и коровник. Надо полагать, руководить таким многопрофильным предприятием было нелегко.

- Начну с цифр: тогда коллектив станции, включая ее социальную сферу, насчитывал более 1700 человек, сегодня – свыше 600. Прежде выполнялся весь спектр работ, начиная от эксплуатации и ремонта оборудования и заканчивая удовлетворением социальных и бытовых нужд энергетиков. В то же время все возникающие проблемы в любой структуре станции решались коллективно. Мы действовали в одной связке, и если возникала острая необходимость, то могли снять людей с цехов и направить на другой участок. Поэтому все удавалось, а в этой коллективности были свои большие плюсы. Стало тогда традицией проводить субботники, заниматься благоустройством поселка.

Было легко управлять таким разноплановым хозяйством еще и потому, что я шел по проторенному пути, который проложили первый директор станции Алексей Алексеевич Мешков, а затем его преемник Виталий Петрович Фомичев. Все было уже отработано, мне передали накопленный опыт. Поэтому я благодарен моим предшественникам, а также заместителю директора по общим вопросам Леониду Михайловичу Огородникову, который в 80-е годы занимался снабжением предприятия и его социальной сферой. Каждый из этих людей внес огромный вклад в развитие станции и поселка. Виталий Петрович Фомичев, к примеру, завершил строительство Дома культуры, начал работы по возведению склада угля, внедрению оборотной системы водоснабжения, которая очень значима в плане охраны природы.

Есть особый период в жизни станции, когда шел процесс реорганизации системы энергетики. Эти перемены на Череповецкой ГРЭС прошли достойно, они происходили под руководством генерального директора «Вологдаэнерго» Валентина Михайловича Санько. Я постоянно ощущал его помощь и поддержку.

- И наш с Вами разговор плавно перешел от истории станции к людям, которые творили эту историю. Кому из тех, кто трудился рядом с Вами, хотите сказать «спасибо»?

- Перечислить всех невозможно. Это сотни людей, начиная от моих заместителей, начальников цехов и завершая рабочими, кто не просто добросовестно, а творчески делал свое дело.

- Вспомните яркий пример такого творчества.

- Мастер цеха централизованного ремонта Петр Петрович Петров нашел выход, как снять многолетнюю проблему регулирования температурного режима в главном корпусе станции в зимний период. В сильные морозы стояла угроза вывода из строя основного оборудования. Он подал неординарную идею, ее претворили в жизнь, и проблему сняли. Это и есть самое бесценное в людях – неравнодушие, умение мыслить нестандартно. Таких специалистов на станции немало.

Прежде всего, это главные инженеры станции Игорь Григорьевич Кольцов и Евгений Александрович Смирнов, которые обеспечивали надежную работу оборудования и его ремонт. Сегодня на высоком уровне находится общепит предприятия под началом Светланы Анатольевны Грачевой, а ведь к этому шли по ступеням. Помнится, прежний руководитель Надежда Александровна Чашина решила раз в неделю проводить в столовой день каких-либо национальных блюд: грузинская кухня, украинская, армянская и т.д. Люди сразу это заметили и оценили. Подобные новшества поднимают настроение, а значит, положительно сказываются на производительности труда. Умело организовывала работу нашего ОРСа Надежда Васильевна Вязоницына. Возглавив недавно ветеранскую организацию Череповецкой ГРЭС (а это сегодня самый большой «цех» станции, в котором насчитывается более 600 человек), она подняла ее деятельность на новый уровень. А какая нелегкая ноша в свое время досталась Валерию Петровичу Козлову – моему заместителю по социальным вопросам! Он был на этой должности в годы перестройки, когда царил безденежье, всеобщий дефицит и не было средств даже на зарплату. При нём шел болезненный процесс передачи в муниципалитет социальной сферы ГРЭС.

В любой ситуации он проявлял терпение и находил верные решения.

- Сегодня вы на заслуженном отдыхе и смотрите на жизнь станции немного со стороны. Что вас огорчает и радует?

- Не хочется говорить о грустном, но одну мысль выскажу. Огорчает, что сейчас во главу угла поставлены денежные отношения, а не общественная значимость того или иного дела. А в прежние годы единство цели и единство подхода к работе было у всех трудовых коллективов, обслуживающих ГРЭС: эксплуатационников, ремонтников и других подрядчиков.

Радует, что так тепло и заботливо сегодня относятся к ветеранам станции. Новый руководитель – новые подходы к работе. Так и должно быть. Посмотрите, как при Олеге Константиновиче Фомичеве эстетически преобразается предприятие, меняется его внутренний дизайн, какое проводится благоустройство территории. Это шаги к электростанции будущего. Именно на его долю выпало строительство второй очереди станции, а это самый сложный период. И все у него получится, потому что курс взят верный.

Беседовала
ОЛЬГА ВАТОЧКИНА.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Александру Григорьевичу Юкову – учителю, краеведу, общественнику – в 2012 году исполнилось бы 100 лет. Он был невысокого роста, скромный, не любил шумихи вокруг своего имени.

Перед вами два отрывка из его публицистических статей. Они хранятся в районном краеведческом музее, у истоков которого стоял он сам. В одном отрывке – его автобиографические заметки о прожитых годах, в другом – философские раздумья о жизни...

МНЕ НЕ НАДО ПРЯТАТЬ ГЛАЗА

Родился и вырос я в крестьянской семье, попавшей в годы моего раннего детства в трудное положение. Это было время Первой мировой войны и революции. На руках у матери оказалась семья из двух дряхлых стариков (один еще и ослепший) и больного, искалеченного ребенка. В 18-м вернулся из госпиталя отец – в солдатском обмундировании, с наголо обритой головой после тифа. Умерла бабушка, но остался слепой дед. Появляются новые дети. Разруха. Отцу удалось устроиться на железную дорогу. Сутки работы на станции – двое суток свободы. Станция от деревни всего в семи километрах: можно работать и там, и дома. Дела пошли на поправку. А тут и НЭП.

Теперь много шума о неадекватности обмена между городом и деревней, при НЭПе будто бы в этом отношении все было хорошо. Нет! Историки хорошо знают дискуссии о «ножницах». Всеобщей бедой крестьянства была невозможность добыть копейку даже на уплату налогов.

И вот тут наша семья оказалась в положении выгодном – у нас завелась копейка. У отца даже забрезжила надежда... разбогатеть. И она оказалась реальной: домашнее крестьянское хозяйство пошло в гору.

Станция Вожега имела депо и считалась крупной (на ней менялись паровозные бригады), там были постоянные и выгодные покупатели молока, яиц, мяса, огородной снеди. Отец скоро приобрел квалификацию осмотрщика вагонов и хорошую репутацию, заработок его рос, при этом он успевал делать дома все мужские дела по хозяйству. А совершенно неграмотная мать не умела, кажется, одного – сидеть без дела. К тому же отец за всю жизнь не узнал ощущения полного опьянения алкоголем и не выкурил ни одной сигарки или папиросы. Почему бы семье и не разбогатеть?!

Но «не долго тешил нас обман». Наступил 28-й год. Появились «твердые задания». У нас в одной комнате (горнице) был выкрашен пол, и завелась такая «роскошь» – подавать бывавшим иногда у отца гостям со станции каждому отдельно две тарелки и, кроме ложки, еще вилку и уж совсем непонятно для чего – нож. Перспектива – сначала стать «твердозаданцем», а потом и в кулаки угадать.

Спасла железная дорога: сначала за отца заступились железнодорожники, потом он поехал на курсы вагонных мастеров. Семья раскрестьянилась, сначала перебралась в Тихвин, потом в Череповец, где отец и мать прожили до конца жизни. Отец так и был всю остальную жизнь вагонным мастером, получил за работу в военные годы орден Ленина, звание Почетного железнодорожника и медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Таким образом, мыкания русского крестьянина послеоктябрьских лет мне известны не понаслышке.

Кое-чего стоят и мои собственные мыкания. В школу пошел только в 12 лет, потому что до этого вообще не мог ходить. Читать, писать, примерчики решать научился дома в сидячем положении. Уже тогда созрело решение одолеть беду собственными усилиями, и к 17-ти годам настолько преуспел в этом, что отверг планы родителей пристроить меня в какой-нибудь «спокойной» специальности (учителя сельской начальной школы или счетного работника). Поступил я в 1929 году в недавно открытый в Вологде колхозный техникум. Колхозной «романтикой» я был уже «начинен» в семилетке.

Это был забавный техникум: за два с половиной года обучения в нем я побывал на практике в колхозах двух районов Вологодской области, в Лальском районе (теперешней Архангельской области), в станице

Динской Краснодарского края. Это были 30-е годы – самые бурные годы коллективизации. Выполнять приходилось поручения скромные: посекретарить, помочь в счетоводстве, в ревизии, что-то обмерить, взвесить, подсчитать – насмотрелись и наслушались многого.

А в начале 1932 года я уже инструктор Грязовецкого райколхозсоюза. Осенью 1934-го у меня были оформлены документы на вступление в кандидаты партии. Но до собрания, на котором должен был состояться прием, пришлось уехать на целых два месяца в Евпаторию (из-за обострения болезни). В это время – убийство С.М.Кирова и последовавшие за этим события. Вступление в кандидаты «отсрочилось» до 1939 года,

а в 1940-м я стал членом партии. Тогда уже был окончен педагогический институт (заочно), и я работал директором сельской средней школы.

Вся остальная жизнь прожита вместе с партией коммунистов, со всеми ее свершениями, бедами, ошибками и даже преступлениями. Никогда не был просто составляющим кворум, голосующим и все одобряющим. Четыре года был секретарем сельской территориальной партийной организации, около десяти лет – членом районных комитетов партии в Никольском и Кадуйском районах на Вологодчине. Не знаю, гордиться этим или каяться, но трусливо и приспособленчески замалчивать не буду, что с 1931 года (с комсомола) я – пропагандист, страстный и увлеченный.

Специализировался на международной и исторической тематике. Твердо уверен в том, что, если бы сегодня оказался в Грязовецком и Никольском районах, где мне пришлось жить и работать, в окружении тех людей, с которыми общался, мне не пришлось бы стыдиться и чувствовать себя перед кем-то виноватым. Не надо прятать глаза и сегодня в Кадуйском районе, где прожил активной жизнью на виду у людей последние 50 лет.

Всегда много читал, не прочь был «покопаться» и в теоретических проблемах. Всем этим, думаю, заработал право быть услышанным и выслушанным.

«КОЧКИ» ОБОЗРЕНИЯ

Всякая точка зрения, пусть и не полностью, но во многом зависит, фигурально выражаясь, от кочки обозрения действительности, кочки того видения, на котором и формируется точка зрения, позиция.

Кочки обозрения бывают разные: очень высокие, с которых обозревается большое пространство и видятся далекие горизонты, и совсем маленькие, обозреть с них можно очень ограниченное пространство, видимый горизонт с них узок, но зато близок. У низенькой кочки есть свои преимущества: с нее хорошо видится такое, чего не рассмотришь с большой высоты и отдаленности. Великий баснописец Крылов отметил факт, когда букашки, мушки, таракашки затмили слона перед дотошным посетителем музея. Случай жизненный, реальный, но редкий. Все-таки чаще огромное чучело слона заслоняет собой тех букашек-мушек, которых полезно бы знать.

Наблюдающий с высокой кочки имеет то преимущество, что и при не очень высокой компетентности найдет случай и повод сказать что-то весомое и многим интересное. Наблюдатель с маленькой кочки может это сделать только при условии некоторой теоретической вооруженности и вооруженности житейским опытом. Думается, что у меня это есть.

Подготовила Ольга ВАТОЧКИНА.

Фото из районного музея:

Встреча с выпускниками 1954 года. А.Г.Юков крайний слева. Снимок сделан в 1984 году.

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР ЕРОХИН

Ерохин Александр Нилович родился в 1926 году в д. Михеево Череповецкого района.

В 1943 году после первого курса педтехникума ушёл добровольцем на фронт. Был контужен, награждён медалями. После войны служил военным моряком. Жил в посёлке Хохлово Кадуйского района Вологодской области. Печатался в периодических изданиях (районных, областных), в журнале «Север». В альманахе «Семизерье», в книге «Жить

и помнить». 30 апреля 1997 года ушёл из жизни.

«А СЫН ОХРАНЯЕТ РОДНУЮ СТОРОНКУ...»

ГАРМОНИСТ

(отрывок из поэмы)

Ушел гармонист
От родного порога.
И не знал, что семь лет
Будет эта дорога...

Окончена служба.
Дорогой прямой
Алешка весною
Приехал домой.
«Алёшка, сынок!

Не дождались отца.»
И катятся слезы
С родного лица.
«Отца не вернуть-
Глянь в шкафу на награды,
Хоть больно и тяжело,
А жить-то ведь надо.
Ты спросишь сынок,
Как одна -то жила.
Пахала да жала,
Вас с фронта ждала.
Работала здесь
От бела до бела
И фронт весь кормила
Та женская сила.
Жила на картошке
И не было мыла,
Но все же гармошку
Твою сохранила.
Хоть было и худо-
Гармонь покупали,
Да только полпуда
Муки и давали.
Ну что ж, не горюй,
Проживем мы Алешка
Отца не вернуть,
Но жива вот гармошка».
Алешка гармошку
Ту в руки возьмет
И песни отца
За него допоет.

Играл гармонист
 Созывал всю округу
 На песни на пляски
 К веселому кругу.
 И пляшут девчонки
 С частушками, рады.
 Сулят гармонисту
 Большие награды.
 «Я не утка и не гусь,
 По реке не плаваю,
 За игранье игроку
 Девушку кудрявую.
 За игранье игроку
 Надо премировочку
 На ботинки, на галоши
 И на поллитровочку.»
 И пальцы устали
 И спать бы пора,
 Готов он для Гали
 Играть до утра.

Алешка он что ж?..
 Как в заречье явился,
 И год не прошел ,
 Как на Гальке женился...

А годы то шли...
 Вот и Лешкин сынок
 Отправлен служить
 Да на Дальний Восток.
 Он служит на Тихом

На том океане,
Да только играет
Сынок на баяне.
Он здесь охраняет
Родную сторонку,
Деревню Заречье,
Подружку Аленку.
А чайки кружатся,
Играет баян,
И слушает песни
Седой океан...

ВАЛЕРИЙ КУЗЬМИН

Кузьмин Валерий Леонидович, 1952 года рождения, уроженец Харовска Вологодской области, в Кадуе проживает с 1978 года. Он. - самобытный поэт, участник всех предыдущих сборников.

*«ЗДЕСЬ, У РОДНОЙ РЕКИ,
НЕГАСНУЩИЙ ОЧАГ...»*

АВГУСТ
(из дневника)

1.

«Здесь так тихо. Здесь август прикорнул у беседки.
Здесь погожие дни отчего-то так редки!
И невиден здесь парус лодки, в полночь уплывшей...
Лишь рябин красный гарус, да ухоженность вишен!
Да кусты облепихи мне на завтрак и ужин,
Да вчерашнее лихо в зеленеющей луже!

2.

Здесь так тихо. Так тихо, что порою мне страшно
Уж не стал ли я психом, и на месте ли «башня»?
Ходят в белых халатах, мне приносят пилюли,
Молча просят «на лапу». Как меня обманули!

Я-то мученик верил, был в согласии с новым...
Жизнь по совести мерил, а не грязным целковым.

3.

Здесь так тихо. Здесь август.

Солнцем залит пригород.

В голове светлый градус, а под мышкой под сорок!

Санитары в раздумье. Да и ты не смеёшься.

К старой доброй колдунье по лесам ты несёшься...

Здесь так тихо. Здесь август.

Нескончаемый, кроткий.

Где же ты, моя Радость?» - Обрываются строки...

ТЕТЕРЕВИНЫЙ ТОК

Стуки да перестуки -
Тетеревиный ток.
У меня же работа:
Электричество, ток!
Не зря же мне так охота
С ружьишком да на болото,
Где стуки да перестуки -
Тетеревиный ток,
До исступленья,
До муки: «Тук-тук-тук,
Ток-ток-ток!»

У РОДНОЙ РЕКИ

Здесь у родной реки
Негаснувший очаг...
И ночи коротки,
Увереннее шаг!

Дорога мне легка,
Не давит плечи груз.
Дивлюсь на облака
И на себя дивлюсь!

Как в зеркало смотрю
В прохладу родника
И вижу, месяц юн...
И тычет конь в бока!

Вперегонки... в луга
Несёмся напрямик...
По-царски день богат
И краток, словно миг.

Не уместить в нём всё,
Чем вновь душа полна.
На небо вознесён
Он, глянь, за купола!

* * *

...Ещё осень. Да, да, ещё осень!
И напрасны по ней чьи-то звоны.
На темнеющем фоне сосен
Так эффектно смотрятся клёны!

И рябина горит пунцово,
И в глазах мельтешит орешник...
Да и я подбираю слово -
Неизменный осени грешник.

Ещё осень. Конечно же, осень.
А иначе зачем всё это?..
Даже то, что я так несносен
И творю из себя поэта,

НАТАЛЬЯ МИНЯЕВА

Наталья Николаевна Миняева в теплую пору года живёт в деревне Уйта Кадуйского района. Она прикладывает много сил по возрождению местных традиций. Организует сельские праздники Троицы, Урожая, Дня Уйты, о которых писала не раз районная газета «Наше время», и творческую деятельность сельского хора. Создаёт музей, для которого собирает предметы прежнего деревенского

быта. Начала сотрудничать с краеведческим музеем им. А. Г. Юкова. Её стихи публиковались в районной газете.

Родилась Наталья Николаевна в селе Сергиевск Куйбышевской (ныне Самарской) области. После окончания Куйбышевского института электросвязи по распределению попала на Вологодчину, где тридцать три года отработала на одном предприятии, на пенсию ушла с должности коммерческого директора.

«МНЕ БЫ ТОЛЬКО СКАЗАТЬ....»

РАЗЛУКА

Вот однажды, не выдержав паровозного зова,
Я вскочу на подножку вагона любого.
И недели разлуки в минуты сожмутся,
Мои руки с твоими навеки сомкнутся.
Мне бы только увидеть глаза твои синие,
Мне бы только сказать,
как люблю тебя сильно я.

ОСЕННИЕ ХОЛСТЫ

День дождливой серой шалью
Накрывает небосвод.
Осень рыжая хозяйка
Всех встречает у ворот.

В лес пойду и попрощаюсь
С ним до самой до весны.
Мне всю зиму будут сниться
Яркой осени холсты.

То багряный лист осины,
Словно грудка снегиря.
То резной листок рябины
Как ручные кружева.

ПРЕДАННОСТЬ

В нашей деревне Уйта в золотисто солнечном доме с резным палисадом, прямо как в песне - «Вологда-гда», живет трудолюбивая семья Беляевых. Хозяин – Юрий Васильевич заядлый лесник. Лес для него - открытая книга - постоянно влечёт своими тайнами, суровой красотой и щедростью. В лес он ходит с преданным другом – своей собакой Юной. Породистую карело-финскую лайку восемь лет назад, когда она была чуть больше рукавички, полюбила вся семья, особенно дочь – Надежда и внучка - Александра. Так и сложилось у пушистого друга имя - ЮНА (Юрий, Надежда и Александра).

Однажды летним днём Юна бегала у колодца во дворе дома, а хозяин заканчивал косить траву.

Вдруг он замер, насторожилась и Юна. Они одновременно посмотрели в сторону колодца, откуда доносилось зловещее шипение. Юрий Васильевич остолбенел, он увидел, как совсем рядом с ним змея приняла стойку и, шипя, приготовилась наброситься на него. Собака, почувствовав, что сейчас случится страшное, мгновенно бросилась к змее и откусила ей голову. Змея была обезврежена, но всё же укус достался собаке. Юна начала терять силы. Когда ей принесли еду, она даже не подняла головы. Хотя, когда местный медик делал укол, она пыталась полаять на него и даже укусить, но движения её были слабыми и беспомощными. Укол принес небольшое облегчение. Утром неверной походкой, собака медленно побрела в сторону леса. Всё, пошла в лес помирать, с горечью подумали хозяева и с грустью смотрели ей вслед.

Прошло несколько часов. Хозяин подошел к калитке, и каково было его удивление, когда он услышал знакомый залиvistый лай. Юна, здоровая и энергичная, бежала из леса. То ли лесная трава, то ли болотная вода, а может быть и сам лес-батюшка вылечил, дал силы и спас Юнону от смерти.

Радости не было предела: ведь вся семья здорова и в полном сборе.

ЕЛЕНА ОРЕХОВА

Орехова Елена Вениаминовна - коренная кадуйчанка. В 1989 году закончила Кадуйскую среднюю школу №1. Всегда много читала, в школе любимыми предметами были русский язык и литература. В поэзии нет кумира, а вот из прозаиков любит книги А.Иванова, П.Проскурина, В.Белова. Стихи начала писать в детстве, сначала это были небольшие поэтические поздравления для друзей и родных. Очень любит одиночество, только тогда она чувствует себя комфортно.

«ГДЕ ОРАНЖЕВОЕ СЧАСТЬЕ?...»

Простиралось солнце через тучи,
 Вот уже упал на землю лучик,
 Он один меня, наверное, согреет,
 Знает, что душа моя болеет,
 Что на сердце холодно и нестройно,
 Бесприютно, страшно, беспокойно,
 Он один сейчас поймёт меня –
 Жизни нет во мне, коль нет огня!

ПРОЗА

НИКОЛАЙ БУРОВ

Буров Николай Николаевич родился в Грязовецком районе в 1945 году. Человек был интересный, творческий. В 70-е годы работал журналистом в районной газете «Заря коммунизма»
Умер в 1987 году.

ФИЛЬКА

Рассказ

1

С двумя полными, приятно оттягивающими руки корзинами грибов я пробирался сквозь густые заросли ивняка и ольшаника в сторону дома. Низина эта мне была не знакома, и хотя с последней малозаметной тропинки я уже давно сбился, заблудиться не боялся: косые лучи катившегося к закату небесного светила надежно указывали мне нужное направление. А до нашего поселка, по моим подсчетам, осталось не больше двух-трех километров.

Внезапно моё внимание привлекли какие то непонятные звуки, доносившиеся слева и похожие то ли на крик неизвестной птицы, то ли на плач ребенка. Я остановился и прислушался. Несколько мгновений было тихо, затем всхлипывающий стон повторился. Повернув влево, я стал осторожно приближаться и вскоре, раздвинув кусты, обнаружил небольшую полянку, а на ней – сидящую на кочке девочку лет трех, с большим алым бантом в тоненькой светлой косичке. Малютка сидела ко мне боком и, видимо, окончательно обессилев и потеряв всякую надежду выбраться из лесу, уже не плакала, а только как-то очень жалко постанывала, уткнувшись лицом в колени. Возле ног её стояла поллитровая банка, примерно на треть наполненная малиной.

На меня, никогда не имевшего своих детей и уже многие годы не общавшегося с чужими, нахлынуло острейшее, досель не испытанное

чувство нежности к этой девочке, сострадания к детскому горю. Корзины сами выпали из рук, а я вмиг очутился на полянке. Не помню, что я говорил, как утешал ребенка, но девочка очень скоро оказалась у меня на руках, доверчиво обхватила мою шею своими маленькими ручонками, улыбнулась. Наспех связав между собой брючным ремнем корзины с оставшимися там грибами и перекинув связку через свободное левое плечо, я, выбирая пошире просветы между деревьев, заспешил в поселок. Девочка что-то лепетала мне на ухо, приятно щекотала шею рассыпавшимися волосенками, я говорил, что скоро доставлю девочку к папе и маме, они очень обрадуются ей, и все будет хорошо, прямо как в сказке.

Из лесу мы выбрались довольно быстро. Девочка ровно и глубоко дышала на моем плече. Наверное, дремала. Но не успели мы войти еще в поселок, она вдруг беспокойно заерзала на руках, пытаюсь освободиться, что-то закричала, заплакала взхлеб.

– Милая, что с тобой? – как можно ласковее спросил я, – что случилось?

– Забы-ы-ли, в заблудях забы-ыли, – голосила девчушка и добавляла еще какое-то слово, которое я поначалу никак не мог разобрать.

– Ах, малину забыли, вот что, – вспомнил я об оставшейся на поляне банке. – Ты хочешь малины? Ну не плач, завтра я пойду в лес и принесу тебе большую-пребольшую банку ягод, полную-преполную... А сейчас мы пойдем к доброй бабушке, моей маме, и она угостит тебя пирогом с вареньем...

– Не хочу пирога, мы в заблудях Фильку моего потеряли, – еще громче закричала девочка, – мне его папа Володя подарил...

Филька, папа Володя... Так вот она кто, эта девочка... Меня будто током ударило: я сразу все понял. А поняв лихорадочно стал соображать, прокручивать в голове все возможные варианты. Конечно, возвращаться в лес с ребенком на руках сейчас, когда уже солнце к закату близится, глупо. Значит, нужно уговорить девочку подождать до завтра, а утром отпроситься с работы, прочесать лес и найти эту злосчастную куклу, поскольку оставить этого ребенка без её любимой игрушки я уже не мог. Семенов, конечно, отпустит, он хорошо ко мне относится. Ну, а если на той полянке, где я подобрал эту малышку, Фильки нет? Узнай, попробуй, по каким малинникам водили её с собой беззаботные сорванцы Иванчиковы, где она потом сама плутала «в заблудях»? Вариант разыска явно имел пробелы...

Значит, нужно раздобыть для девочки другого Фильку, точно такого же, благо бракоделы-игрушечники никогда не выпускают нелепости в единственном экземпляре. Нужно посмотреть в местном магазине. А если там не окажется - обращаюсь к Гераклу...

Быстренько все обмозговав, я начал, как умел, успокаивать девочку, убеждая её, что Филька не заблудится, что он любит свою маленькую хозяйку и непременно вернется к ней.

– Не плачь, Света, тебя ведь так звать, правда? – утешал я свою спутницу – Ну вот, а я – Дядя Костя. Я и тебя, и Фильку твоего знаю. Может быть, он уже домой вернулся, пока ты в лесу была, а если нет, то завтра непременно появится. Ничего страшного, куклы с такими большими глазницами, как у Фильки, хорошо видят ночью и очень даже любят прогуляться. А вот здесь я живу, и сейчас добрая бабушка накормит нас и уложит спать...

Моя мама поняла все с полуслова и тотчас принялась накрывать на стол. Быстренько появились пироги, чай, разнообразные сладости, невесть откуда взявшееся сливочное масло. Я нехотя выпил стакан чаю и, убедившись, что девочка попала в надежные умелые руки, накинул на плечи куртку и вышел. Я решил не откладывать задуманного до завтра, хотелось до закрытия заглянуть в магазин, затем навестить Геракла Аржанникова, своего лучшего друга, с которым жил в одной комнате много лет...

...Родителей своих он не помнит. Отец ушел из семьи еще до его рождения, мать умерла родами. Богомольные и почти всегда пьяненькие дед и бабка первым делом окрестили внука, нарекли его Гервасием, а затем отдали на воспитание в деревню дальней родственнице. Правда, по достижении школьного возраста внука старики взяли его к себе, но тот прожил у них не долго и вместе со старшим братом сбежал. У ребятишек не было никакого определенного плана действий, при первой же попытке «добыть» средства к самостоятельному существованию воровским путем были задержаны и препровождены в детдом. Там, к счастью, воспитателями оказались очень разумные и чуткие люди. Ребята обрели в их лица добрых наставников, выросли хорошими людьми. Аржанников старший пошел по военной части, а младший, при получении паспорта сменивший неудоборимое имя на вполне соответствующее своему богатырскому телосложению, выбрал себе шоферское дело.

Когда я после второй своей неудачной женитьбы покинул родные места, приехал на строительство ГРЭС и поступил в автоколонну, Геракл работал уже там. На душе в ту пору было у меня довольно муторно, жизни хотелось уединенной, и я сразу же спросил начальника Семёнова о том, нельзя ли как-нибудь устроиться жить не в общежитии. Семёнов поглядел на меня с нескрываемым любопытством, усмехнулся:

– Второго такого кадра встречаю. Но кроме общежития ничего предложить не могу. Впрочем, потолкуй вон с тем кучерявым, он как-то устроился. Может быть, найдете общий язык. Только предупреждаю: человек абсолютно не пьющий и запаха спиртного не переносит. Он тут как-то пятерым выпивохам морды пораскрасивал, рабочий день чуть не сорвал...

К числу абсолютных трезвенников я не принадлежал, тем не менее с Гераклом мы сблизились. Ему импонировало, что я не пью на работе, хорошо знаю и люблю технику, по утрам обтираюсь холодной водой и потом занимаюсь с гантелями, либо колочу «грушу», не хуже его играю в шахматы и с удовольствием слушаю его игру на гитаре.

2

Мама Зина, Зина Речкина. Эту молодую женщину, рабочую столовой, мог не заметить разве что слепой. Даже такие женоненавистники, как я и Геракл, не могли не отметить, что она, стройная, темноволосая с чуть продолговатым лицом и какой-то застывшей грустью в больших голубых глазах, очень привлекательна. А уж о не устоявшихся натурах, как Володька Кузьмин, и говорить нечего. С толпой таких же, как сам, «страдателей» он чуть ли не всё свободное время толкался возле столовой. При каждом появлении Зины весь растекался в счастливой телячьей улыбке, старался услужить ей при каждом удобном и неудобном случае. Как-то, проходя мимо, я даже увидел, что мой приятель таскает из столовской кухни ведра на помойку. Заметив меня, Володька густо покраснел, но я лишь усмехнулся и ничего не сказал: пусть, не он первый...

Зина вела себя со всеми очень сдержанно и как-то даже странно. Она ни разу не была в клубе, отказывалась от приглашений в гости и в свою барачную компашку никого не приглашала.

Более того, было замечено, что по несколько раз в неделю Речкина не ночует дома. По этому поводу ползли разные слухи, но толком никто ничего не знал. После работы Зина неожиданно исчезла и появилась лишь к следующей смене.

Уже много позднее нам с Гераклом стало известно, что в двенадцати километрах от нашего поселка в небольшой деревеньке осталась старенькая мать Зины и маленькая дочь Света.

Девочка родилась через несколько месяцев после того, как бесследно исчезли первый начальник строителей автотрассы – большой любитель рыбалки и парного молока – и его личный шофер, разбитной веселый малый Володька. Позднее Зина слышала что «рыбак» крупно проворовался, угодил за решетку и потянул за собой еще несколько человек, в том числе – личного шофера. Так ли это – не уточняла, не до этого было. Работа на ферме, трудные роды, заботы о слабенькой болезненной девчужке окончательно измотала её, старенькие, некогда тесноватые платья висели на ней, как на вешалке. Мать очень переживала за Зину, помогала ей, как могла, а когда девчужке исполнился год, и они с Зиной обе немного выправились, старуха Речкина настояла на переезде в строящийся поселок. Девочка была оставлена у бабушки. Но и переехав, Зина два-три раза в неделю ходила проведывать дочку. Ночью – пешком. За двенадцать километров...

Не знаю, думал ли о женитьбе Кузьмин, но вслух об этом первый сказал я. Однажды зимним вечером, когда Геракл со своей неизменной гитарой еще пропадал в клубе, а я валялся дома на своей койке, явился явно расстроенный Володька. Он, не включая света, непривычно долго раздевался, угрюмо сопел, прикуривал, ломая спички.

– Ну, чего сопишь? – насмешливо поинтересовался я. – Небось, опять твоя посудница исчезла в неизвестном направлении?

Пряитель промолчал, но по его усилившемуся пыхтению я понял, что угадал.

– Плюнул бы ты на это дело парень, – продолжал я. – Что тебе, девок мало? Вон возле Геракла роем вьются, как пчелки. И ты не из последних, если захочешь – заарканишь любую. А что бродишь возле столовой как нищий, смотреть на тебя тошно. Свет что ли клином сошелся на этой Зинке? Нашел, какую-то...

Володька так резко повернулся в мою сторону, что я замолчал. Подумалось: а ведь если я еще хоть слово неуважительное скажу о ней, этот ... теленок меня, пожалуй, ударит.

Подойдет и даст по морде, не заботясь о последствиях, о том, что я его могу разорвать, как тряпку. Ишь ты, как далеко дело зашло!

– Ладно, – сказал я примирительно, – бывает, что и свет клином. Но все равно ты ведешь себя глупо. Уж если так тебя забрало, что жить без нее не можешь, женись, черт тебя побери!

Кузьмин перестал сопеть, задумался.

– А что ж, – произнес он наконец, – пожалуй ты прав...

Отошел к окну, зажег новую сигарету, долго смотрел в темноту. И лишь минут через десять, когда я уже стал засыпать, глухо добавил:

– Если, конечно, она за меня пойдет...

И устремился наш друг в атаку. Всю следующую ночь в окне у Зины горел свет: она рассказывала немудреную историю своей жизни, а Володька клялся в вечной любви и верности. Утром, отправившись в рейс, Кузьмин оставил в Кашинском ЗАГСе заявление на регистрацию брака, накупил водки, вин и всевозможной снеди.

На другой день была суббота. У нас состоялась вечеринка, на которой, кроме нас с Гераклом и молодоженов, присутствовали многолетние соседи Зины – супруги Иванчиковы и трое столовских девчушек. Ивановы, исполняя роль радушной хозяйки, старательно угощала всех разнообразной стряпней и внимательно следила, чтобы на столе не было порожних стопок. Не пьянеющий Аржанников развлекал девчонок игрой на Гитаре, а мы с Иванчиковыми ели, пили и кричали «горько», без конца заставляли молодых целоваться.

Ночевать Володя ушел к Зине, а утром взял свою машину, набил рюкзак оставшейся у нас провизией и, захватил молодую жену, поехал в деревню, чтобы представиться теще и забрать маленькую Свету.

Старая да малая встретили их возле дома. Бабка застыла на крыльце в немом ожидании, а Света побежала навстречу матери.

– Вот, доченька, я тебе папу привезла, – целуя её сквозь набежавшие слезы, сказала Зина. Девочка, зная от бабушки имя отца и слышавшая, что он далеко уехал и когда вернется, обязательно привезет ей подарок, быстренько высвободилась из рук матери и с криком: «Папа Володя приехал» – бросилась к Кузьмину. Бабушка и мать словно окаменели, не находя слов, чтобы объяснить ошибку, а новоявленный «папа» в телячьем восторге подхватил Свету на руки, закружил, затискал, зацеловал её, как вряд ли бы мог настоящий отец.

– Папа Володя, а какой ты мне подарок привез? – спросила, наконец, девочка.

– Подарок? – чуть растерялся Кузьмин, но ненадолго. – Ах да, подарок... а вот он! – и Володька вытащил из кабины приобретенное в Кашине пучеглазое чудовище.

– Ой, какие у него большие глаза-а..., – разглядывая уродца, протянула Света. – А как его зовут?

– А Филькой! – Отозвался наш находчивый товарищ.

И как ни странно, этот пучеглазый Филька стал для девочки самым дорогим из всех игрушек. Она его мыла, причесывала, брала с собой и на улицу, и в постель, не расставаясь ни днем, ни ночью. Всем соседям и знакомым она охотно показывала свою драгоценность и непременно с гордостью сообщала, что это подарок папы Володи.

И вот теперь этот Филька безвозвратно утерян...

3

Я вышел из машины напротив Володькиного переулка, не спеша прошел к бараку. Убедившись, что Иванчиковы еще спят, а Кузьмины еще не вернулись из деревни, надежно приспособил куклу верхом на их дверную ручку и отправился домой.

Мама уже не спала, готовила мне завтрак.

– Ну, как? – почти беззвучно спросила она.

– Порядок! – кивнул я в ответ. – Где Света?

– Ой, – засмеялась мама, – а я все шепотом говорю, разбудить боюсь. Да еще с вечера сонную Иванчиха к себе унесла. Это ведь ихние обалдуи девчущку за малиной увели, да в лесу и забыли. Вовремя я подоспела, а то не знаю, что было бы. Такую Иванчиха трепку своим задала, что волосье с голов ключьями летело. Одному парнишке ухо до крови накрутила. Совсем обезумела баба...

Есть не хотелось. Чтобы снять усталость и сонливость, я выпил две кружки черного, как деготь, чая, и хотя было еще рановато, отправился в гараж. Первым я там встретил Володьку.

– Ну, дружище, не знаю как тебя и благодарить, – растроганно заговорил он, пытаясь обнять меня, – просто не знаю, как благодарить и за Свету, и за Фильку.

– Ладно тебе, – проворчал я, стряхивая со своего плеча его руку, – побереги эти нежности для молодухи. Да запомни, если при следующем отъезде оставите девчущку не у нас, мама с вами здороваться перестанет. А я тебе рыло набью!

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ КРАЙ РОДНОЙ!

Рисунки участников конкурса,

посвященного 85-летию образования Кадуйского района

(стихи, присланные на конкурс, помещены в разделе «Детский уголок»)

На даче. Парфёнова Настя. 10 лет.

Во дворе у бабушки. Журавлёва Олеся, 10 лет.

Дорога домой. Чура Иван, 9 лет.

Голодной зимой. Костыгов Николай 11 лет.

Зимний вечер. Журавлёва Олеся, 10 лет.

Мой двор. Буркова Настя. 10 лет.

Мой край. Чура Света. 10 лет.

Как всё быстротечно. Воробьева Марина. 13 лет.

Лето. Березина Катя. 12 лет.

На пляже реки Суда. Трофимова Уля, 10 лет.

Мой край. Гомарели Звиад, 10 лет.

Росой умоюсь. Васинцева Анна, 13 лет.

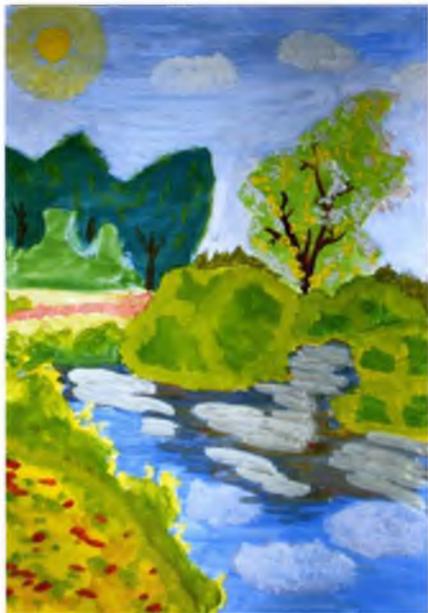
Сидит котик на окошке... Переверзева Виктория 12 лет.

Моя деревня. Переверзева Виктория. 12 лет.

Песни и музыка там не слышны...
Дуничкина Алла, 12 лет

Утро. Попова Надежда, 10 лет.

Снегири прилетели.
Костыгов Николай 11 лет.

Островок на реке Ворон.
Воробьева Марина 13 лет.

– Конечно, конечно, – радостно закивал головой Володька, словно ходить с разбитым носом было для него наивысшим удовольствием.

– Но как ты нашел куклу?

– Не ходил я в лес, отстань ты, – отмахнулся я. – На этой полянке, где Свету подобрал, куклы не было, точно помню, а искать по кустарникам – пустое занятие. Подменил я твоего Фильку. Хоть и говорят, что грешно младенцев обманывать, ну, да если грех во благо...

– Подменил? То-то я смотрю, вид у него вроде бы стал поопрятней. Но ведь таких...

– Да таких уродцев бракоделы порядочно привезли. У Геракла, например, если помнишь, был точно такой же...

– Ну, Геракл еще из командировки не вернулся, да и не отдал бы он тебе свою куклу, если уж он невесте подарить обещал.

– Что!? – поразился я. – У Геракла появилась невеста!? Кто же это?

– А ты разве ничего не знаешь? – Засмеялся Володька. – Наверняка она здесь. Медработник, месяца полтора назад из Кашина прислали. Выехали мы как-то утром из гаража, а наш красавец, как увидел эту медикчку – и стоп машина! Я тоже остановился, думаю, может, неполадка какая случилась, помочь надо другу. А он показывает на нее глазами и говорит: «Вот она, которая по ночам снилась! Все, пацан, конец моей холостяцкой жизни, умру, если моей не будет...» Разворачивает машину и к ней: «Пожалуйста, мадемуазель, такси подано, прошу садиться!» Произвел впечатление – заулыбалась. Первым, говорит, делом нужно мебель в медпункт завести, затем – на почту, потом на склад одежды. А Геракл и рад-радехонек. Полдня её везде возил, пока на Семенова не нарвался. Тот распалился, кричит:

– За использование автомашины не по назначению я тебя без зарплаты оставлю! А

Геракл только зубы скалит нахально:

– Чихать я хотел на твою зарплату, когда такое сокровище рядом...

– Ну-ну, а дальше что? – поторопил я Кузьмина, собравшегося закурить.

– Семенов махнул рукой, да ушел, не будет же он, в самом деле, наказывать человека, у которого лучшая по гаражу выработка. Наташа попросила высадить её, а Гераклу велела в рейс отправляться. Когда из машины вышла, куклу заметила – она в правом углу над сиденьем

приспособленная. Ой, говорит, откуда это у вас, у моей бабушки точно такая же, и бабушка говорит, что такие уродцы счастье приносят.

А Геракл не долго думал: «Я эту куклу вам подарю, когда согласитесь за меня замуж выйти». Засмеялась она, но с того дня всё свободное время вместе с Гераклом. Видимо, быть свадьбе, – заключил Володька.

– Вот оно что, – задумчиво проговорил я. – Медик Наташа из Кашина. Не иначе как это и есть та самая внучка старой Максимовны.

– Это какой Максимовны? Той чудаковатой старушонки, которую в Кашине в магазине видели?

– Она не чудаковатая, Володя, – сказал я. – Великонида Максимовна – чудесная старушка, я когда-нибудь расскажу тебе о ней.

– Слушай, – до Кузьмина, наконец-то, дошло, – дак ты это к ней за куклой ездил?

– Конечно, – ответил я. – Все очень просто: сел на свою бывшую машину и съездил ночью в Кашино. Правда, – усмехнулся я, – за рулем не я, а Бугаёв сидел...

– Бугаёв? – у Володьки аж глаза на лоб вылезли.

– Да, – просто сказал я. – И представь себе, оказывается, он не такой уж плохой парень. Впрочем, мы с тобой заболтались, пора за работу приниматься...

МАРИНА ГУСЕВА

Марина Викторовна Гусева пишет стихи и прозу. Родилась в деревне Ливнево Белозерского района Вологодской области, окончила педагогический институт. Живет в п. Кадуй. Длительное время была председателем литературного объединения «Семизерье» при районной библиотеке.

Публиковалась в районной, областной, всероссийской прессе и в предыдущих литературных альманахах «Скемизерье». Издала сборник прозы «Несостоявшийся рассказ» и книгу стихов «Бабье лето». С 2006 года состоит в Союзе российских писателей. Является членом редколлегии сайта [Gray1bancl.com](http://gray1bancl.com) (Международное творческое объединение детских авторов).

ХУДОЙ МИР

У рыночных ворот бойко шла торговля. Длинный, с крючковатым носом продавец шумно зазывал покупателей:

– Подходи! Не пожалеешь! Товар лучшего качества! Покупай, не зевай! Только здесь, только у меня!

Народ толпился у раскидного столика с разложенными на нем холщевыми мешочками разного достоинства. Шумно читали этикетки, обсуждали цены.

– Ай, ай! А самый большой с атомной начинкой – миллион рублей! Вот хапуга!

– Да, кто его купит за такие деньжищи?

– Кому надо, тот купит.

– Да кто? Кто?

– А это не нашего ума дело.

К прилавку пробилась стайка мальчишек. Самый старший, десятилетний мальчик, тряхнул непослушными кудрями и решительно протянул руку с зажатыми в кулак деньгами:

– Вот. Нам на все – маленькую войну.

Продавец деловито пересчитал деньги и покачал головой:

– На восемьдесят рублей сорок две копейки ничего нет.

Мальчишки заволновались, заспорили. Размахивая руками, загалдели все разом:

– Как ни чего нет? Отвесьте хоть немного. Нам очень нужно! Нам без нее никак! Вы знаете, сколько там мальчишек во дворе дома 87? Их в два раза больше, чем нас. Мы их что, по-вашему, голыми руками победим? Да у ихнего Димона кулачищи, как у Тайсона! Нам без войны никак нельзя. Посмотрите, что он с Пашкой сделал!

Самый младший, тшедушного вида мальчишка лет восьми, был вытолкнут из стайки ближе к прилавку для демонстрации огромного фингала под глазом, а так же нескольких шишек и ссадин на голове.

– Вот, смотрите!

Мальчишки горячились и кричали, толкаясь у прилавка:

– Как он его отделал? Разве можно такое спустить? А у Димона кулачищи! Нам без войны никак нельзя.

Между тем Пашка хлюпал носом и слезно смотрел здоровым глазом на продавца:

– Пожалуйста, нам самую маленькую. Нам бы только Димона...

– Раз такое дело, то надо помочь пацанам.

К столику пробился высокий гражданин и достал из кармана толстый кожаный кошелек:

– Как тут не помочь, они пострадавшие? Сколько стоит маленькая война?

Толпа тут же разделилась на две противоборствующие стороны.

Одна из сторон, во главе с решительного вида дамой, державшей на руках не менее решительную болонку, выступила категорически против военного вмешательства в дворовую драку мальчишек.

Другая сторона, под предводительством высокого гражданина, изъявила желание оказать денежную поддержку обиженным мальчишкам для разрешения конфликта.

Спорили долго, кричали и приводили веские доводы. В разгоряченных головах некоторых оппонентов уже начали зарождаться мысли о необходимости силового вмешательства в затянувшийся спор. И эти мысли, окрепнув, привели бы кулаки в действие, если бы продавца не отвлек очередной покупатель:

– Скажите, у вас можно купить Мир?

Его тихий голос привел толпу в состояние ступора, а у продавца вызвал непонимание:

– Мир? Какой мир?

Седоволосый покупатель не отвел глаз и терпеливо попросил:

– Продайте мне Мир, пожалуйста, пусть самый худой, но Мир.

Продавец брезгливо подхватил несколько мешочков и бросил их перед покупателем:

– Выбирайте, все, что осталось.

Над сгорбленной фигурой покупателя загремел голос разъяренного высокого гражданина:

– Какой мир? Причем здесь мир? Кто вы такой, чтобы решать? Кому здесь нужен мир, старик!

Покупатель поднял лицо, и все увидели, что он не стар, хоть и сед. Он посмотрел на взбешенного высокого гражданина доброжелательно и открыто.

Он заговорил с ним, как говорят взрослые с маленьким рассерженным ребенком:

– Мне нужен Мир. В моей стране много лет идет война. Гибнут мужчины. Дети живут в страхе. Старики плачут и проклинают войну.

Моей стране нужен Мир. Пусть самый маленький, самый худой, но Мир. Мы откормим его, поставим на ноги, вырастим. Он спасет мою страну от смерти...

Высокий гражданин съежился, попятился под взглядом необычного покупателя.

– Верно говоришь, сынок, худой мир лучше хорошей войны.

Поддержала покупателя бабушка Феня:

– Знаю, милоч, знаю. Сама я не воевала, врать не буду, чего не было, того не было. Ребенком я была в ту пору. Но помню, как много народу не возвратилось с проклятой войны, считай, больше половины деревни нашей там осталась.

Баба Феня прошла к прилавку, поставила клюку и деловито помяла дряхлыми пальцами ближайший мешочек:

– Дай, помогу тебе, мил человек, добрый Мир выбрать. Тощие какие они у тебя. (Она строго посмотрела на продавца). Вот этот поплотней будет. Покупай этот Мир, милоч, не прогадаешь.

– Спасибо, тебе бабушка за доброту твою. Дай Бог тебе Здравья, Блага и Мира.

Низко поклонился покупатель старой женщине и отдал свой кошелек продавцу:

– Возьмите, это все, что у меня есть.

Продавец высыпал содержимое кошелька на стол, удивленно посмотрел и проворно схватил мешочек с Миром:

– Мошенник? Обмануть меня хотел?

– Я – не мошенник!

Звонко крикнул покупатель и выпрямился. Удивленно ахнула толпа, покупателем был седой мальчик.

Возмущенный продавец показал всем высыпанные из кошелька ракушки:

– Вот, что мне пытался всучить этот обманщик! Люди добрые, посмотрит

Толпа заволновалась, то тут, то там послышались возмущенные крики:

– Обманщик! Он хотел расплатиться ракушками!

– Нет! Послушайте меня, это продавец хочет всех нас обмануть!

– Да вы посмотрите, ракушки не иначе, как из чистого золота!

Седой мальчик посмотрел на продавца лучистыми глазами:

– Я – не мошенник. Так все расплачиваются в моей стране. У меня нет других денег. Пожалуйста, возьмите мои ракушки, они из чистого золота.

Глаза продавца жадно заблестели, он торопливо сгреб ракушки:

– Откуда мне знать, чистое это золото, или ты лукавишь, маленький оборванец. Все равно мало этого, денег добавь или отдавай мой товар. Ходят тут всякие.

Трясущимися руками продавец торопливо собрал ракушки и хотел спрятать их в большой кожаный кошель на поясе, но был схвачен за руку решительной дамой с не менее решительной болонкой на руках:

– Минуточку. Не пойдет, говорите для оплаты золото. Так и верните его обратно. Ну же, отдавайте, отдавайте или утаить решили?

Посеревший от злости продавец высыпал ракушки на стол.

– Бери, мальчик! Бери! Продавец хочет другие деньги. Он получит другие деньги. Я помогу тебе.

Решительная дама отпустила на землю собачку, достала из сумочки кошелек и вытряхнула из него на стол деньги. В глазах продавца жадно заблестели:

– На эти жалкие гроши вы хотите купить Мир?

– Вот возьмите еще - этого хватит?

От стайки мальчишек отделился старший из них, тряхнул непослушными кудрями, вытянул вперед руку и разжал кулак. Заблестели на солнце монеты, зазвенели, ударившись о прилавок.

– Мало!

Закричал разъяренный продавец.

– Вот еще, утроба твоя ненасытная!

Бабушка Феня развязала тощую котомку и отдала свои сбережения.

– За такой товар я выручу в десять раз больше!

Хринел продавец.

Толпа всколыхнулась в едином порыве, нависла над продавцом и его товаром. Со всех сторон посыпались деньги:

– Вот еще!

– Возьмите, если мало....

– На, забирай!

– Да чтоб ты подавился!

Деньги сыпались и сыпались и скоро погребли под собой продавца.

Покупатель взял купленный мешочек с Миром, низко поклонился:

– Благодарю Вас, люди добрые!

Ликующая толпа проводила седого мальчика напутствиями Счастливого пути, пожеланиями Здравия и Мира его Стране.

За праздничной суетой никто не заметил, как тенью прокрался к прилавку высокий господин и, воровато оглядываясь, сгреб за пазуху мешочки с этикеткой «Война».

МАРИНА ГУСЕВА

СТИХИ ДЕТЯМ

Мама сказала:
– Мой желтый цыпленок.
Папа добавил:
– Пушистый котенок.
Бабушка ахнула:
– Наш колобок!
Дедушка хмыкнул:
– Славный малек.
Громко заплакал
Трехлетний сынок:
– Я мальчик! Я Миша!
Я не зверек!

Утром рано встал ребенок-
Рыжий, пятнами теленок.
Он для мамочки больной
Рвет букетик полевой.
Здесь ромашка, иван-чай,
Клевер, дудка, молочай.
Сын спешит скорей домой.
Сын несет подарок свой.
Верит,
 мамочке букетик понравится.
Мама скушает его
 и поправится.

АННА СМИРНОВА

Родилась 21 февраля 1981 года в п. Кадуй. Педагог дополнительного образования в Центре детского творчества. Стихи начала писать с 13 лет, но читать их публично начала только в университете. На пятом курсе издала свой первый поэтический сборник «Замёрзший цветок», в 2009 году вышел второй сборник «Разговор с тишиной» Дважды номинант Международной премии «Филантроп».

ШЕРСТЯНОЙ ШАРФ

Шарф был невероятно красивым и светлым и, к сожалению, немного самовлюбленным, но это оттого, что все вокруг твердили, желая похвалить женщину, которая его связала: «Какой прекрасный шарф! И, надо же, такой мягкий!» Он и возгордился.

Когда шея познакомилась с шарфом, то сразу полюбила его за теплоту. А он часто, желая поддеть её, говорил: «Ах, ты бедненькая, хрупкая шейка! Что совсем замерзла? Ну, так грейся, пока я рядом». Он издевался, язвил и смеялся над доброй шеей. А ей хотелось крикнуть в ответ: «Да не будь меня, ты был бы никому не нужен!» Но шея молчала и прощала шарфу все его выходки. Она ждала, когда же любимый шарф поймет, что она нужна ему не меньше (если не больше), чем он ей. Но гордый шарф не понимал, как это можно кого-то любить, кроме себя самого, разумеется, и все же через какое-то время... Впрочем, об этом позже...

Шарф жил обычной, довольно монотонной жизнью. Бывал на улице, когда хозяйка ходила гулять, но чаще просто висел в гардеробе. Ему было очень скучно, так как шарф ни с кем не общался, несмотря на большое количество других вещей, висящих в том же гардеробе. Правда, кое-кто из них пытался завести знакомство с шарфом, когда он впервые там появился, но шарф лишь презрительно отмалчивался и думал:

«Как я, такой красивый и совершенно новый, могу общаться с этими стариками?» И хотя остальные вещи вовсе не были старыми, шарфу нравилось так думать о них, еще больше возвышая себя в собственных глазах. Гордый шарф не понимал, что пройдет какое-то время, и он изменится, он постареет. Конечно, сказать правду шарфу могли другие, более опытные вещи, но он ведь общался только с шеей, которая обожала шарф и просто не могла причинить любимому боль, разрушив его грезы. Шея все еще надеялась на ответное чувство шарфа...

Однажды, как всегда находясь в гардеробе, шарф понял, что скучает по шее, что мечтает снова соединиться с ней и вместе погулять: «Как это я раньше не замечал, какая она, шея, стройная и какая нежная у нее кожа? Может я влюбился? Да, нет! Глупости какие! Это все от скуки!» И, тем не менее, шарф с нетерпением ждал встречи, хотя не признался бы в этом даже себе. Когда же хозяйка, собираясь на прогулку, как обычно обернула шарф вокруг шеи, он сказал ей: «Знаешь, я скучал по тебе! Ведь теперь я понял, что мы нужны друг другу. Как жаль, что нас так часто разъединяют. По-моему, это жестоко». Но тут шарф почувствовал на себе слезы шеи. «В чем дело, милая? Почему ты плачешь? Я думал, что ты будешь рада», - удивился шарф. Он пытался как можно нежнее обнять шею, вытереть собой ее слезы, но это удавалось шарфу с трудом, ведь раньше он никогда никого не утешал и любил только себя. Поняв все это, добрая шея сказала: «Я плачу от счастья!» Довольный шарф обнял шею покрепче и стал ей шептать слова о том, какая она чудесная и о том, как счастливы они будут вдвоем, ведь впереди столько долгих дней. Бедная шея слушала шарф и сжималась от тоски. Как хотелось ей, чтобы зима длилась вечно, но шея хорошо знала, что еще чуть-чуть и наступит весна, потом лето, осень и на все это время она будет разлучена с любимым. «Какая насмешка! – думала шея. – Надо же! Судьба подарила мне одновременно счастье и горе, любовь и разлуку!» Шее с шарфом оставалось лишь мечтать, чтобы зима задержалась надолго или, чтобы весна была очень холодной, ведь тогда они смогут хоть немного насладиться своим счастьем.

Но природа неумолима. Пришла необычайно теплая весна, и хозяйка убрала шарф до следующих морозов...

Вот тут-то шарф в полной мере ощутил, что такое тоска. Как терзался он, сознавая, что его милую шею обнимает другой. Шарф знал, что шея любит только его и все же мучился беспричинной ревностью. Он злился от ощущения бессилия, ведь шарф прекрасно сознавал, что ни

шея, ни он не могут ничего изменить в этой ситуации. «Надо как-то продержаться до зимы – постоянно твердил себе шарф – и тогда я снова увижу мою шею...»

Как-то раз, проснувшись утром, шерстяной шарф увидел малюсенькую пташку с полупрозрачными крылышками. Она летала над ним, а шарф весь замер от восхищения и какого-то глубокого чувства, охватившего его в тот миг. «Как тебя зовут? И откуда ты взялась?» - спросил шарф. И маленькая пташка кокетливо ответила: «Меня зовут Моль, а появилась я здесь не случайно. Я заприметила тебя давно. Потом долго тебя искала, и вот, наконец-то, нашла! Как много я хочу сказать тебе, милый шарф. Знаешь, я никогда не видела шарфа чудеснее, чем ты! Ты просто божественный!» «Разве ты видела много шарфов?» - спросил крайне удивленный шарф, ведь благодаря шее, он думал, что чуть ли не единственный шерстяной шарф во всем мире. «О, да! – ответила моль – Так много, что всех и не упомнишь, но ни один из них не сравнится с тобой! Ты самый-самый лучший шарф!» Так завязалось знакомство моли и шерстяного шарфа.

Шли недели, а моль по-прежнему каждый день прилетала к шарфу и веселилась, кружась над ним, но не смела прикоснуться к этому чуду. Именно так называла моль любимый шарф. Однажды он сказал: «О, как я люблю тебя, прелестная моль! Не могла бы ты прикоснуться ко мне, чтобы я мог почувствовать на себе твои нежные крылышки?» И моль, не задумываясь, выполнила просьбу шарфа. Весь день она целовала его и ласково гладила, а шарф весь трепетал от восторга и удовольствия. Но на следующее утро шарф внезапно почувствовал себя разбитым и хилым. Он понял, что весь в дырах и заплакал. Шарф знал, утешить его может только любимая моль. И вот она, наконец, появилась. Все такая же нарядная и нежная. Шарф невольно залюбовался ею, но моль вдруг сказала: «Боже, шарф, какой ты стал старый и некрасивый! Я улетаю от тебя». «Куда?» – спросил ошеломленный шарф. «К джемперу, – беспечно ответила моль. – Он сейчас как раз отдыхает». «А как же я? Ведь это ты сделала меня таким уродливым. Ты искалечила мне жизнь!» – закричал шарф. Но моль лишь пожала плечами и спокойно ответила: «Мне не в чем себя винить. Ты сам попросил меня об этом». «Но ты же говорила, что любишь меня. Неужели это была ложь?» – плакал бедный шарф. «Ну, почему же? Все было правдой. Конечно, я любила тебя, ведь ты был прекрасным. А сейчас посмотри на себя. За что мне тебя любить?» – сказала моль и улетела. Улетела навсегда...

Много, очень много страданий перенес шарф, но вот наступили холода и его снова достали из шкафа. Шарф увиделся с шеей. Она стала говорить ему, как сильно любит, как скучала эти долгие месяцы. Тогда шарф рассказал шее о своих встречах с молью, о том, как она его покинула и спросил: «Почему ты продолжаешь меня любить, несмотря на то, что я стал старым и изъеденным, а моль меня за это оставила?» На что шея грустно ответила: «Милый мой шарф, все очень просто. Моль любила тебя за красоту, а я люблю за теплоту! Да, внешность твоя испорчена, но ты по-прежнему такой же ласковый, мягкий и теплый. К сожалению, наша хозяйка больше похожа на моль. Теперь, когда ты потерял свою форму, она выкинет тебя в чулан, и мы с тобой, любимый, никогда больше не увидимся...» Вот тогда первый раз в жизни ощутил шарф сильнейшую, ни с чем несравнимую, боль и тем острее была эта боль, чем яснее шарф понимал, что счастье свое он разрушил сам...

В чулане шарф часто вспоминал грациозную шею и ветреную моль, которых так никогда и не смог позабыть...

СРАЖЕНИЕ

Реки неспешное движение –
Ленивое очарование...
Зачем избрал ты путь сражения?
Зачем ты так влюблен в страдания?

Уход в себя, а там тоска...
В безликом вижу я оконце
Спасительница душ – река,
В ней отражаюсь я на солнце...

Быстрее бросаюсь в синеву,
Мои движения не новы,
Сквозь боль и мрак вперед плыву,
Хоть тянут вниз любви оковы...

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Я люблю тебя! Но теперь
Мы страдаем одним недугом.
Где лекарство от наших потерь?
Жутко мыслить тебя лишь другом...

Ведь люблю тебя! Душит боль,
Я глотаю соленую воду...
Без тебя как сыграю роль?
Где найду для тебя свободу?

Я люблю тебя! Пусть гроза
Наших душ освежает кровь...
Видишь, вянут мои глаза,
Но зато как цветёт любовь...

БЛАГОСЛОВЕННОЕ ТЕПЛО

Мне тепло от твоей улыбки,
От сияющих глаз, от рук,
Не боюсь совершить ошибки,
Вокруг нас словно создали круг...

Мы сходились, терялись и снова
Нас сводила судьба на пути...
Но теперь, словно сбросив оковы,
Мы легко сможем дальше идти...

Будем, милый, с тобою мы рядом,
Будем Господа умолять,
Чтобы Он одарил нас взглядом
И послал нам Свою благодать...

ПОЭЗИЯ

ЕЛЕНА ЛЕЛЮК (СМИРНОВА)

Лелюк Елена Владимировна родилась в г. Вологде. Четверть века живёт в Кадуе. Более 20 лет работала на Череповецкой ГРЭС инженером-конструктором, в настоящее время трудится на строительстве четвёртого энергоблока ЧГРЭС. Пишет стихи и песни, которые сама исполняет под гитару. Печатается в местной газете со стихами и статьями. Публиковалась в альманахах «Семизерье».

Дипломантка поэтических конкурсов и бард-фестивалей. Подарила цикл своих песен морякам-подводникам подшефной подлодки. Самостоятельно издала свои книги – «Монастыри Белозерского края» (баллады) и «Тайны Белозерья»

«ТОЛЬКО НЕ ЗРЯ ЖЕ СТУЧАТ МИЛЛИОНЫ СЕРДЕЦ...»

АПОКАЛИПСИС

(ОТРЫВОК)

Пьяный и добрый,.. а завтра, потом – хоть потоп...
 Общий психоз из экрана перчёного спама
 Нас развращают количеством спаренных поп,
 Чтоб уничтожить потопом всеобщего срама.

Будет не страшен и мира грядущий конец,
 Как предвещают в погоне за «кассовым сбором».
 Только не зря же стучат миллионы сердец –
 Кто-то зажёт наше Солнце и смотрит с укором...

КАМНИ ПИТЕРА

(отрывок из поэмы)

Мокрый балтийский ветер
Лезет за воротник.
В подслеповатом свете
Город живой возник.

Город Петра так молод!
Что эти триста лет?!
Пётр создавал свой город
Из темноты на свет.

Мастер ваял узоры.
Чудо плела рука,
Чтоб восхищало взоры,
Радовало века.

Только бы любоваться!
Вечная благодать!..
Если б не знать мне, братцы,
Как настилали гать...

И на ветру промозглом
У леденящих плит
Сердце моё не мёрзнет. -
Греет меня гранит.

Запахи рыбы, тины
Ветер с залива шлёт.
Парусом «Бригантинь»
Дальняя синь зовет.

Нет, это вам не стены
Прошлых веков стоят –
Это души нетленной
Памятников парад.

Памяти предков - плиты
Каменной мостовой –
Это причал отплытый
Тверди земли родной.

Милая сердцу пристань
Гавани всех морей,
Важная ценность жизни
Питерцев. И моей.

ВАША СВЕТЛОСТЬ

Ваша Светлость, лучезарный Снег!!!
 Мартовский, морозный и блестящий.
 По лыжне зеркальной и скользящей,
 Музыкай весны во мне звенящий.
 Бирюза небес и сосен бег –
 Снег...

Ваша Чуждость и Всесильность – Снег!
 Холод и мороз чудес творцы.
 И дворы, как снежные дворцы,
 Прячут драгоценные ларцы...
 Сказка нашей жизни лучше всех –
 Снег!

Ваша Милость, наш последний Снег,
 Белым шёлком, свежим и прекрасным...
 Лыжами по насту, как по маслу...
 Старая хвоя грустит напрасно,
 Скоро всё проснётся по весне –
 Снег!

Ваша Нежность, Хрупкость, Ваша Честь!
 Сколько Вам названий в мире есть!
 Сколько комплиментов в Вашу честь!
 И стихов и песен нам не счесть...
 Радость нашей жизни – Ваш Успех –
 Ваше Сиятельство - Снег!!!

ВЛАДИМИР СПИРИДОНОВ

Спиридонов Владимир Иванович родился в 1946 году в Череповце, детство и юность прошли в Кадуе. Учился в школе №1. После окончания ПТУ в Череповце был направлен в Ленинград на Кировский завод. Служил на Северном флоте. Там в газете «На страже Заполярья» были впервые опубликованы его стихи. После службы окончил Запорожский строительный техникум, вернулся в Кадуй, где и живет до сих пор. Печатается в районной газете «Наше время». Стихи пишет на разные темы, но главная из них – военно-патриотическая. Для него это «сегодняшнее осмысление послевоенного детства».

«МАТЬ-РОССИЯ, КЛЯНУСЬ Я ТЕБЕ...»

Улетают опять журавли
И вернуться не скоро, весной.
Нет на свете роднее земли.
Потому я, Россия, с тобою.

Кто-то любит заморский уют,
Покидая насиженный угол.
Я люблю, когда птицы поют
У реки над ромашковым лугом.

Я хожу, где поля заросли,
Где пылают зарницы в зените.
Хоть частицу извечной тоски
В небеса, журавли, унесите.

Мать-Россия, клянусь я тебе
Тихим полем и ветхой избою:
Все, что есть в нашей трудной судьбе
Мы разделим, Россия, с тобою.

КАЗАЧЬЯ ПОХОДНАЯ

Ты не плачь, казачка, заплетая косы,
 Улыбнется снова казаку судьба.
 За родные плесы, берегов утесы
 Нас зовет походная за собой труба.

Помолись Николе, чтоб в бою и в поле
 Казаку лихому на себя пенять.
 Полюбил он волю, да казачью долю,
 Шашку-лиходейку, доброго коня.

Ты прощай, станица, дальний шлях пылится,
 За курганом скрылся первый эскадрон.
 И кричат тревожно, пролетая, птицы,
 И плывет вослед нам колокольный звон.

Не ржавеют в ножнах, просят на волю
 Боевые шашки казаков-рубак.
 За казацким счастьем, за казачьей долей
 Нас зовет походная за собой труба.

МАРИЯ КУЛИКОВА

Куликова (Черноплечая) Мария родилась в Череповце.

В 2010 году вышла замуж за кадуйчанина и теперь проживает в Кадуе. Стихи пишет с 10 лет. Первые публикации были в журнале «Окраина» (Череповец). Кроме этого, Мария поёт песни на свои стихи в группе «Мария Флора».

«Я ЛЮБЛЮ И ХОЧУ БЫТЬ ЛЮБИМОЙ...»

ПОСЛЕДНЕЕ СРАЖЕНИЕ

Куда идти, когда не ходят ноги?
Куда лететь, когда порвались крылья?
И как найти, раз спутаны дороги?
Нет сил давно, и чувства все остыли...

Забытый край, забытые столетья,
Забытый мир, любви и пораженья.
Я крылья шью - еще бы раз взлететь мне!
В лучах заката проиграть сраженье...

В тумане дня, сливаясь с облаками,
Почуять запах отгремевших пушек...
Была чужой всегда я рядом с вами,
И стать ничьей, поверьте, много лучше!

8.01.2012г.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ - ВЫ

Удивительный мир - вы!
Не один раз читать вас пыталась,
Но ни разу мне не удавалось
Дочитать до последней главы...

Удивительный фильм - вы!
Что ни кадр - не знаешь, что дальше,
И ни капли в эмоциях фальши.
Черно-белый, немой фильм, увы...

Удивительный дождь - вы!
Вроде теплый, но дрожь не скрываю,
Вроде тихий - насквозь промокаю,
Как цветок среди буйной травы...

Удивительный друг - вы!
Столько лет знаю вас, но не знаю...
Столько слов есть сказать - я скрываю...
Я молчу, вы как прежде правы...

Я - АРТИСТКА

Я артистка, я смелая дама.
Своевольна, немного упряма.
Я люблю и хочу быть любимой,
Мне эмоции необходимы!

Я ищу, нахожу, восторгаюсь,
Обещаю, бросаю и каюсь.
Не могу изменить я сюжету,
И последняя песня не спета.

Я артистка, и жизнь моя - сцена!
И уже не возможна отмена.
Каждый миг я немного другая,
Но, поверьте, такая одна я!

5.01.2012г.

СУТКИ ЖИЗНИ

Д.Л.

Быть может, в другой параллели
у нас уже есть дети...

Раннее-раннее утро или поздняя-поздняя ночь. Четыре часа.

В квартире тишина, покой, ни шороха. Даже занавески не колышутся от ветра, хотя форточки открыты.

Я не сплю...

Не могу уснуть... Все думаю, думаю. Понять бы самой – о чем.

А ни о чем, точнее, не о чем думать. Голова пустая, как коробка из-под новогодних подарков к концу января.

Хотя нет, до января еще полгода; но уже сейчас я знаю, что новый год мы встретим вдвоем – я и дочка.

Ей уже девять месяцев.

Полтора года прошло со дня первой любви, волшебства, сказки...

О-о, да я думаю! Все подсчитываю что-то. Но какой смысл от этих подсчетов? Бесполезно. Лучше все-таки поспать...

Нет, я не смогу заснуть. Боюсь, снова придет мой ужасный сон. Три месяца подряд вижу его, появляется время от времени, потом пройдет все, я забуду, а он, как ни в чем ни бывало, возвращается.

Страшная, мрачная картина. Хуже, чем фильм ужасов. Не понимаю, почему я вижу все именно так.

Темная глубокая ночь. Небо бездонное, притягивающе-синее. Море... Оно спокойно. Все находится в покое, в вечном страшном покое.

За час до этого.

Та же ночь. Море... Легкий ветер, очень легкий, даже не ветер, ветерок. На воде вдали судно. Оно огромно и... прекрасно. Его плавные продвижения по волнам так же незаметны, как и странное изменение в погоде.

Воздух охвачен тревогой, которая наэлектризовывает все вокруг.

Корабль ближе, но ветер крепчает. Корабль продвигается еще и еще, а ветер в такт ему увеличивает свою силу!

Это страшно...

Волны играют судном, передавая его друг дружке. Влево, вправо, влево, вправо, снова и снова. Они накрывают его собой, ласкают, не понимая, какую боль могут причинить.

Ветер им помогает. Не дает движения, сковывает свободу. Помогает волнам терзать и уничтожать живое.

Трюмы полны воды, соленой, словно слезы. Людей не много, много груза, но это уже не важно; много страха в их глазах, много боли...

Я все это вижу, я чувствую эту боль и этот ужас вместе с ними. Но я не могу помочь – я всего лишь свидетель сна.

И вот... Нет, я не смогу вынести этих минут снова...

Ты... Я вижу тебя! Только здесь в своем кошмарном сне я вижу тебя!

Ты собираешь всех на палубе. Человек двадцать. Всем страшно, удержаться в равновесии из-за мощной качки непросто, но все во внимании.

Я не слышу. Я знаю: ты говоришь. Я читаю по губам. Ты говоришь слова достойные звания, что имел. Прощаешься... Просишь прощения, говоря, что все равно его не заслуживаешь.

«Мы были, есть... Да! Мы будем! Нас не забудут наши... дорогие нам люди: жены, матери, дети... Мы не забудем друг друга. Наша память жива...»

Вы знаете, что судьбе и жизни мы не указчики. Изменить что-то сейчас мы не в силах. Но просто не думать ни о чем, как и думать о смерти сейчас не выход...»

Ветер сильнее, речь срывается.

Слезы, мужские слезы – их нет. Только страх и ушибленное, но все-таки мужество, отражается во множестве внимательных глаз.

«Простите... Я прощаюсь с вами сейчас, прямо сейчас! Сколько осталось не знает никто. Но каждый потратит хотя бы минуту... на себя. Вспомните прекрасное, вспомните счастье, любовь, семью – это приказ! Приказ, слышите!?!»

Слова как грохот в небе проносятся над всей поверхностью воды. Секунда тишины... И всё с новой, еще более устрашающей силой опрокидывается на давно уже беззащитное судно.

Люди на корабле не складывают руки. Они стремятся сделать что-то еще, важное, главное. Каждый хочет помочь хоть чем-то, спасти друзей ради... А ради чего? Ради того, чтобы быть героем даже в своих глазах, которые не видят этого со стороны...

Но неподвластен человеческому разуму разум стихии. Не хватает силы, чтобы побороть ее мощь.

Я хочу кричать, но не могу...

Я вижу ночь и необычайную и непривычную гладь воды. Ничто не говорит о том, что было буквально полчаса назад. Все молчит, словно не может выдать этой страшной тайны.

Но страшнее то, что я вижу в самом конце. После я просыпаюсь, утопая в слезах.

Вода... Одна вода. Волны присмирели, будто бы испугались чего-то. На глади отражаются звезды, грозные и молчаливые, как все вокруг. Взгляд мой останавливается на странном, до боли знакомом предмете.

Фотография, помятая, но водой накрытая точно стеклом, режет мои глаза... последнее общее фото, которое стоит на столе в моем кабинете, оно вот сейчас передо мной.

Ты улыбаешься и держишь на руках такую же счастливую дочь. И я веселая. Зачем грустить, когда мы вместе, когда ничто не мешает быть рядом и любить друг друга.

Я снова вытираю набежавшие слезы, соленые, как морская вода...

Ты не ушел из нашей жизни, ты не покинул наших сердец. И наш ребенок... Совсем маленькая еще, но, повзрослев, и она все поймет, и она будет помнить тебя и любить.

И хотя мой сон лишь фантазия на тему твоей настоящей гибели, — а я не знаю и не могу знать, как было все на самом деле, — я боюсь этих фантазий, я устала от них. Я жду, когда не буду бояться заснуть и вновь увидеть эту пучину, забравшую тебя, решив, что там ты нужнее... Когда?

Утром я снова пойду на берег. Я буду снова чувствовать твои ласки, твои поцелуи, я услышу твой голос, тихий словно ниоткуда. Я буду любить тебя, а ты меня...

17 января 2004г. МК

ОЧЕРК

АЛЕКСАНДР ДЁШИН

Дешин Александр Владимирович, год рождения – 1955, коренной житель Кадуйского района, родился и вырос в местах, воспетых Игорем Северяниным. Образование высшее, почти тридцатилетний стаж работы в правоохранительных органах, тематика его материалов связана с жизнью людей Вологодчины.

Памяти моих земляков посвящается.

СПЛАВ

*Перед красотой и силой родной реки
благодарно склоняю голову*

Беленький катерок проворно выскочил из пойменной протоки на полную воду и, пеня носом, понесся встреч потокам к устью Андоги. Ниже по течению все русло реки Суды было забито лесом, километрах в двух на противоположном конце затора по правому берегу реки раскинулся сплавной поселок Кривец, где, в сущности, и заканчивался молевой сплав. Реку с берега на берег перекрывала запань с ячеистыми проходами для сортировки леса - так называемая сетка, которая заканчивалась лесосплоточными машинами. Они то и вязали бревна в большие пучки, пучки крепились в плоты, и дальше уже плотами лес вели буксиры до конечного пункта назначения. А до сплотки заготовленный на делянках лес круглосуточно вывозили на берега рек, где складывали в гороподобные темные штабеля, а весной при подъеме воды почти одновременно с ледоходом все накопленное богатство сбрасывали в воду и плыло оно «самодвигом» на расстояние до 300 километров. Весь этот процесс и назывался молевым сплавом.

Сама по себе сброшенная в воду древесина плыть не могла, так как реки были довольно извилистыми, с крутыми поворотами, порогами,

островами, протоками, с непредсказуемыми течениями и размывами, с зацепистыми береговыми косами и низинами. Чтобы вовремя по большой воде сплавить многие тысячи и тысячи кубометров, требовалась огромная подготовительная работа, а также неусыпный контроль за самим процессом сплава, чем и занимались сплавщики. Это была каста вольных, отчаянных людей, которых можно сравнить разве что с запорожскими казаками: тоже пренебрежение к жизни, та же вольность, тоже русское разгульное пьянство. Можно сравнить с казаками, но там тепло и широкий батюшка Днепр, а здесь Север – холод и буйство запертых в лесистые берега непредсказуемых рек, готовых при первой оплошности забрать твою никчемную жизнь.

Пока автор пытался коротко дать вам картинку молевого сплава, катерок уже успел заскочить в устье Андоги, устремился к плотине, встал поперек течения реки и, почти коснувшись бортом ряжа левого пролета моста, фартово ткнулся в шлак отсыпного берега. С носа катера на откос спрыгнул коренастый мужичок в сплавной брезентовой спецовке, с размаху вогнал в хрустящую ноздреватую насыпь лом, на который деловито набросил веревочную петлю швартовы и, не оглядываясь, по уступам бревен полез вверх на плотину. С борта судна прямо на папаху быка бросили трап, по нему с катера цепочкой потянулись люди. Катерок для чего-то еще рывкнул разок, выбросил из кормовых сопел по большущей струе, как-то по-утиному присел на воду и затих. Из рубки вышел плотноватый не высокого роста парень в лихо заломленной фуражке речного капитана, с форсом стрельнул губами за борт только что прикуренную беломорину и вразвалку пошел за процессией, устремившейся к магазину.

Весь экипаж пришвартовавшегося плавсредства состоял из шестерых человек и именовался сплавной бригадой. Самым старым из всей компании был бригадир Федор Егорович, ему на вид далековатко за шестьдесят. Рослый, но суховатый мужчина, что-то скандинавское сквозило в его облике. Добротный суконный пиджак и такие же широкие свободного прямого покроя брюки, заправленные в легкие зеленые польские броды, отличали его от четверки остальных сплавщиков, одетых в брезентухи с черными казенными сапогами на ногах. Шестым был катерист, а точнее, сам – капитан, как он любил себя именовать. Хоть был он самым молодым из всей бригады, но жил наособицу, гонору и форсу было в нем столько, что хватило бы с лихвой на всю остальную пятерку.

Посещение магазина в рабочем поселке, занимавшимся производством картона и оберточной упаковки на бумажной фабрике еще дореволюционной постройки, далеко от всей этой сплавной жизни, носило особый показной шик. Вот где можно подать себя во всей красе, хвастануть тугим кошельком, закупить что надо и не надо. Сплавная путина идет к завершению, на реке поставлена последняя передержка, бригады с верхней дистанции подходят с зачисткой, катер начальника рейда еще с утра проскочил в их сторону, руководство двинулось принимать работу. Совсем скоро все действующие вверху катера зайдут в деревенский залив, вход в пока еще свободную пойменную протоку уже к вечеру закроет лесом, вся сплавная флотилия будет заперта в заливе. К осени, когда все заломы разберут, и, если позволит уровень воды в реке, исправные плавсредства уйдут в Кривец готовиться к новому сплавному сезону, неисправные выкатят на берег, а зимой по глубокому снегу уволочут в ремонт. Окончание зачистки по традиции всегда приходится на первую декаду мая, и в деревне гуляют широкий сплавной праздник, а если точнее, сливаются воедино два праздника: сплавной и Егорьев день. День Егория (покровитель скота – 6 мая) – самый большой весенний крестьянский праздник. Как не суди, а корни-то у каждого сплавщика на земле, все они выходцы из деревень да небольших поселков, где без земли не прожить. А сплав – это служба. Сплав для них, что казацкие походы: веселое лихое дело, доход не малый, льготный стаж, разгул воли да удали бесшабашной. Вот и живут сплавщики по-особому, с некоторым превосходством смотрят на соседа-землепашенника. Жены сплавщиков, как правило, постоянно нигде не работали, занимались хозяйством, детьми. Чаще всего фигурировали они в платежных ведомостях как временные рабочие на установке свай, выкатке оставшейся на берегах древесины, подъеме топляка, хотя этой работой никогда не занимались, а получали халявные деньги благодаря ухищрениям сплавных начальников да круговой поруке всей сплавной братии.

Весь спущенный на воду лес держали перед запанью, разделив его на несколько больших кусков. Делалось это для того, чтобы русло реки не забивалось лесом до дна, так его легче разбирать и подавать на сплотку. Вторая причина была в том, чтобы без всяких авральных ситуаций пропустить вниз весенние паводковые воды и дать возможность пройти на нерест рыбе. Вот для этого и делили стор на куски специальными передержками, оставляли его на более глубоких, с более спокойным течением прямолинейных участках реки.

Местные жители и городские приезжие люди называли засторенные участки реки заломами, это были излюбленные места рыболовдоночников, так как в любом проходном шалмане за выходной день можно было наловить всевозможной рыбы: леща, язя, синца, налима, окуня – целый садок под двадцать килограммов весом.

На время сплава приказом начальника сплавконторы вводился «сухой» закон. Продажа спиртных напитков в ведомственных магазинах была строго запрещена, зато все торговые точки разных там «горпо» и «сельпо» бессовестно пользовались этим запретом, порой подчистую опустошая карманы сплавщиков, не гнушаясь давать и в долг под запись. Это и было главной причиной, из-за которой катерок завернул на нейтральную территорию. Утром бригада получила в конторе зарплату, остатки сухого пайка, накануне поставили последнюю передержку, а теперь можно и праздник отметить. Продавцы встретили наших героев как старых знакомых. Все тут друг друга знают, по жене, сестре да подруге, все – родня сердечная. Бойко идет торговля, разговоры, расспросы о родственниках, знакомых, передача последних новостей. Сама торговля из разряда розничной продажи переходит в мелкий опт, все берется ящиками, коробками, партиями.

Всех удивил дядька Федя. Пришел он в магазин с большущим жестяным бидоном, в каких когда-то держали ламповый керосин. Была эта тара выпарена, выжарена, отчищена до зеркального блеска его заботливой супружницей. Потребовал бригадир упаковать ему в эту емкость целых пять решеток фабричных яичек. Две молоденькие продавщицы-практикантки с готовностью принялись это делать. Они брали своими длинными пальчиками по яичку, и каждая по очереди осторожно отпускала его в широкое горло бидона, а сами стреляли глазами на катериста, закупавшего товар в винном отделе. Колька сразу же заметил новых продавщиц, и запрыгала по волнам любви капитанская душа, понесло нашего Колюшку по хвастливому его морюшку. Выпростал наш главный покупатель из кармана свой тугой холостяцкий кошель, лихо подкинул ладонью свою капитанскую фуражку набекрень, отправил девицам свой обнимающий взгляд, потом с трудом кое-как перетащил его на немолодую уже бледнолицую продавщицу винного отдела и произнес: «Дайте-ка мне, Валентина Макаровна, штучек несколько самых дорогих дамских вин заграничного производства». Продавщица в упор поглядела на это никем не подобранное женское счастье, но наткнулась уже на одни желтоватые белки скошенных Колькиных глаз, снова убе-

жавших к девицам, и недовольно-ревниво процедила: «На витрине вся заграница: Азербайджан, Молдавия, ром кубинский. Чем вам неугодно социалистическое производство!?» Колька продолжал взглядом раздевать открыто кокетничающих девиц, вслепую называл названия и количество глуховато постукивающих бутылок. Молоденькие практикантки заигрывали с капитаном, а продавщицы постарше с легкой уважительной веселостью подтрунивали над бригадиром: «Куда ж тебе, дядя Федя, такая уйма яиц? Уж не насиживать ли часом собрался? Яички-то конвейерные, петухом не топтанные, одни болтуны будут». Федор Егорович принял шутливую игру продавщиц, так же стал весело балабонить с ними, врал, как мог, отливал пулю за пулей. То, видишь ли, задумал он сложить в бане курву-печку церковной кладкой на яичном желтке, то его курва-бабка решила красить свои самотканые холсты в яично-хмелевой болтушке. Захотелось взбрендившей старухе добиться на тряпках вида и цвета весенней распускающейся березы, прет, якобы, его курва-бабка на роль первой в России матерчатой авангардистки. В конце концов, продавщицы своими вопросами загнали Федюшку в угол, и он чистосердечно признался, что набрал по весне полсотни цыплят-пуховичков, вот и берет яйца и пшено, чтобы их вырастить. Во всех Федюшкиных объяснениях частенько фигурировало это сорное словечко «курва». Случалось это не по злему умыслу старика, с годами вошла в его моду такая привычка незлобливо поругивать все одушевленное и неодушевленное его окружение, что имело хоть какую-то самую малую связь с женским началом, такой вот будоражащей слух и воображение приставочкой.

От яиц продавщицы перевели разговор на Федину племянницу, показывая глазами на Кольку, зная, что он давно и безнадежно ухлёстывает за ней, опять шутливо спросили: «Что, Федор Егорович, цыплят-то такую кучу не на свадьбу ли будешь беречь?» Бригадир опять отшутился. Колька, услышав, что разговор идет про него, сграбастал закупленные бутылки и пританцовывающей походкой двинул к выходу. В дверях капитан обернулся, послал девицам ласкающую улыбку, дал понять, что он еще вернется сейчас. Федор Егорович нагнал капитана в дверях и весело крикнул: «Рому, рому побольше, Колюха, бери! Ром на облом – самое лучшее средство». На этой веселой нотке сплавщики и сделали первую ходку на катер. Вернувшись, они забрали остатки товара. Напоследок «сам-капитан» презентовал всему торговому персоналу (прельщаясь лишь одной задней мыслью, заполнить благосклонность

молоденьких продавщиц) «каробачку лампасье», говоря по-нашему, жестяную баночку ландрина. Но не маленькую, слегка подзаржавевшую от невостробованности, а большую, из последней партии поступивших товаров. Да останется в памяти навечно Колькина капитанская щедрость!

Погрузив покупки, отчалили. Двое сплавщиков баграми вытолкали катер на глубину, мотор недовольно хрюкнул, набрал устойчивые обороты холостого хода, медленно дрейфуя, стал разворачиваться, подчиняясь водовороту омута. У противоположного берега в затишье акварельно-размыто отразились на воде контуры беленого здания бумажной фабрики. Вот заработала турбина, захватила и вытолкнула из себя упругую талую воду, катерок полетел по речным просторам. Остался позади крутойр левобережья Андоги с чуть видимым дымком томлянки, где уж не меньше столетия жгли в ямах березовый уголь. Русло реки Суды абрисно обозначилось зеленоющей сосновой гривой правого берега да цепочкой на две трети своей высоты затопленных свай низинного левобережья. Катерок нацелился на нижний край сосняка, подошел к нему, нырнул в узкую протоку ручья и пошел вверх по течению реки заливными лугами.

Синеющая планшетка воды была похожа на карту. Слева в полукилометре от катера темнела хвойная полоса косогора материковой земли, второй ярус уречной поймы обозначился розоватой напудренностью только-только начавших выбрасывать листву березняков, сероватостью осереженных ольшаников, салатными светлыми куртинами бросались в глаза редкие осинники, в нижнем ярусе всю речную уречу заглушала своим желтушным цветом вездесущая ива-чернужник вперемежку с пробивающейся зеленцой черемушника. Вся пойма реки пестрела облесевшими островами, гривами. Контурсы логов, проток, ручьев обозначились воротниками красноватого кустарника. Сухие остожья, санные остатки, наносы паводкового мусора в затишьях – все свидетельствовало о высокой устойчивой воде, что и было на руку речникам. Бахвалиться было не перед кем, катерок спокойно и деловито пробирался к намеченному выходу, поднимая впереди себя стаи диких уток. Колька на дорогу почти не смотрел, не одну сотню раз прошел он этим путем: по большой воде, не по руслу, а затопленными покосами, логами и низменными протоками. Катерок, казалось, сам находил полюбившийся ему путь, Колька жалел лишь об одном, что не может как следует выпить в бригадирской компании.

Как только зашли на катер, дядя Федя угнездил в кубрике за топчаном свою драгоценную жестянку с яйцами, укутал ее попавшим под руку ватным тряпьем и принялся растоплять чугунок в углу каюты. По воде за бортом порывами пробегала серопепельная рябь, было по-весеннему зябко. Варева затевать не стали, через пару часов будут дома. На раскаленной до красна чугунке зашипели и заприскакивали открытые банки тушенки, на расстеленные по столу газеты накромсано хлеба, пересохшей копченой селедки, освобождены от остатков чифира солдатские кружки – все ждут начала пиршества.

Бригадир дать команду не торопится, он греет перед открытой дверцей буржуйки свои узловатые руки, и еще раз на трезвую голову проверяет, все ли правильно сделано на его участке. Вчера целый день провозились, ставили последнюю передержку на Старом устье. Мужики все опытные, но никак не могли завести пакеты в намеченном месте. Подвели вязку с правого берега, обмотали крепезный трос за крепкую береговую сваю, распустили по течению засору, ушли к другому берегу и стали лебедкой заводить пакеты поперек реки, но оказалось, что крепезную сваю подмыло водоворотом и при нагрузке ее сразу же вывернуло из земли. Пришлось начинать все сначала. Вырванный конец засоры поймали уже за поворотом, чтобы не терять времени даром завели засору уже с левого берега, зачекерили ее за столб-одиночку, для страховки обмотали крепезж дополнительным тросом и привязали к двум кипам крупных береговых ив, а второй конец подвели и закрепили на две трехбренные сваи правого берега. Трос натянулся и запел как струна, с хлопаньем и треском стали ударяться о преграду бревна, шестиметровые пакеты играли под напором течения, как неводные поплавки на хорошей рыбной тоне.

Плавник набивался к засоре быстро, надо было срочно уходить, чтобы катер не затерло напиранием лесом. Стали собирать инструменты, выяснилось, что Михайло – старый сплавщик, лет на десять моложе бригадира, забыл на другом берегу свой топор. Обходить на катере было долго и несподручно, Михайло решил вспомнить молодость, перебежать на другой берег по набивающемуся на глазах лесу. Загнув покрепче отвороты сапог, скинув ватник и, взяв в руки короткий багорик, Михайло прыгнул на топкие бревна и легко, при его-то весе и возрасте, побежал по живому, брагой ходящему, залому. Бег этот чем-то напоминал пляску на раскаленных углях: вот он скачет вприпрыжку поперек тонущих под тяжестью его тела бревен, вдруг впереди обнаруживает-

ся большущая полая майна, бежать дальше некуда, тонкие скользкие бревна под его ногами начинают тонуть, вертеться, расплзаться в разные стороны. Сплавщик успевае сделать прыжок обратно, выбрать одно-два более толстых бревна, отстояться на них, наметить направление и, пока эти бревна еще не успели уйти под воду, балансируя багориком, прыгнуть дальше на пачку сплетенных между собой лесин, с нее перебежать мелким тонущим подтоварником вон на то, вставшее клином вдоль течения толстое бревно, на нем осмотреться, наметить путь дальнейших перебежек, доскакать вон до того окна, там прыгнуть на поперечную подтоварину, бросить рядом с ней свой багор, на этой вязке снова прийти в себя, дожидаться пока подпираемые течением бревна сомкнутся и уже по ним пробежать с десятков метров до следующей площадки, до следующего тонущего островка.

Вот таким макаром и надо добраться до противоположного берега, даже не зачерпнув в сапоги. Если уж побывал в воде или же плашмя лег поперек на бревна, то такой переход уж за верх сплавного мастерства не считается, тут уж, как говорится, не орел, нет, не орел.

Михайло на глазах подначивающих сплавщиков «перетанцевал» на другой берег, нашел свой топор, но в обратный путь пуститься не решился, показал мужикам направление к мысу, на котором его следовало забрать и уже устало, по-стариковски, пошел вдоль берега.

«Сдае напарничек, но еще молодец». – Одобрительно крикнул бригадир.

Катерок, подминая под себя и расталкивая бревна, стал выбираться на полую воду, за поворотом на мысу подобрал подошедшего к этому времени туда сплавщика. «Ну как сапоги-то сухие?» – стала интересоваться сплавная братва. «Да сапоги-то сухие, а повыше-то мокро. Писанул дядька Михайло обратно бежать» – Дразнил старика катерист. Зубоскала никто не поддержал, все знали, если дойдет до начальства весть про эту старую сплавленную потеху – не видать никому из бригады премии.

Весь вчерашний день промелькнул перед глазами старого бригадира, вместе с теплом печурки в душу влилась уверенность: все сделано как надо, а потому можно со спокойной душой стопарик пропустить во славу реки-кормилицы.

Федор Егорович подсел к столу, Михайло этого только и ждал, быстро расплескал по кружкам бутылку водки, все выпили на скорую руку, принялись жевать.

Разговор особо не клеился, все успели уже наговориться на весь этот день: сначала в конторе, получая положенное, затем в магазине в очереди за покупками.

Перекусив, один из сплавщиков сходил и подменил катериста, вместе с Колькой распили еще одну бутылку водки. Капитана снова прогнали рулить. Пить больше не стали, решили поберечь силы. К вечеру, как ожидалось, должны будут подойти гости, ватажники-спиридоновцы: сплавщики, бригадиры, мастера с верхней дистанции, отчаянный народ, известный по всему сплаву династии Спиридоновых. Чего только стоит их одна залихватская частушка:

*Наша Суда дело знает,
Куда надо лес несет.
Спиридоновцы гуляют,
Спиридоновцам почет.*

Лукавят, лукавят спиридоновцы, отнюдь не паинька Суда в своих верховьях, коварна, своевольна, норовиста. Чуть прогляди, мигом «запыжует» проход на каком-нибудь из бесчисленных порогов, а то и на открытом месте воткнется в придонный камень подзатонувшая осина, вздыбится чертом, и началась чехарда. За час-другой засторит русло – не раздернешь и за день, хоть взрывай.

Вот тут уж сойдутся один на один человек и стихия, тут уж кто кого, чья воля крепче – тот и победитель. Как бы не ерепенилась река, знает опытный сплавной люд все ее слабые места, до тонкости изучил, шкурой прочувствовал, забранными рекой жизнями постиг.

В осеннюю межень расчистит сплавной народец очередной заковыристый порог от каменюг, растолкает их мощными бульдозерами, а что бульдозерам не под силу, пустит в дело тол, и взлетит преграда на воздух. На речных криулях с помощью того же аммонита спрямит русло, а по низинным засористым перекатам срубит крепкие деревянные ряжи, забутит их камнем. И пойдет лес по этому проходу, как усмиренный конский табун по загону.

За долгие сплавные годы река превратилась в хорошую транспортную магистраль: столбы, сваи, пакеты, боны, отбойники, ледорезы, ряжи, пропуски, засоры, сетки – целый комплекс устройств, приемов и способов придумал человек, чтобы как можно дешевле быстрее и выгоднее доставить из тайги древесину.

Рады сплавщики встретить дорогих гостей: и водка, и угощение, и гармошка – все наготове. Лихости и находчивости здешним мужикам не занимать, а потому предстоит гульба на равных.

Впереди явственно послышался стук сталкивающихся друг с другом бревен, и вот катерок, утопив отбойные береговые пакеты, выскочил протокой в русло реки. Катерок по дуге, набирая обороты, пошел к левому берегу, чтобы по чистой воде, минуя почти сплошной лавой идущую древесину, зайти на стоянку в устье деревенского залива. Вход в залив преграждали двойные боны с «кобылкой» для пропуска древесины по их середине. Вот на эту-то возвышающуюся над водой «кобылку» нацелился катерок и, как резвый конек, побежал к дому.

Деревня жила своей жизнью, готовилась к празднику, наводила чистоту. Хозяйки намывали избы, обряжали и чистили скотину. После Егория обычно выгоняли всю живность на выпас.

На берегу при входе в залив у балагана горел костер, бегали неутомные ребятишки, ждали отцов с подарками. Сплавщики друг за другом стали выползать из каюты, весело поглядывали на деревню, шутиливо переговаривались между собой. Егорыч вылез последним, в руке у него был бидончик с самой ценной для него покупкой.

Не доходя до белеющих бон, катерок радостно ревнул звуковым сигналом. Капитан дал полный газ и с ходу попытался перескочить не конец отбивных пакетов, а сами боны слева от «кобылки».

Безрассудный Колька-капитан, как обычно, решил форснуть перед деревней. Решение это уже само по себе было неверно изначально, но на то он и «сам – капитан», чтобы удивлять земляков своими аферами. Да и что тут такого, ведь из залива-то выскакивал Колька на полном ходу без всякой задержки, прыгал через боны, как лихой лыжник с трамплина.

А тут, идя против течения, катерок не смог выйти на глиссировку, тупо, но упрямо, зарываясь носом, толкал перед собой угловатую волну, и, подойдя к бонам, он все же сумел заскочить на них половиной корпуса, готов был хоть и с натугой перевалиться через них, но наружная бона под напором неистового течения и бокового утопляющего удара вдруг встала на ребро, подкинула корму катерка вверх, лишив его тем самым всякой двигательной силы, и начала таскать суденышко из стороны в сторону, так уставшая хозяйка полощет какой-нибудь бросовый тряпок.

От удара по инерции полетели наши сплавщички, кто куда.

Четверо удержались на катере, а вот бригадиру не повезло – оказался за бортом и с головой ушел в обжигающую весеннюю воду. Растерявшись «сам-капитан» дал полный газ, чем окончательно все испортил.

Катерок взревел, выкинул в пустоту не нужную теперь воду и заглох. Река принялась рвать и тискать посудину, как голодная щука рвет еще живую зажорину.

Егорыч улетел в воду с правого борта, течением его протащило под днищем катера, прижало к плоскости вставшей на ребро бонны и потащило вдоль нее. Ушел за борт он вместе с яичками, барахтался и кувыркался в воде, не выпуская из руки бидончика, и выкрикивал: «Курва, яйца!»

Опомнившиеся сплавщики бросили в воду бублик спасательного круга, но он бесполезно плюхнулся в стороне от тонущего мужика и моментально уплыл вниз по течению. Михайло схватил багор и тщетно пытался задеть бригадира за его крепкий парадный пиджак, но вытащил только надетую на крюк жестянку с яйцами. Бывавших во всяких переделках сплавщиков эта выходка Егорыча даже развеселила.

Между тем Колька отчаянно пытался запустить двигатель и соскочить с препятствия, что ему кое-как удалось сделать, и при очередной перегазовке стоящая на ребре бона дернулась, наползла на свою соседку, накрыла ее плашмя, утопила, катерок получил некоторую свободу, его потащило вдоль бон на ничего не подозревающего барахтающегося в воде бригадира. Егорыч в это время, оказавшись на конце бон, сумел ухватиться за ржаво-копкий трос и пытался выбраться на конец играющего поплавок пакета.

Сергуня – подросток лет двенадцати, один из сыновей начальника участка – был на берегу вместе со всеми. Он уже несколько раз заскакивал в новую, только что спущенную на воду отцовскую лодку. Как эта лодка досталась батяне, Сергуню не интересовало. Вот она – вся новенькая, из отборной еловой доски, проконопаченная выдержанной в веретенке золотистой крученой пенькой, тонко просмоленная по-первому разу снаружи – ни каплюшечки в ней водички – остроносая красавица. А весла-то, весла-то! Ни какие-нибудь оглобли с долбленными дырами для штырей, по-быстрому вытесанные на скорую руку топором дядьки Васи, а настоящие – с металлическими шарнирными уключинами заводские крашенные весла.

Сергуня и один, и с приятелями уже несколько раз опробовал на ход новую лодку.

Они пытались ее даже перевернуть на воде, но это испытание решили отложить недельки на две до тепла, вот как начнут купаться, тогда уж и устроят испытания по всем заведенным правилам. А пока все единодушно решили: это вещь! Кое-кто из ребят завидовал выпавшему на Сергунькину долю счастью, но виду не показывал, да и что тут показывать, никуда эта лодка от них не денется. Ведь не будет же ее Серега один с кашей жрать – все наплаваются досыта.

Как только со стороны часовни послышался стукоток приближающегося катерка, ребята оживились, подновили костер, натаскав в него кучу сухих смолистых обрубков, и стали гадать, какой фортель выкинет на этот раз Колька-капитан. Все знали точно: не такой он человек, чтобы не показать бесплатное представление. Между ребятами возник спор: одни кричали – сделает из пакетов свечку, другие утверждали – сиганет через боны. Когда катерок нацелился на торчащую в бонах «кобылку», все поняли – будет прыгать. Сергуня побежал к лодке: «Айда на волне качаться». Никто не ответил на его приглашение, все глазели на Колькин трюк. Сергуня вывел лодку на чистое место, встал так, чтобы поймать носом волну, и «с самой-самой близки», как он потом рассказывал, увидел все происходящее. Катер утюгом ткнулся в бону, затопил ее, река подняла преграду на ребро добралась и до нахального катерка, стала трепать его. Все полетели, кто куда. Дядька Федя оказался под катером между бонами, его не было видно, потом мелькнула рука с жестяной бидончика, зелеными сдутыми пузырями промелькнули в воде бригадирские бродни, уплыл в неизвестность пустой спасательный круг. Дядька Федя полез на конец пакета, и тут на него потащило катер.

Сергунька инстинктивно, что есть силы, ударил по веслам, налетел на катерок, стукнул его носом лодки, резко тормознув левым веслом, бросил лодку вдоль борта, прошел впритирку с катером, на секунду опередил его, успел гребануть веслами, подвернул корму лодки к пакету, отчаянно крича: «Хватайся, хватайся!».

Федор, держась за пакет, попытался обернуться, в последний момент увидел борт ползущего на него судна, увидел ткнувшуюся между ним и пакетом лодку, услышал крик и слепо ухватился рукой за луку кормы. Его дернуло прочь от опасности, поволокло в залив, прямо над ним, срезая фуганком стружку наводопевшей древесины, протащило днище катера. Откуда-то издалека до него доносились отчаянные детские крики: «Держись, держись».

Егорыч как-то даже успокоено выпростал из воды вторую руку, вцепился ею в корму и полностью отдал свое онемевшее тело на волю спасителя.

Лодка тяжело ткнулась в берег. Федя бесчувственно, вышедшими из подчинения одеревеневшими ногами стал искать дно. Трясаясь от холода, он пополз вдоль борта лодки, потом на четвереньках кое-как вылез на берег и только тут узнал своего спасителя:

– А ведь ты, племяш, с того света меня выдернул! Спасибо! Старика Егорыча от смерти спас, а батьку своего, да и Кольку-шута заодно, от тюрьмы...

Ребята стали приходить в себя, кто-то побежал делиться всем увиденным на деревню, из будки-теплухи притащили чьи-то старые валенки, сухую спечовку, всем скопом перевели Егорыча к костру.

Как побитый кобель подтащился к берегу катеришко. Михайло радостно подвалил к бригадиру, откинул перед ним крышку спасенного бидона: «Гляди-ко, Егорыч, яички-то все целы до единого! Даже воды не попало».

Вокруг костра стояло всеобщее радостно-напряженное оживление, все что-то говорили, перебивая друг друга. С катера притащили бутылку водки, налили бригадиру граненый стакан.

Из-под берега вышел Колька-катерист, трясущимися руками выхватил у Михайлы остаток водки в бутылке, прямо из горла выплескал ее в себя. Опростав бутылку, Колька, не глядя, бросил ее в пекло костра, потом задумался на минуту, тряхнул зачем-то своей большой головой и крикнул: «Серега, иди сюда».

Все затихли, что мог выкинуть катерист, никто не знал. Сергуня молча подошел к запяневшему мужику, был он не из пугливых, но выставляться перед всеми особенно не любил. Колька неожиданно для себя, как-то извиняюще-просительно, но вместе с тем высокопарноторжественно положил свою руку на плечо подростка и заявил: «Ну, братан, теперь ты тут капитан!»

С этими словами он стащил со своей бестолковки любимую фасонистую капитанскую фуражку и надел ее на головенку мальчишки.

Это, конечно же, был для Кольки поступок. Поступок, который при других обстоятельствах Колек-фраерок вряд ли бы себе позволил. А тут надо было искать выход, замаливать перед деревней, перед всем своим сплавным сообществом вину за свою бесшабашность.

Тут хоть в ногах валяйся, хоть землю ешь, хоть посыпай себя каменными углями из костра – ничего не поможет, отвернется и сплав, и деревня. Колька кожей почувствовал выход: ему и только ему надо сделать парнишку героем.

Свершив, таким образом, свое принародное покаяние, Колька снял нависшее над всеми напряжение и разрядил обстановку. Повеселел весь береговой народец, прильнул к старой житейской истине: в жизни всяко бывает, а уж если конец хорош, то о плохом и вспоминать грех.

На радостях была дана команда, тащить из катера все на берег. Ребятня только этого и ждала, все покупки мигом оказались возле костра, каждый получил свою долю угощения. Вокруг Феди уже копошилась родня, его переодели во все сухое, налили второй стакан водки, но хмель его так и не брал. Он все глядел на запорные боны, жалел свои утопленные сапоги и негодовал: «Выкупала, выкупала курва-река! С головой окунула. Спасибо тебе, спасибо!»

Народ все прибывал и прибывал, бесчисленное количество раз пересказали Федино крещение. Самым главным из него осталось только одно: «Курва-яйца!» Все остальное ушло на второй план, и это непредвиденное купание бригадира, и находчивость подростка сгладились до обыденности. На то она и река, чтобы посылать испытания.

Сдвоенный деревенский праздник набирал силу. На вечеру, летучим голландцем, почти не касаясь воды, промчался сверху катер начальника Рейда. Он на полном ходу резанул воздух приветственной сиреной, вспыхнул всеми немислимыми судовыми огнями и, как верх уважения и благодарности, громоподобно бабахнул звуковым сигнальным снарядом.

И костер, и гомон людской, и этот бег своенравной реки, и приветствие сплавного начальника – все воедино слилось в гармонию гимна. Гимна жизни, природе, тяжелому сплавному труду – труду, в скором времени всеми забытому.

Январь 2012 г.

ИГОРЬ ВАГАНОВ

Ваганов Игорь Владимирович родился в 1960 году. В Кадуе проживает с 1975 года. В 1984 году после окончания Ярославского медицинского института вернулся в родной посёлок, где и работал в районной больнице. В настоящее время трудится врачом Череповецкой станции скорой медицинской помощи. Литературным творчеством занимается более 30 лет.

НА ФРОНТ

Перед Великой Отечественной войной мой дед Ваганов Иван Максимович работал в Свердловске директором средней школы. Это был уважаемый и трудолюбивый человек, по профессии учитель истории и математики. Бабушка Вера Степановна была домохозяйкой, хотя в прошлом закончила юридические курсы. Мой отец Владимир посещал детский сад, а его старший брат Юрий учился в школе, и ему весной 1941 года исполнилось 12 лет.

И вот началась война! Дед ушел в военкомат сразу после объявления войны – он решил пойти добровольцем. Дед был коммунистом и считал, что во время войны его место только на фронте. В течение нескольких дней он уволился с работы и на четвертый день войны уже находился в одном из лагерей формирования под Свердловском. Вскоре он в составе сформированной воинской части отбыл на фронт.

Бабушка через некоторое время устроилась работать санитаркой в военный госпиталь. Теперь жизнь семьи измерялась от одной фронтовой сводки до другой, от одного фронтового письма деда до следующего. Дед почти все время (не считая того времени, когда его часть была на очередном переформировании) находился на переднем крае. Он прошел всю войну: отступление, Сталинградскую битву, окружение (из него удалось вырваться), наступление.

Войну закончил в Кенигсберге.

Старший брат отца – Юрий Ваганов постепенно вырослел и превращался в бесшабашного уличного парня. По моим сведениям, к осени 1944 года Юрий Ваганов временно покинул школу и пошел работать на завод. Начались трудовые будни – тяжелые, с удлинненным даже для подростков рабочим днем.

Несмотря на работу, Юрий находил время и для встреч со своими друзьями – такими же бесшабашными подростками. В то время у всех ребят старшие братья и отцы воевали на фронте (или уже погибли). Сбежать на фронт и вернуться героем – это было закадычной мечтой каждого подростка тех лет. Было не до учебы. И поэтому все юркины друзья так же мечтали попасть на войну, пока она еще не закончилась, строили планы... и в итоге появилась идея совместного побега на фронт.

Но линия фронта в конце 1944 года проходила слишком далеко от Урала. В своих прожектах подростки предполагали вначале сесть на какой-нибудь товарный поезд, проехать максимально близко к фронту, а затем пересест в воинский эшелон и уговорить командира полка записать их в воинскую часть. Все это были фантазии, не подкрепленные ничем мечтания, хотя, возможно, кое-какие запасы для будущего побега они стали делать.

Итак, Юрий Ваганов работал на заводе, а в те военные годы трудовая дисциплина на предприятиях, особенно оборонных (а на Урале большинство предприятий было именно оборонными), была строжайшей. За опоздания – не говоря уже о прогулах – отдавали под суд. Юрий работал вполне добросовестно, на работу приходил вовремя.

Но однажды утром – это случилось примерно в январе 1945 года – Юрий проспал и на работу опоздал. Опоздал, правда, на незначительное время. Учитывая это, а также его добросовестную работу, начальство не стало доводить дело до суда. Пожалели парня! Но теперь Юрию надо было вести себя особенно аккуратно! На беду, его мать уходила на смену в госпиталь очень рано, младший брат Вова – ученик первого класса, наоборот, просыпался гораздо позже Юрия. Юрию зачастую приходилось рассчитывать только на себя, а ночью после долгого трудового дня так крепко спалось... И вот через месяц или чуть побольше после первого опоздания Юрий вновь проспал на работу! Проспал он опять немного, но знал, что за это «немного» он теперь вполне реально может на несколько лет лишиться свободы.

И Юрий понял, что единственным выходом из сложившейся ситуации может быть только побег на фронт. (О том, что можно просто где-нибудь скрыться у Юрия даже мысли не возникло.) Именно там, на передовой, он сможет избежать суда, честно и отважно воевать и, если останется жив (а в этом Юрий не сомневался), то вернуться домой с медалями или даже с орденом.

У Юрия уже было кое-что припасено: сухари, спички, махорка, сменная одежда, еще кое-что по мелочи. Все это он собрал в рюкзак, поплотнее позавтракал и ушел из дома. Матери он оставил записку. Теперь пути назад у него не было. Юрий обошел друзей (дома он застал только троих) и сообщил им о своем намерении отправиться на фронт. Всем было предложено собрать кто что сможет в дорогу и встретиться в условленном месте через пару часов. Никто не струсил, и уже после обеда вся компания – четверо подростков 15-16 лет - зашагала на железнодорожный вокзал.

Была середина февраля 1945 года. На Урале все еще стояли морозы. Побег в это время года был несомненной авантюрой, шансы на успех были минимальные. (Я уже не помню всех подробностей рассказа дяди Юры, но основные моменты в памяти все же сохранил. – прим. Автора)

В этот же вечер всей компании удалось сесть в вагон товарного поезда, отправлявшегося в западном направлении, и выехать из Свердловска. Путешествие оказалось длительным: приходилось менять составы, высаживаться на станциях и дожидаться следующего поезда (пассажирского или товарного), на который надо было еще сесть, не попавшись машинисту, проводникам или охране. Ехали где придется и на чем придется, садились в пассажирские и товарные вагоны, на тормозные площадки, в собачьи ящики. Несколько раз ребят ссаживали с поезда. Один раз даже отправили назад под присмотром проводника, но удалось сбежать.

И вновь – на поезд и в дорогу. Маршрут движения один - на юго-запад, Москву решили объехать стороной – так меньше риска нарваться на проверку, хотя, конечно, на группу подростков никто особенно внимания не обращал – в военной стране хватало беспризорных ребят.

С постепенным продвижением на юго-запад становилось теплее. Запасы в конце-концов закончились, стали питаться кто что подаст, возможно, и продавали что-то из зимней одежды.

Таким образом, в начале марта они все же добрались до Украины, где, по сравнению со Свердловском, погода показалась очень теплой. Но спутники Юрия к этому времени уже утратили былой энтузиазм. Еще только Украина, а война идет уже на вражеской территории. Неоднократные попытки проникнуть в военный эшелон успехом не увенчались. Ребят без разговоров гнали прочь. Начались разговоры о том, что неплохо бы и вернуться. Один только Юрий был полон решимости продолжать путь, так как дома на Урале, кроме суда и заключения, его ничего не ждало. Да и стыдно ни с чем вернуться домой! Когда ребят в очередной раз высадили на какой-то станции из товарного вагона, они решили идти пешком. До Киева оставалось более ста километров, а там планировали пробраться в воинский эшелон. Шли по обочине дороги, а иногда сокращали путь, проходя напрямик, полями. Ночевали в стогах сена.

Украина – теплая земля! Еще март, а здесь уже растаял снег. Правда, грязи многовато. Но ребята довольны и тем, что тепло.

С каждым днем пути все более ощущается близость Киева: чаще встречаются уцелевшие деревни и села, женщины, пашущие на коровах землю, медленно ползущие танки, идущие роты солдат.

Но вместе с этим растут и трудности: остановит их какой-нибудь старшина или офицер, и начинаются расспросы: где живете? Куда идете? Наплетут ребята с три короба: родители погибли, идут они в Киев поступать в ремесленное училище. Были наготове и другие подобные рассказы. Молодых офицеров им удавалось обмануть, они верили любым рассказам, кормили и давали на дорогу еды. Иначе было со старшинами и бывалыми офицерами: это были люди, повидавшие всего в своей жизни, и сбить с толку их было не легко. От таких ребят спешили побыстрее удрать.

Идут они по узкой извилистой дороге. По всем сторонам от нее широко раскинулась степь. Вокруг приволье, бегут ручьи, с юга прилетают птицы, временами в небе становится темно от многочисленных стай. Воздух прозрачный и душистый. Легко дышится. Земля мягкая влажная, пестреет различными цветами. И тут же изломанные линии окопов и рвов, воронки. В каждом окопе гильзы от патронов, осколки снарядов. Попадают почерневшие покореженные пушки и танки. Временами проходили мимо пепелищ, в бывших деревнях торчали только полуразвалившиеся печки.

Ребята уже очень устали. Идут они, месяц дорожную грязь и конца пути не видно. Потеряли уже всякую надежду, хотели однажды даже повернуть назад, но Юрка отговорил товарищей.

Так и шли без всякой надежды, чисто автоматически. Очередная ночь застала их на неубранном еще с осени кукурузном поле. Стебли кукурузы высохли и ломались очень легко.

Вместе с темнотой пришел и холод. Ребята разожгли костер.

Ярко запылал огонь, тепло от него, просохшие стебли легко горят. Одна беда – горят быстро, приходится все время новые подкладывать.

Начались опять разговоры о том, что шансов дойти до Киева, а тем более попасть в военный эшелон, практически нет. Ребята один за другим высказывались за то, чтобы повернуть обратно. Только Юрка был против.

– Как-нибудь все одолеем, – неуверенно сказал он товарищам. – Ладно, давайте спать. Завтра поговорим. Он быстро заснул и не видел, что его товарищи долго о чем-то шептались.

Он проснулся рано утром: костер погас, и Юрка продрог до костей. И друзей своих уже не обнаружил. Видимо, проснувшись раньше чем он, они решили повернуть назад до ближайшей станции. Скорее всего, они сговорились заранее, но так как знали, что Юрий против возвращения, решили уйти без него. Юрий сильно огорчился. Особенно его возмущал тот факт, что приятели ушли тайком – не хватило духа сообщить ему о своем решении. Все вещи Юрия были на месте. Ребята взяли только свое.

«Ничего, и без них дойду!» – решил Юрий.

Далее он шагал в одиночестве. С полупустым вещмешком за плечами, в котором уже не оставалось ничего съестного.

В очередной уцелевшей деревушке Юрка узнал, что до Киева осталось 60 километров. Еще топать да топать. Он поправил на спине мешок и пошел дальше. От скуки запел песню.

Вдруг сзади, заглушая пение, раздался пронзительный гудок. Подъезжал грузовик. Юрий отошел на обочину, поднял было руку, но потом передумал: «Наверно, не остановится!». Но машина остановилась, из кабины высунулся молодой, лет семнадцати-восемнадцати, шофер.

– Садись пацан! Подвезу! – весело предложил он. – Куда тебе?

– В Киев.

– Ну, по пути!

Юрий быстро залез в кабину, хлопнул дверью. Машина поехала.

Быстро несется грузовик. Шофер молодой и любит быструю езду. Подбрасывает машину на кочках, обдаёт грязью, но шофер не обращает на это внимание: потом отмоет. Юрий доволен: не надо плестись, выбиваясь из сил. Машина несется гораздо быстрее его пешей ходьбы. Так скоро и в Киеве очутишься.

Грузовик шел с грузом, но все же шофер, по доброте своей, несколько раз останавливался и пускал в кузов уставших людей.

Веселый шофер не мог долго обходиться без разговоров, он сразу же стал спрашивать своего соседа, а тот, не долго думая, рассказал одну из придуманных историй.

Шофер поверил, посочувствовал, помолчал немного для вида, но потом с новой силой стал болтать. Он шутил с Юрием, объяснял, что и где находится в Киеве, рассказывал последние слухи и новости. Юрий внимательно слушал, стараясь не пропустить полезное для него.

В Киев приехали под вечер. Юрий попросил высадить его где-нибудь поблизости от вокзала. Шофер согласился, и вскоре Юрий уже был на вокзале. Народу уйма! Здесь и эвакуированные, и мешочники с многочисленными мешками и сумками, и какие-то подозрительные личности, шнырявшие везде. Много было солдат: они веселыми кучками стояли то там, то здесь, торчали в очереди за кипятком, в одном месте один из солдат играл на гармошке, а окружившие его товарищи плясали.

Юрий немного побродил по зданию вокзала, по перрону, сориентировался и пошел к эшелонам.

Делая безразличный вид, он не спеша шел вдоль воинского эшелона, а сам зорко следил за часовым, прохаживавшимся вдоль вагонов. Показался «собачий» ящик.

«Хоть бы часовой отвернулся! – подумал Юрий, подходя к ящику. – Неужели придется пройти мимо?!»

Он резко замедлил шаг, двигался еле-еле.

Часовой отвернулся, закурил. Юрий быстро подскочил к ящику, рванул крышку – не поддается. Рванул сильнее, еще сильнее – никакого результата.

– Эй, пацан! А ну, брысь отсюда! – услышал он вдруг крик. Обернулся – к нему бежит часовой.

Юрий бросился под вагон, выскочил на другой стороне, кинулся под следующий эшелон. Быстро прополз под вагоном, вылез, прислушался: погони не было.

«Жаль, сорвалось, – подумал он с огорчением. Надо еще попробовать. Только теперь пойду к платформам с пушками, там можно под брезентом спрятаться!»

От платформ его тоже прогнали. Он пошел к следующему эшелону. Снова неудача! До самой ночи он пытался пробраться в какой-нибудь эшелон, но все было напрасно: с наступлением ночи часовые стали более внимательны, следили за каждым подозрительным человеком.

Плюнув на все, Юрий ушел на вокзал и проспал там до утра.

Утром опять начались бесплодные попытки, и опять все закончилось неудачей. Вдобавок, народ на вокзале уже заметил этого шустро-паренька и стал принимать его за жулика. Стоило Юрию подойти к кому-нибудь, как его бесцеремонно отталкивали.

Он присел на скамью.

«Что делать? Назад отправляться нельзя, а в эшелон не пробраться. Дело дрянн!»

Кто-то тронул его за плечо. Юрка недовольно обернулся, перед ним стоял парень чуть постарше его, немного выше ростом.

– Что ты здесь делаешь? – напрямик спросил он.

Юрий молчал: он не знал, стоит ли рассказывать этому парню о своих замыслах.

– Молчаливый ты больно, – не отставал тот. – Зря ты здесь сидишь, тебя уже все пассажиры за жулика принимают. Шел бы лучше домой.

– Далеко идти.

– Куда же?

– С Урала я.

– Ого! Приличное расстояние. Чего тебя сюда понесло?

«Говорить или не говорить? – думал Юрий. – Ну, да ладно, скажу!»

– На фронт я бегу. Война скоро закончится, а я и повоювать не успел.

– Так я и думал, что ты беглец. В эшелон пробраться хочешь?

– Ага!

– Бесплезно! Я тоже пробовал, ничего не вышло. Звать как тебя?

– Юркой.

– А меня Сашкой. Слушай, я тут недавно кое-что придумал. Только вот одному действовать неохота.

– А что придумал?

– Можно просто пойти в военкомат и сказать, что нам восемнадцать лет. Потребуют документы – скажем, что их у нас украли.

– Не поверят!

– А может и поверят – в военкомате всегда недобор. Давай попробуем!

– Ладно, попытка не пытка!

Сашка прекрасно знал местонахождение военкомата. Дошли быстро. Военком был на месте, усталый, плохо побритый капитан с покрасневшими от бессонных ночей глазами. Угрюмо смотрит на стоящих перед ним подростков. Они только что заявили, что хотят на фронт добровольцами. Капитан смотрит недоверчиво: один парень невысок ростом, но коренастый, второй – повыше, но как и первый чересчур молод.

– Сколько лет?

– Восемнадцать, – одновременно ответили Юрий и Сашка.

– Давайте документы.

– А у нас их украли, – ответил Сашка.

Капитан недоверчиво хмыкает:

– Врете! Я вас насквозь вижу.

– Да что вы! Зачем врать, – присоединился к Сашке Юрий. – Мы их в вещмешке держали, а его на вокзале кто-то стянул.

Капитан смотрит тяжелым взглядом, очень недоверчиво. Но у него недобор, а эти ребята выглядят вполне крепкими...

– Ладно, поверю на слово, пойдете добровольцами.

Все свои данные Юрка сообщил истинные, только возраст прибавил.

И наступила военная служба. Их направили в разные воинские части, и больше Юрий о Сашке не слышал. Сам же Юрий был направлен в обычный пехотный полк, воевавший уже на территории Германии. Его назначили подносчиком патронов (за небольшой рост, больше шансов уцелеть!) в пулеметном расчете. Бои шли жестокие. Через несколько недель Юрий получил легкое (касательное) пулевое ранение руки, но в госпиталь не поехал, лечился тут же, в медсанбате, и через две недели лечения вновь вернулся в свой пулеметный расчет. Боевая служба продолжалась!

Этот немецкий городок практически ничем не отличался от других, через которые с боями прошел полк. Чистенькие домики с черепичными крышами. В центре – площадь, от которой идет центральная улица, дома сплошь трехэтажные, с красивыми подъездами. Чем дальше от центра, тем дома становятся ниже и попроще. На окраине вообще только одноэтажные домики, но такие же чистенькие и аккуратные, как в центре.

Но сейчас в городок пришла война. Сначала здесь слегка порезвилась американская авиация, а потом вошли советские войска. Облик городка изменился: ряд домов разрушен, на улицах мусор и грязь. Из окон домов свисают белые флаги.

Сразу же за городом расположился пехотный полк, в котором служит Юрий. Уже второй день приходится отбивать яростные атаки немецких войск, пытающихся взять назад городок. На одном из основных участков обороны установлен пулемет. Подносчиком патронов здесь Юрий Ваганов. Как я уже сказал, пулемет установлен на одном из основных участков, здесь немецкие окопы подходили к нашим на очень небольшое расстояние. Немцы наиболее часто ходили в атаки именно здесь, и пулемет для них, как бельмо на глазу.

Когда была отбита очередная атака, немцы на короткое время приоткрылись, но потом начали обстреливать наши позиции из минометов. Основной огонь они направили на мешавший им пулемет.

При обстреле цели из миномета немцы обычно применяли «вилку»: сначала мины ложились спереди, потом огонь переносился позади цели, а затем мины обычно попадали в цель. И вот, когда первые мины разорвались в нескольких десятках метров перед окопом, пулеметчики поняли, что положение их стало очень опасным.

– Надо перейти на другое место, – предложил второй номер.

– Подождем немного – немцы сейчас могут броситься в атаку, – не согласился с ним первый номер.

Юрий, который сидел чуть позади, промолчал.

Когда мина разорвалась в десятке метров сзади, стало не до размышлений.

– Надо уходить, пристрелялись немцы. Будем начеку, и если немцы бросятся в атаку, быстро выберем позицию и отобьем, – снова предложил второй номер.

– Ладо, – согласился первый номер. – Юрка, хватай ящик с лентами и дуй вон в тот окопчик. Мы сейчас туда переберемся.

Юрка схватил ящик, отполз немного, но тут раздался оглушительный вой – снова мина. Юрий оставил ящик и бросился под ближайший раскидистый куст. В следующее мгновение сзади, совсем неподалеку, раздался взрыв. Юрия что-то очень сильно кольнуло в бок, но в первые секунды он не обратил на это внимание, потому что увидел другое: пулеметная ячейка была уничтожена, оба пулеметчика убиты, искореженный пулемет валялся в стороне.

Юрка было приподнялся, но это движение вызвало нестерпимую боль в боку. Он посмотрел: гимнастерка медленно намокала кровью.

«Вот некстати – ранен!»

Вдали послышались отрывистые крики. Нмцы пошли в атаку.

«Пулемет уничтожен, подумал Юрий. Нашим без него придется туго».

Но командир батальона не растерялся, поднял бойцов в контратаку.

Началась рукопашная. Ряды смешались. Этот порыв ошеломил немцев, наши солдаты перехватили инициативу, потеснили противника. А потом немцы ударились в бегство, и наши солдаты заняли их линию обороны.

Юрий попал в госпиталь. Рана оказалась серьезной, осколок проник глубоко, повезло еще, что не задел жизненно важных органов и обошлось без массивного внутреннего кровотечения. Провалился Юрий на койке почти до конца войны. Обидно, конечно, было, война заканчивается, а он здесь. И рейхстаг без него возьмут! Но ничего не поделаешь, пришлось лечиться.

Перед самой Победой он был выписан из госпиталя. На фронт его не послали: шли последние дни войны. Юрия, как пережившего серьезное ранение, отправили долечиваться домой.

Юрий приехал в Свердловск уже в мае. После Победы. За эти месяцы, что он провел в боях, он получил два ранения и две медали «За боевые заслуги!» и «За победу над Германией!»

Через несколько лет после окончания войны Юрий Ваганов уехал на Украину в Кривой Рог и стал работать на шахте, где и трудился до самой пенсии.

Через двадцать пять лет дядя Юра приехал в гости к моему отцу – своему младшему брату. Мне тогда было 10 лет. В один из вечеров Юрий Ваганов в беседе с моим отцом как-то начал вспоминать о своем побеге на фронт. И на этот рассказ ушло несколько часов.

Я также присутствовал при этих воспоминаниях. Рассказ дяди Юры настолько меня заинтересовал, что я его очень хорошо запомнил. И впоследствии решил увековечить эти воспоминания на бумаге. В настоящее время пенсионер Юрий Иванович Ваганов живет на Украине в Кривом Роге

ΠΡΟ3Α

МАРИЯ СОЛОМАТОВА

Родилась и училась в Кадуе. В 2002 году после окончания Кадуьской средней школы №2 поступила в ВГПУ на отделение журналистики филологического факультета. После учёбы работала в разных изданиях Санкт-Петербурга как журналист и редактор. В настоящее время живёт и работает в Кадуе. В альманахе печатается впервые.

AUF WIEDERSEHEN!

Чавканье снега под сбитыми каблуками. Сумерки, заглотившие крышу дома. Крыльцо. Дверь. Лифт. Обожженная кнопка. Минутный полет в никуда. Площадка. Родной коврик перед дверью. Ключ. Не тот! Потом тот. Скрип двери. Прихожая. Стул. Стены, оклеенные афишами. Просто дом мальчика-звезды!

Плакат «В нашем доме друг к другу обращаются на вы». Кухня. Мягкий диван. Стол. Электрочайник. Любимая чашка. Горячий кофе. Время перестало дробиться на тысячи осколков-кадров. Наконец-то я дома и могу отдохнуть после своего очередного дня жизни, такого же, как и все: три пары, четыре интервью, пробежка по редакциям, два часа в читальном зале – завтра семинар. Обычный вторник, плавно перетекающий в среду. На столе записка: «Суп съел, даже, представьте себе, кастрюлю вымыл. Было очень вкусно. Только морковки много и лука мало. Не ждите. Приду поздно. P.S. Да, кстати, чуть не забыл: я люблю Вас. P.S.S. Сделайте завтра сырники. Целую Вас. Ваш А.»

Ну, что ты, милый... Разве я когда-нибудь тебя жду? Я не из тех женщин, что позволяют унижить себя ожиданием. Собственно говоря, это и есть наша берлога. Мы с Медвежонком живем здесь уже полгода. Раньше, до свадьбы, мы жили в двухкомнатной квартире с тремя его друзьями. Конечно, было очень весело, но зато как неудобно...

Ребята жили втроем в большой комнате, а мы – в маленькой. На малюсенькой кухне мы кое-как помещались впятером, но, когда приходило человек двадцать гостей, все удивительным образом на этой кухне размещались. Уходили одни гости – приходили другие, и нам с Медвежонком очень редко удавалось побыть наедине. Получалась коммуналка. Дружная и веселая, но всё-таки коммуналка. Хотя, если любишь, выдержишь и не такое. Выйдя за него, я никак не повлияла на его общение с друзьями, репетиции, даже, наверное, на количество половых связей...

Решив связать свою жизнь с музыкантом, я предпочла сразу смириться с возможными изменами. Однако сам он очень ревнив. И поводом для ревности часто бывают даже не ухаживания другого мужчины, а сама моя красота. Иногда это напрягает, но я люблю его и не думаю о таких пустяках. А когда у него начинается «обострение», я просто говорю: «Меня поражает твоё благородство! Так льстить чужому дядьке!» или «Посмотри! Такое солнышко на улице светит, а ты меня к какому-то хоббиту ревнуешь!»

Главное жизненное пространство квартирки - кухня, она же концертная площадка, конференц-зал, приемная психоаналитика, художественная галерея, арт-кафе. А еще это ночной кабинет для того, чья муза объявилась с последним автобусом, и кто ведет здесь телефонные переговоры, общается по Интернету, подбирает музыку к новой песне, сочиняет стихи. Или пишет статьи, рисует, готовит обед назавтра, ищет в сети материал к семинарам, читает великие произведения великих классиков великой литературы.

Фотографии на стенах. На этой – Медвежонок, в черном пальто, с распущенными волосами, на фоне сугробов. Пальто в снегу. В одной руке держит букет красных роз, другой собирается кинуть снежок в сторону объектива. Синие глаза ярче неба над головой, они сияют от счастья. Наше первое свидание. Безумно трудно было ненавязчиво убедить его в том, что я его вторая половинка, свет в оконце и счастье всей жизни. Но удалось.

Муж – первый читатель моих статей и рассказов, первый критик новых картин. Он говорит, что в моём творчестве жизненно и что явно вымышлено, что ему нравится и что нет, при этом не скупясь на экспрессию в оценках. Поэтому я зову его иногда «мой Станиславский».

Напротив висит другая фотография. На ней я сижу на куче красных, желтых, зеленых и коричневых листьев и подбрасываю их руками.

Это снято осенью. В тот день, когда мы вышли из загса мужем и женой. Это был день для двоих. На нашей свадьбе не было приглашенных. Не было белого платья и фаты. И тщательно отутюженного костюма тоже. Была джинсовая юбка, футболка с ушастой мышью на голове у слона, джемпер. И потертые джинсы, майка с крокодилем и косуха.

И один на двоих конский хвост. У мужа. Пожалуй, это единственный день в нашей совместной жизни, когда мы не разлучались ни на минуту. Мы гуляли по городу, фотографировали всё, что казалось нам интересным. Пили горячий шоколад в нашем любимом кафе. Такая вот свадьба. В общем-то, совсем не свадебная. Но это был самый большой праздник в моей жизни.

Впрочем, всё-таки мы не были расписаны. Мы встали перед дверью загса и просто обменялись кольцами, пообещав беречь, любить и обождать до преклонности лет своих. В ЗАГС я не пошла потому, что боялась разоблачения. Какое? Просто Маша Иванова – не мое настоящее имя. Это что-то вроде псевдонима, который появился так давно, что настоящего имени почти никто не знает. На самом деле меня зовут Дарданелла Кржидановская. Точнее звали – класса до третьего. В детстве меня садистски часто просили представиться, а я картавила, и очень по этому поводу переживала. И вот в третьем классе, вместо того чтобы назвать своё настоящее имя, я заявила: «Маша я – Иванова!». С тех пор меня все так и звали. Правду знали лишь очень старые знакомые и паспорт.

Однажды почтальон принес посылку от Германа, отправленную на имя госпожи Кржидановской, и Медвежонок сказал, что такие здесь не проживают... Над диваном – наша любимая фотография. На ней – повешенные рядом на прищепках плюшевые мишка и котенок. Эту идиллическую картину мы с мужем увидели на чужом балконе, когда гуляли вместе по городу на одном из первых наших свиданий.

Это фото – символ нашей семьи. Мы говорим, шутя, что повязаны одной прищепкой. Можно сказать, мы идеальная семья. У нас никогда не бывает ссор. Даже по мелочи. Я стараюсь уступать, а он принимает мои уступки как должное. Впрочем, когда любишь, разве обращаешь внимание на такие мелочи?

В принципе, нам и ссориться некогда: я в восемь прихожу домой, а он уходит. Возвращается, когда я уже сплю. Обычно мы видимся только утром. Иногда он приходит часов в пять ночи и будит меня, чтобы спеть новую песню.

Или рассказать, как прошел день. Кого он в ночь с вчера на завтра встретил. Или чтобы любить меня. Наша спальня – это единственное место, где мы обращаемся друг к другу на «ты».

В сумке забулькал телефон. Герман на связи.

– Уже два часа, а ты все не спишь, да, Даря?

Я даже не спрашиваю, с чего он взял, что не разбудил меня. Он ведь все равно ответит: «Я чувствую, Даря, что тебе одиноко».

И он еще ни разу не ошибся.

– Да, еще много дел. Только что обед сварила и подготовилась к завтрашним парам. Осталось еще юбку подшить...

– То есть ждешь заплутавшего мужа...

– Ну, не заплутавшего, а... ты же знаешь, такая у нас богемная семья...

– И снова ты пытаешься его оправдать...

– Знаешь, если любишь, вытерпишь и не такое!

– Уж это можешь мне не объяснять...

Действительно, Герману это я могу не объяснять... после того, как рассталась с ним накануне свадьбы...

На втором курсе Герман преподавал у нас немецкий язык. Сам он немец, но с русскими корнями, и приехал в Россию по программе учебного обмена на два года. Очень скоро Гера стал за мной ухаживать, и к концу семестра мы уже жили вместе. Пожалуй, это было самое безмятежное и счастливое время в моей жизни. На нашей кухне не было часов, потому что Герман говорил: «Кухня – это то место, где собирается вся семья. Значит, это место для счастья. А счастливые минуты не надо считать, ими надо жить». Самые счастливые из наших минут были связаны с маленьким заварным чайничком. Заварки в нем хватало на две чашки, и традиция пить чай вдвоем делала нас еще ближе. Мы каждый вечер рассказывали друг другу о прошедшем дне, прочитанных книгах, даже о встречах с бездомной болонкой, живущей во дворе. В конце концов, мы взяли бедняжку к себе и назвали Барби. Вымытая и накормленная, она оказалась очень милой. Мы часто все троем смотрели вечерами телевизор, ходили на прогулки в парк или просто лежали на диване.

Через год Герман сделал мне предложение, и я согласилась. После свадьбы мы собирались вместе уехать в Дрезден. И за две недели до «знаменательного события моей жизни» я испугалась. Что буду плохой женой. Что заскучаю по своим друзьям, родителям, городу...

Что не смогу адаптироваться в чужой стране... Что недостаточно люблю Германа... Ему я, конечно, назвала только первые три причины. И он отнесся к моим страхам с пониманием... И уехал, забрав с собой Барби.

А через неделю я встретила Медвежонка... Конечно же, Герман был человеком во всех отношениях положительным.

Но жизнь с ним напоминала мне семейный бюргерский роман, а мне так хотелось попасть в сказку... или хотя бы детектив...

С Медвежонком я, конечно, получила это все сполна. За Медвежонком я ухаживала полгода, пока не стала его спутницей.

Перепробовала при этом массу методик покорения строптивых роке-ров. Была и интеллектуалкой, и дурочкой с переулочка, и пай-девочкой, и стервой каких поискать... В конце концов мы достигли консенсуса на роли жены декабриста. Точнее, бас-гитариста...

Наконец я подшила юбку. На кухонных часах было уже три. Когда я остаюсь одна, именно в это время больше всего хочется рисовать. Я достала краски, кисти и холст. Сначала безотчетно, интуитивно водила кистью по ткани. Потом заметила, что на холсте появились очертания фигуры среди барханов. Кажется, это женщина. Кто она? Куда идет? Откуда берутся у нее силы идти? Неужели она не понимает, что на тысячи километров вокруг – только пустыня, и нет надежды отсюда выбраться? Все еще ищет свой оазис? А может, смысл ее жизни в этом движении, и, остановившись, она просто сойдет с ума?

Я в трансе прорисовывала ее лицо. Мазок, еще мазок – волосы, рот, глаза... глаза, наполненные отчаянием и надеждой... Вот и закончена эта картина – ночная пустыня и путница, бредущая в никуда... Почувствовав рядом с собой движение, я открыла глаза. Медвежонок вынимал кисть из моей руки. Оказывается, я так и заснула на кухонном диване рядом с картиной. Медвежонок взял картину, посмотрел на нее с грустной усмешкой.

– А у нас сегодня юбилей. Пустыня номер сто. Автопортрет.

Я сидела на диване, обняв колени.

– Ошибаешься. Эту картину я назвала «Счастье».

– Ааа... стоило ли переводить краски?

И я как всегда не ответила, что деньги, отложенные на ремонт, он истратил на пятую за этот год гитару. Ведь когда любишь...

– Ладно. Отнесу в кладовку. Хоть один человек там будет среди тушканчиков, пингвинов и барханов.

Через какое-то время после этого «юбилея» к нам в гости пришел наш друг Захар, художник. Мы послали его в чулан за вареньем. Открыв дверку, он ахнул... и предложил мне сделать совместную выставку. Недолго посомневавшись, я извлекла из кладовки «Пустыню в лунном свете», «Закат в пустыне», «Тушканчика и кобру», «Палящее солнце», «Сакура цветет. Пустыня», «Южный полюс» и другие работы, неотъемлемой частью которых была пустыня.

Выставка Дарданеллы Кржидановской и Захара Колчака под названием «Цветок пустыни» прошла на ура. Все мои картины были раскуплены. За «Южный полюс» два любителя живописи даже чуть не подрались. Это одна из самых очаровательных моих работ, и точно самая веселая. На картине изображены пингвины в солнечных очках, валяющиеся в шезлонгах посреди снежных барханов и попивающие через соломинку разноцветные коктейли. Я нарисовала их во время поездки в Турцию. Мы с Медвежонком летели самолетом, иллюминатор с внешней стороны покрылся инеем, проплывающие под нами облака казались огромными осколками льда для небесных коктейлей.

– Летишь, как над Северным полюсом, – произнесла я.

– Да уж. Там холодно, – согласился Медвежонок. – Если Северный полюс – самое холодное место на планете, то Южный, наверное, самое горячее? Там все время загорают, да?

И тут я представила себе жителей Южного полюса – пингвинов, которые «все время загорают». Картинка мне так понравилась, что я решила это нарисовать. После выставки было много публикаций в прессе. Картины вызвали настолько большой интерес, что вскоре мне предложили учебу в Дрезденской академии искусств. Я очень хотела поехать, но вспомнила о Медвежонке: «Он же будет страдать от одиночества, если я уеду. Ведь он так меня любит». Он, узнав о моем возможном отъезде в Германию, воскликнул: «А кто будет обо мне заботиться?!». После этих слов я предложила ему расстаться.

Я продала все свои «Пустыни» и улетела в Германию. В аэропорту Дрездена меня встречал Герман. Гладковыбритое лицо, умные глаза, опрятный костюм... только сейчас я поняла, как соскучилась по этой немецкой добротности. У ног Германа крутилась Барби. Когда я подошла, она бросилась ко мне и, подпрыгивая, стала лизать мои руки.

Герман взял мою сумку, наклонился, чтоб поцеловать в щеку... и я подставила ему губы.

НАША ГОСТИНАЯ

ВАСИЛИЙ МИШЕНЁВ

Василий Михайлович Мишенёв родился 23 октября 1958 года. Автор 16 книг стихов и прозы. Публиковался в различных сборниках и альманахах, в журналах «Наш современник», «Москва», «Роман-газета. XXI век», «Сельская молодежь», «Север», «Нева» и других. Лауреат международной премии «Филантроп» (2002) и международного конкурса «Золотое перо» (2007). Почетный гражданин Никольского района. Живёт в г. Никольске.

ПАДАЕТ СНЕГ

Послушайте - падает снег!
Взгляните - как всё изменилось!
И время замедлило бег,
С привычного ритма скатилось!

Как будто причудливый сон
Пленяет дома и деревья,
Вселяет спокойствие он
В тревожную душу деревни.

Снежинки летят с высоты,
Ложатся на шапку и плечи...
И что мне бывлые мечты?
От них не становится легче!

Но только не бросить вовек
Избы, пред которой в ответе...
Послушайте - падает снег!
А где же на улице дети?

ВЕРА БАСОВА

Череповчанка Вера Валентиновна Басова начала выступать с концертами в 2004 году. С тех пор у неё вышло несколько поэтических сборников и аудиокассет. Она дипломант многих фестивалей и конкурсов. Несмотря на все жизненные переипитии, она остаётся ироничной и в быту, и в творчестве.

ПЛОДЫ ЗЕМЛИ

Лепесткопад букетный на столе,
Шлепков о стол слегка протяжный шёпот.
Такого я не видела сто лет.
И в этом есть смирение. Не ропот.

В природе я не вижу мятежа –
Простое подчинение законам.
То срок – цвести, то – под снега лежать...
Всё чётко, всё без бунта, без уклона.

Есть время распускаться, зеленеть;
Не пропусти и раскрывай все почки.
Дай Бог тебе успеть и всё суметь!
Закон плодоношения так точен.

Ну, вот и цвет, и сладкие плоды...
Да, не жалей! дай вволю навкушаться.
Пускай, твои в них силы и труды –
Плоды к тому, чтоб в людях оказаться!

НИКОЛАЙ БУШЕНЕВ

Бушенёв Николай Тимофеевич родился в Брянской области. С 1976 года живёт в Череповце. По образованию филолог, преподаёт в Череповецком государственном университете. Стихи пишет с 11 лет. Печатался во многих коллективных сборниках и альманахах, в т.ч. в журналах «Юность», «Наш современник», «День и ночь», «Автограф». Лауреат премии им. Л.Беляева (2011г), победитель 2-го городского фестиваля поэзии.(г.Череповец 2011г).

Ещё стрекочут кузнечики,
Ещё летают комарики.
А мы опустили плечики,
А мы закричали: стареньки.

Порхают беспечно бабочки.
И рано лето похеривать.
А значит, белые тапочки
Не время ещё примеривать.

Пусть будут ветра и дождички –
С зимою лето поборется.
И нам не размять ли косточки?
Нам стоит похорохориться!

Дождёмся мы лета бабьего,
А может быть, и мужицкого.
Улыбкой будем подбадривать
Слова признания высказать.

ГАЛИНА ГАВРИЛОВА

Родилась в Череповецком районе в 1943 году. Член ЛИТО (Череповец). Автор двух поэтических сборников. Печаталась в поэтических сборниках и местных газетах

Вот мчусь на стареньком автобусе,
Везу с собою в сердце грусть,
Моей деревни нет на глобусе,
Но к ней я искренне стремлюсь.
Издалека и без названия,
Там волю дав своим мечтам,
Спешит речушка на свидание,
Счет потеряв годам и дням.
Там детство звонкое и смелое
С горюшки мчалось босиком,
Стручки гороха незрелого
Мы рвали стайкою, тайком.
Там осенью полны лукошки
Грибов и ягод у ребят,
На нас счастливых из окошек
Глаза родителей глядят.
Деревни нет моей на глобусе,
Уж так случилось, ну и пусть,
На старом, сереньком автобусе
Душою всею снова мчусь.

ГАЛИНА КОНСТАНСКАЯ

Родилась в 1948 году в деревне Конеево Белозерского района. Секретарь литературного объединения (Череповец). Автор десяти сборников стихов. Печаталась во многих коллективных сборниках, в газетах и журналах Редактор газеты «Голос ветерана» (вкладыш газеты «Северсталь»).

Приеду на родину, стол мне накроют,
Блюдо наполнят свежей ухю,
Нажарен судак золотыми кусками,
И царское блюдо- рыбник с лещами!

Ну, наконец, отогрелась душа.
Спасибо, ребята, уха хороша,
Хорош и судак золотыми кусками.
И царское блюдо – рыбник с лещами!

В город уеду, буду скучать,
Родину милую все вспоминать,
Как мы ходили в лес за грибами,
И царское блюдо – рыбник с лещами!

Завалило город снегом
Щедро и неистово.
Как одна на свете белом
Я зимой на пристани.

Белый снег, сиянье солнца,
Одинокие следы,
Заколочены оконца
С отраженьями воды.

А вокруг морозно, пусто,
Глупых чаек не видать.
И одной нелепо грустно-
Пароход зимою ждать.

Пристань тоже одинока.
Жмет холодный, толстый лёд.
Неприятная морока-
Ждать весенний ледоход.

Через снежные завалы
Ты приди ко мне, мой друг,
Неужели все причалы
Созданы лишь для разлук?

ТАМАРА НОСОВА

Родилась в Череповецком районе в 1949 году. Член ЛИТО (Череповец). Автор пяти поэтических сборников. Публиковала стихи в коллективных сборниках, в газетах и журналах.

ДОМ

Дом построен на спорном месте.
И теперь в нем как хочешь живи.
Нету ссор, торжества и мести,
Но, однако же нет и любви.

Каждый день разъедает плесень,
Отношений натянутых плен.
Нету радости, нету песен,
Ах, как хочется перемен!

Раскурить разве трубку мира
Да по кругу чашу с вином.
Может быть, напряженье эфира
Шуткой радостной разобьем?

Мне немного грустно и смешно,
Ветер бросил клена лист в окно.
Это верно осень шлет привет,
Убеждая, лета больше нет.
Ничего не стану говорить.
Время надо всякое любить.
И кленовый, желтый лист приму,
Как цветок к букету моему.

МАКСИМ ПРИХОДСКИЙ

Максим Приходский начал писать стихи в 2004 году, но лишь с 2009 он занимается этим серьёзно и основательно. В его творчестве по-прежнему просматривается приверженность к правилам классического стихосложения, а также любовь к иносказательным полётам и мотивам фэнтези в стихотворениях. На данный момент он состоит в нескольких творческих объединениях Череповца и является заместителем председателя

Череповецкого ЛИТО по молодёжной политике.

ДЕВУШКА ЛЕТО

Девушка Лето, Вы мне улыбнулись
Солнцем в июльское утро,
И в тишине не проснувшихся улиц
Стало тепло и уютно...
Чувства вдруг стали мои бестелесны:
Кажется мне, что не здесь я,
А на опушке соснового леса
И головой в поднебесье.

Девушка Лето, Ваш взор будто сокол
Ввысь устремился куда-то,
И в вышине больше не одиноко
Белым пушистым котяткам.
В Ваших глазах отражается небо
Отблеском тёмной лазури...
Я попрошу златокудрого Феба
Оберегать Вас от бури.

Девушка Лето, Вы тронули струны –
Струны ответили песней.
Мир в этот миг показался мне юным,
Даже нисколько не тесным.
Словно во власти какой-то причуды,
Я улыбаюсь рассвету,
Ибо вовеки веков не забуду
Столь ясноликое Лето.

АЛЕКСАНДР РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

Александр Рулев -Хачатрян – член Союза писателей России, известен не только на Вологодчине, но и далеко за ее пределами как прозаик, поэт, драматург, переводчик. Сейчас живет и работает в Череповце. Основные произведения писателя переведены на многие европейские языки. Окончил инженерно-строительный и литературный институты, долгие годы участвовал в возведении различных объектов в районах нашей области, в том числе и в Кадуйском. Внес лепту и в строительство Череповецкой ГРЭС. Именно с поселка Каду́й начинается повествование в цикле рассказов «Наши дороги» (записки районного корреспондента), объединенных одними героями. Вот два рассказа из этого цикла.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПЕТУХОВЫМ

Утром я пришел в гараж. Тогда Каду́йскую ГРЭС еще только собирались строить (*именно так поначалу называли этот объект – прим. составитель книги*), а трубы для нее уж возили из Вологды. Редактор поручил мне узнать обо всем, что касается поставки оборудования. Вот я и решил воспользоваться попутной машиной. Илья Семеныч, начальник автобазы, вежливо ухватил меня за пуговицу двумя пальцами:

– Отойдем, парень, поговорить надо, – и, сделав многозначительное лицо, он потянул меня за пуговицу. Мы оказались возле каких-то ящиков в высоту одноэтажного дома. – Это оборудование, – пояснил Илья Семеныч и, оглянувшись, продолжил: – Водитель, с которым поедешь, человек со странностями. Понимаешь? Очень уж любит на всякие там популярные темы трепаться. – Илья Семеныч воздел перст. – О пчелах, которые очень умные, о проблеме семьи и брака, о звездах, о политике. Например, о ЮАР, где сплошной апартеид. Ну, о футболе, само собой. Ты понимаешь? – переспросил он более настойчиво.

– Честно говоря, не очень...

– Я так и думал. Так вот, он станет говорить с тобой о Марсе – тебе это понравится?

– Не знаю. Отпусти пуговицу. Смотря что говорить о Марсе.

Вот именно! Смотря что! А он будет нести всякую чепуху, заговорит насмерть. Уже было...

– Насмерть?

– Почти...

– Так что же? Разве это главное?

– Нет, главное – притвориться спящим. Я так делаю, когда с ним езжу.

– Спасибо. Как его зовут?

– Пал Иваныч. Петухов – фамилия этого болтуна. Скоро придет, тогда и поедете.

– Ладно. Учту. Отдай пуговицу.

– Счастливого пути! – Илья Семеныч удалился.

А я, сунув в карман открученную пуговицу, пошел к машине.

Вскоре показался водитель. С первого взгляда стало ясно, что он самый худой из всех высоких и самый высокий из всех людей, о которых, если вежливо, то говорят: «не в теле».

Петухова украшали глаза. Прекрасные, да, действительно прекрасные серые глаза, опушонные черными ресницами.

Шофер поглядел на меня и молча полез в кабину.

Как только выехали на ровную насыпь строящейся дороги, я начал поудобнее устраиваться. Поднял воротник и незаметно для себя уснул по-настоящему. Спал до нового моста через Суду, – тогда его еще только-только навели, – за ним сразу же начиналась бетонка и шла до самой Вологды.

На мосту нас покрыло дождем.

– Ну и погодка, – все, что нашел я сказать.

Водитель молчал. Он не говорил ни про ЮАР, ни о звездах и пчелах. Он ни о чем не говорил, и я решил обидеться: «Его еще и расшевеливать надо!»

За постом ГАИ, там, где поворот на Череповец, я уже нервничал. А шофер – ни звука. «Попадется же такой, подохнешь с тоски!». Петухов же грустно глядел на бетонку, еле-еле пошевеливая руль. Закурили. Каждый думал о своем. Через час мы въезжали на горбатый мост через Шексну. Здесь дождя не было, однако Петухов сказал:

– Да-а, погодка... Не климатит...

Я сел поудобнее, готовый после такого запева слушать любую историю. Даже про дельфинов. О том, как они разговаривают. Но Петухов промолчал до самой Вологды. Вот так!

Пожали друг другу руки.

– Спасибо, Пал Иваныч.

– До свиданья.

Грузовик присел и тяжело ушел по улице Калинина. Я смотрел вслед красным огонькам, пока они не скрылись у вокзала.

Утром звонит завбазой Илья Семеныч...

– Але-о! Когда думаешь возвращаться?

– Сегодня вечером.

– Отлично! Пал Иваныч тебя подождет, с ним и приедешь.

– Это еще зачем? Доберусь...

– Он звонил мне. Обязательно будет ждать.

– Слушай, Илья Семеныч, а Петухов молчал всю дорогу, между прочим.

– Знаю. Он всегда молчит. У него даже прозвище имеется...

– Погоди! Прозвище... Зачем было меня разыгрывать?

– Да понимаешь... Нашим водителям часто приходится подбрасывать лекторов разных, ну, инструкторов, журналистов – и все они обязательно говорят про Марс, народ просвещают, и про всякие другие штуки. Нет, чтобы о жизни поговорить! А так...

– Ну и что?

– Как что? Все об одном и том же, а главное – одними и теми же словами. Шоферов это нервирует. Чуть дело до аварии не доходило. Понимаешь?

– Теперь понимаю.

– А ты, парень, понравился Петухову. «С таким человеком, – говорит, – ездить терпимо!» Слышишь?!

– Да-да, слышу! Сегодня еду назад!

– Он будет ждать! Алло! Алло!..

Нас прервали. Но я долго слушал космические гудки и шорохи в трубке...

КОНИ

Какими словами описать старый Вологодский тракт, когда зимой по обеим сторонам дороги нарастают снежные валы? Они выше кузова машины: то горбятся, а то, заметенные новым снегом, ровно крепостной стеной, защищают тебя от ветра и темноты, которая внезапно накрывает все пространство в короткий зимний день. Ночь к дороге приходит из лесу, и тогда едешь при фарах по чистому коридору, и лишь изредка сверкнет в глаза ломаный снег – это где от плотного гребня он почему-то оторвался бесформенным куском и рухнул под колеса.

Еще ни разу, когда нас заставало ночью в пути на перегоне от Митино до Юрочкина, мне так и не удавалось сдержать своих чувств. Сила неведомая заставляла меня воскликнуть неважно что. Просто крикнешь что-нибудь радостное. А Пал Иваныч, обычно не склонный поощрять всякие возгласы, в этих случаях не только не осуждал меня, а наоборот, добродушно и согласно потряхивал головой.

Посудите сами: по долам, по холмам, как нить, протянулась старинная дорога. Вот где-то встречная машина подохла огнями полнеба – это на подъеме она трудится. Уйти в низину – свет белый из-под земли льется, а ты едешь к нему и скоро в него окунешься с головой, с машиной, со всем на свете, что у тебя есть. Да, в ночной поездке теряешь связи с остальным миром, все для тебя замыкается в луче автомобильных фар. Что до меня, то именно в такие ночи я чаще всего думал о себе, о своей судьбе. И всегда хотел жить долго и счастливо...

Мы двигались к Вологде. Шел первый час. Ровно покачивалось над нами небо, до леса на дальних подъемах просвечивалось пространство, и лишь с боков высокие снега отсекали нас от ровных полей, укрытых снегом. Ночью, даже самой темной, они всегда чисто-белые, как лебединое крыло. Мы спускались в долину, как по желобу скатывались. Вскоре достигли первого поворота. Лишь повернули: ах! Горят янтарные глаза – несутся нам навстречу кони. Под светом заметались и сбились в гурт.

– Повернут назад, - решил Петухов.

– Откуда они? – стал я гадать.

Стоим. Ждем. Насчитали семь коней. К машине не идут, боятся... Выключили фары... Постепенно привыкли к темноте и видим: бьются они о снежный вал, а преодолеть не могут. Что делать? Как им помочь? Откуда они? Пал Иваныч зажег свет. И тогда в отчаянном прыжке самый сильный первым разбил грудью снежную стену. За ним ринулись остальные. И пропали. Мы соскочили на дорогу, взобрались на вал и увидели, как все семеро в струнку наметом уходят полями. Домой. Через полчаса наткнулись на машину. На подножке двое перекуривают.

– Жеребят не встречали? – спрашивает один в полушубке.

– Так это ваши? Они в сторону Суркова подались.

– Понятно. В конюшню.

Человек показал огоньком папироски на сломанный кузов. Решетка и задний борт были разбиты вдребезги.

– На мясокомбинат везли. Думали к утру быть в Вологде, первыми стать в очередь. Не получилось, – расстроенный, скороговоркой проговорил второй.

– Пусть живут... – глухо сказал шофер грузовика. Он сидел, опустив руки между колен, Устал.

– Ага! Целый лишний день, – зло ответил ему заготовитель в полушубке.

Шофер устало и презрительно отмахнулся горячей папироской. И мы с Петуховым подумали о том, что эти двое ненавидели друг друга всю дорогу...

ГЕННАДИЙ САЗОНОВ

Сазонов Геннадий Алексеевич – член Союза писателей России, издал более 20 книг поэзии, прозы, публицистики.

Печатался во многих центральных и местных газетах и журналах. Провел несколько читательских встреч с любителями литературы в Центральной районной библиотеке пос. Кадуй.

ПРЕДМЕСТЬЕ

Небесный полдень. Я в предместье.
Там село солнце за спиной.
И парк, и град темнели вместе
С новорождённой луной.

Я тронут нежностью заката.
По капле таял краткий день.
Даль, светом розовым объята,
Благоухала, как сирень.

Услышать бы благие вести
В холодном храме тишины.
Под снег ушло моё предместье
В томленья света и весны.

ГОЛОС

Мне голос твой о многом скажет.
Души откроет жаркий пыл,
И сердца зов, и то, что даже
Мне голос твой не говорил.

Слова не счет, и только голос
Покажет глубину твою,
Где долг и чувство вновь боролись
У бездны, может, на краю...

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

Эпанаев Игорь Владимирович - поэт-минималист, иронист. Живёт в Череповце. Начал писать в 6 лет, публикуется с шестнадцати. С 2006 года издает газету «МИГ-35» и журнал «Северянин». Сопредседатель городской общественной организации «Череповецкое литературное объединение», член Вологодского союза писателей-краеведов». Организатор фестиваля «Я живу в Череповце», глава неформальной творческой организации «Союз друзей слона Джамбо». Лауреат 6-го межрегионального фестиваля «Плюсовая поэзия» (г. Вологда), участник второго всероссийского фестиваля «Молодые авторы вокруг ДЕТГИЗА» в С.Петербурге, в январе 2011 г. занял 2-е место на вологодском слэме фестиваля «М-8».

Опубликовано более тысячи стихов в более чем пятидесяти изданиях России и Белоруссии, печатался в журналах «Вокруг смеха», «Крокодил», «Красная Бурда». Автор поэтических сборников «Жизнь моя, любовь моя, смерть моя...», «Прыжок нахального Слона», «Лирика», «Чайка» № 6 (спецвыпуск). Готовит книжку «Я живу в Череповце...». Выпустил диск «Стихи и песни 1994 - 2004 гг.».

В последнее время активно публикуется вместе со своими учениками («Школа поэзии», МБОУ ДОД «Центр детского творчества») во Всероссийском журнале «Костёр» и других детских изданиях в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге.

О ВЫБОРЕ ТРАНСПОРТА

Маша скачет на баране,
Тая едет на тиране,
А Ирина на коне.
А на чём поехать мне?

О ЖАЖДЕ

Милая и прекрасная
Жажда твоя ужасная!
Стану я синей тучею,
Чтоб напоить плакучую!

КАБЫ Я БЫ...

Я б канул в Лету,
Да Леты нету!

ЖИЗНЬ МОЯ ХОРОШАЯ,
ПОТОМУ ЧТО ГОША Я ?!

Нет, житуха Игорька
И печальна, и горька!
И для Гошеньки-
Ничегошеньки!

ЛЕТА ЮГАЙ

Югай Лета (Югай Елена Фёдоровна) - поэт, художник, учёный-фольклорист. Она автор пяти поэтических сборников Первый вышел, когда Лета училась в седьмом классе; в 2010 году опубликованы книги «Между льдом и водой» и «Где трава высока» (для детей). Закончила два высших учебных заведения: филфак Вологодского педуниверситета и Литературный институт. Провела несколько персональных

выставок, состоит в Союзе писателей Москвы,

стипендиат Российского фонда культуры (2008-2009), участница V, VII и IX Форумов молодых писателей России и Международного конкурса молодых драматургов «Премьера – 2005». Лауреат X Международного Фестиваля Поэзии на Байкале в номинации «Видиопоэзия». В 2011 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Ключевые образы плача (на материале похоронных и поминальных причитаний Вологодской области)». Живёт в Вологде.

Среди всех рыб, окуней и щук, – Рыба-Кит.
 Среди всех дней в году – Новый год.
 Среди всех земель – та, над которой ангел парит,
 Зависает в воздухе и не хочет лететь вперёд.

Он же знает: вперёд – это назад от центра земли.
 Деревянная луковка прячется в облаках,
 А вокруг на тысячу вёрст снега намели,
 А в окне греется свечка в родных руках.

Ей дано растопить и печаль, и снега, и тьму.
 Лошадь сено жуёт, окно горит до утра.
 Все дороги идут от дома. Все приводят к нему.
 И трепещет ангел над крышей, не летит со двора.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

БАБОЧКА-СОВКА

Совка-бабочка садится
На ольху, и ну сердиться:
«Место тихое нашла
И чего тут бродят люди?
Среди бела дня разбудят!
Еле крылья унесла!»

ЖУК-ЛИСТОЕД

На пионе жук сидит:
«До чего ж я ядовит!
Если кто пером заденет,
Тот не встанет, не взлетит».
Посмотри издалека,
Как одёженька ярка.
Даже птица не посмеет
Тронуть этого жука!
Вон одна из них кружит.
«Ядовит я, ядовит!!!»
Ну, а если не поверит?
И от страха жук дрожит.

КУЗНЕЧИК

На землю вечерняя сходит прохлада.
 Кузнечик скучает, грустит, одинок.
 Он шлёт телеграммы на все клумбы сада:
 «Красив, обаятелен, местом высок,
 Черёмуха восемь, четвёртый листок».

УТРЕННЯЯ СОВА

Что же ты, сова, сова,
 Пуховая голова,
 В жаворонки подалась,
 Ранним утром поднялась?
 Лучше будь сама собой.
 Лучше будь сова совой.

ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ

На вологодскую землю приехал тридцать шесть лет назад после окончания факультета журналистики Ленинградского государственного университета. Вологду называю своей духовной родиной. Здесь, в Череповце, начинал свой творческий путь как редактор молодежных программ областного телевидения.

Шесть лет возглавлял газету «Вологодский комсомолец». В девяностые годы и начале нового века руководил департаментом культуры области. Год работал председателем Вологодской гостелерадиокомпании.

В 1992 году вышла первая самостоятельная книга стихов «Венцы» с предисловием Виктора Коротаева. По этой книге был принят в члены Союза писателей России. С тех пор издал более десяти книг стихов, рассказов, писем, переводов, эссе, создал восемь документальных фильмов.

Мирный бой часов на Спасской башне
Слышен из любого далека.
...А у нас невспаханная пашня
И опять хоронят мужика...

У КАРЬЕРА

Деревья выстроились в ряд.
Внизу обрыв. Под небом серым
Березы золотом горят
И освещают дно карьера.

За ними реки и леса.
Под ними лязг ковшей железных.
Взлететь бы, белым, в небеса -
Да корни их под током бездны...

Сказал бы сын: «Какая глушь!
Здесь даже нет мобильной связи...»
А, может, здесь – у Черных луж
Уже родился Стенька Разин?..

ДЕТСКАЯ МЕЧТА

Холм, как ёжик, утыкан крестами.
А под ними - мои земляки.
Как избушки - кресты с голубцами,
Как игрушки над люлькой - венки.

Я хожу между ними с опаской.
Жду знамения с горних небес.
Так хочу, чтоб с Иисусом - на Пасху
И мой дедушка Миша воскрес...

* * *

Крыльцо родное, как престол.
На царстве бедственного края.
Я в детстве на него взошел
И до сих пор не отрекаюсь.

И верой-правдою служу
Ему, чужие взяв столицы,
А нашу старую между
Я охраняю, как границу...

ДНЕВНИКИ

АЛЕКСАНДР ДУДКИН

Дудкин Александр Анатольевич - дипломант межрегионального конкурса имени Нины Искренко (Кострома, 1999 г.), финалист «Ильи-премии» (Москва, конкурс эссе «Русский характер, 2011). Автор двух стихотворных сборников «Блуждание как блуд» (2002) и «Случайная небрежность» (2005). Первая публикация состоялась в 1999 году в костромской молодёжной газете. Стихи и эссе публиковались в альманахах «Свеча», «Семизерье», «Литературная Вологда», «Поэтический Олимп», «Илья», журнале «Пятницкий бульвар» и др. Внештатный корреспондент кадуйской районной газеты «Наше время». Занимается краеведением. Автор статей-исследований по истории родного края: «Из истории Мазы», «Морозовы - мошницкие помещики» и некоторых других.

ЖЖАПИСИ

28 апреля 2008

Этой весной я понял, что для меня всё же существует Идеальная Погода. Погода, на которую я не ропщу.

Ночью небольшой мороз, не ниже 10 градусов.

Днём — майская теплынь, иногда только обожжёт ледяной порыв ветра.

Если это конец марта-начало апреля, то до одиннадцати-двенадцати утра — наст. Такой крепкий, что я со своим немаленьким весом не проваливаюсь. Идти легче и приятнее, чем по асфальту. Приходит осознание, что пока идёшь по насту ты вообще не оставляешь следов на земле, почти на неё собой не давишь.

И именно в эти пять-десять дней в году человек может пройти по таким лесным местам и уровням, по которым в любое другое время ему это сделать не по силам.

30 апреля 2008

Одна деревенская пенсионерка жаловалась власти на волокиту с отпуском ей на корню десяти кубометров деловой древесины диаметром в верхнем отрубе 30 см.

Думаю, что жалоба этой женщины справедлива полностью. И таких жалоб, судя по всему, немало.

Но за все мои семнадцать лет работы в лесу помню всего одну жалобу другого рода: на беспредельную вырубку леса.

Хотя на первый, непрофессиональный (и уже только поэтому верный) взгляд, лес вырубается безобразно интенсивно.

Может ли отсутствие жалоб на варварское уничтожение лесов в отдельно взятом административном районе что-нибудь сказать обо всём народе?

1 мая 2008

Несмотря на многочисленность природоохранных бюрократических структур, ни одна из них, ни одно государственное учреждение не защищают лес от вырубок. Ни лесхоз, ни лесной департамент с его районными лесничествами, ни районные экологические комитеты, ни Росприроднадзор. По край мере, я защитников леса от вырубок не вижу.

Все думают только о том, как бы рационально леса эксплуатировать. С толком, с прибылью, с пользой для человека, государства и природы.

Боже, как будто есть на Земле хоть один разумный человек, который знает что Природе нужно?

Если уж у кого и спрашивать о том, что ей требуется, то, скорее всего, у человека неразумного, сумасшедшего, юродивого, убогого. Так как неразум его каким-то боком, по-моему, роднит его с неразумной (хотя неразумной по-другому) Природой.

17 мая 2008

Старая деревенская женщина заходит в дом к другой и с порога говорит:

– Ну и ветер нынче: северный, холодный. А ещё говорят, что и снега нанесёт.

– Снег – хорошо, – отвечает хозяйка, – землю укроет, ей теплей будет. И то, что посажено, согреет. Снег – удобренье!..

– Как же, удобрение, – не соглашается гостя, – снег – вода...

18 мая 2008

Вчера, когда я вернулся с очередного лесного пожара, сидевший на скамейке возле дома пьяный-пьяный-пьяный Толик, спросил:

– Чё, опять на пожаре был?

– Опять, – ответил я.

– Горело-то где? – продолжал спрашивать еле ворочавший языком Толик.

– Возле Средника, – говорю я, – сухая трава на поле.

– Ууууууух, – вознегодовал Толя, – наверняка какая-то пьянь подожгла.

19 мая 2008

На днях приносит почтальон матери моей что-то около пятисот рублей и говорит:

– Это субсидия жилищно-коммунальная.

После того как мама за эти деньги расписалась и получила их, она уже уходящему почтальону отвечает:

– Ну и спасибо этой Устинье, что беспокоится о нас.

20 мая 2008

Покупаю сметану. Продавщица спрашивает:

– Вам какую: кадуйскую или московскую?

Я секунд десять не нахожу, что ответить.

Потом появляется недоверие к сметане московской. Способна ли Московская область, будь в ней даже самое передовое, высокоразвитое молочное животноводство, напоить молоком и накормить сметаной столичный мегаполис? И что же тогда привезли сюда, в вологодскую глушь? Почему эта сметана не нашла себе рынка сбыта в далёкой Москве?

Затем к недоверию к московской сметане добавилось недоверие к вологодскому правительству, которое не раз устами губернатора и его замов и помощников утверждало, что наша область сама себя молоком поит и в другие области его ещё поставляет...

22 мая 2008

Вся деревня, без всяких исключений, наполнена черёмуховым весенним ароматом. От него (и слава Богу!), никуда не деться. Запах тоталитарен, навязчив, не проникает только через стены в жилые дома, но

не агрессивен, не порабощает, а заставляет радоваться Дудкина Сашку явлению Дудкина Сашки в этом мире.

А ночью прошёл неслышимый дождь. Он унял пыль, смыл грязь с травы и деревьев. И вот такое сочетание чистоты, свежести и черёмухового аромата создали рай на этой грешной земле.

14 июня 2008

Вчера около десяти часов утра повстречался мне Серёга, который путь равный метрам шестидесяти преодолевал на карачках минут двадцать. В отличие от ног, язык был Серёге подвластен. И он все эти двадцать минут внятно и вполне убедительно (если судить по тону) что-то кому-то невидимому втолковывал.

Потом все те четыре часа, что я таскал воду, топил баню и боронил картошку, до слуха моего то и дел доносилось:

- Ну, наливайте же, наливайте...
- Давайте, наконец-то, выпьем.
- За что пить-то будем?
- Сбегал бы ты за бутылочкой...

16 июня 2008

Вчера и позавчера слушал и читал Янку Дягилеву. Её гениальность для меня очевидна:

*От большого ума лишь сума да тюрьма
От лихой головы лишь канавы и рвы
От красивой души только струпья и вши
От вселенской любви только морды в крови*

*В простыне на ветру, по росе поутру
От бесплодных идей до бесплотных гостей
От накрытых столов до пробитых голов
От закрытых дверей до зарытых зверей*

Читая, невольно вспомнил, что её стихи и песни, как стихи и песни Егора Летова, мне стали известны в самом начале XXI века от тогдашних старшекласников...

А потом спросил: логично ли, закономерно ли, правильно ли быть в семнадцать лет фанатом «Гражданской обороны», цитировать в школь-

ных сочинениях Янку и Егора, тем самым бросать вызов консервативным учителям, а спустя семь-восемь лет, после окончания филфака (в одном случае) и армейской службы в Чечне (в другом) стать ментом и охранником? Так быть должно и должно?.. Или это обыкновенное предательство себя самого?..

17 июня 2008

С. С-му

В конце концов живёшь

ты так, как жить хотел

в начале всех своих начал.

Хотя теперь – в конце – мечтаешь быть
таким, каким ты был в начале.

Ура.

Гармония есть круг.

Не важно, что с пространством время
и враждовало и враждует.

P.S.: У меня пути-дорожки с Димкой пересекаются только тогда, когда он выпивши, когда еле на ногах стоит и когда до разговоров охочий. А таких дней в месяце у него, думаю, половина. Как пенсию по инвалидности получит, так эти дни и начинаются. В другие, трезвые, он ходит в противоположную от моей сторону. С немутными глазами и неподвешенным языком лет за десять я не больше десяти же раз его и наблюдал. И когда мы сталкиваемся с ним в пьяные его дни, он обычно заводит со мной разговоры о чём-то не бытовом, глобальном. О смысле жизни, например. Я же ему отвечаю:

– Давай, Дима, приходи-ко ты ко мне трезвым, вот об этом и поговорим.

– Хорошо-хорошо, Александр, – соглашается он, – послезавтра и приду. И поговорим. Завтра не смогу. Не оклемаюсь ещё.

Но вот до сих пор трезвым так до меня ни разу и не дошёл.

А две недели назад Димка начал с цитирования стихов Есенина. По две строчки из трёх стихотворений прочитал, а потом говорит:

– Уважаю я Серёгу Есенина. А ты, Александр, прочитай теперь своё что-нибудь...

Я же морщусь и бормочу:

– Нет сегодня настроения. Ты сам вот возьми и прочитай.

– Ну где ж я тебе возьму, – почти вознегодовал Дмитрий, – у меня же нет ни одной твоей книги.

Я порылся в своих бумагах, нашёл свой старый сборничек и отдал ему.

– Вот на ясную голову, – уходя, говорил обрадованный, по-моему, Димка, – обязательно прочитаю.

И я полистал свою книжонку и понял: сейчас бы я ничего подобного не написал. Окромья, может быть, процитированного выше.

18 июня 2008

Вчера, чтобы посмотреть отдалённый лес, мы с заинтересованными в этом лесе мужиками сначала ехали по узкой, травянистой, тряской лесной дороге, потом шли километра полтора через канавы, низкорослые приболотные сосняки, наполненные цветущим багульником и отцветшей черникой, комарами (вчера в отличие от позавчера злыми) и оводами (тоже докучавшими)...

Но, в общем, не об этом я. Ездил в лес вчера, ездил позавчера, поеду сегодня... Не об этом, но о таком же для меня обычном, тривиальном, почти ежедневном.

Вот лесную дорогу перегораживает поваленная ветром сухая, сучковатая сосна. Водитель не останавливается. Он сворачивает с дороги в лес и ищет путь объездной, виляет между деревьями, наскокивает на полусгнивший пенёк, мнёт кусты, которые в ответ хлещут его уазик.

Мы на это виляние тратим минут десять, вместо того, чтобы за пять (нас всё же пять человек) распилить (бензопила, между прочим, в багажнике) валёжину и откинуть чурки на обочину. Наверное, никакой немец или француз, финн и даже сицилиец по отдельности и вместе взятые ни за что бы из колеи не выехали, а, не суетясь, вышли бы из машины, недели бы перчаточки, защитные очёчки и...

Это, скорее всего, такая русская национальная черта – преодолевать препятствия как-то извилисто, зигзагообразно, возноситься, падая ниц... Да искать мудрёные ответы на простые вопросы. А ещё мы сами про себя говорим: русские долго запрягают да быстро едут. Мы, скажу я вам, вообще не любим запрягать. Поэтому и долго. Мы любим вскочить сразу и мчать, и мчать, и мчать...

А на обратном пути мы всё же убрали с дороги сушину. Но, если бы, повторюсь, сделали это при первом столкновении с ней, домой бы вернулись на четверть часа раньше...

25 июля 2008

В летние выходные (в будни – редко) деревенская атмосфера часто заполнена похожими звуками. Из каждого пятого огорода доносится что-то среднее между гудением и тарыхтением. И на слух отличить невозможно, чем же это занимаются за высокими заборами и непроглядными кустами: косят ли, пилят ли, строгают ли, воду ли качают, картошку ли окучивают. Мотоагрегаты, производящие такой шум, делают разное, но говорят на одном языке и об одном и том же, но со своим, конечно же, акцентом.

А вот раньше было... Коса свистела, когда косила, и лязгала, когда её брусочком точили. Свой голос был у топора и свой у колуна, у ножовки и двуручной пилы, у колодезного журавля. Голоса их были негромкими, ненадоедливыми, ненавязчивыми, не чуждыми природе.

Сейчас они однообразнее, поэтому быстрее утомляют...

Прогресс, глобализация, унификация, урбанизация... Всё четко и определённо. И даже справедливо. Потому что так быть должно!

Бытíе определяют сознание, но иногда сознание ностальгирует. Это плохо, это вопреки здравому уму. Это консерватизм, отсталость от жизни. Но сознание это не только ум и логика, но ещё и память...

1 августа 2008

Говорила мне в начале июня эколог и знаток природы Татьяна Васильевна Гогулина:

– А лето ещё и не наступило...

– А когда ж оно, наконец-то, придёт? – спрашивал я.

– Шиповник зацветает с его приходом, – отвечала она мне.

– Тогда кто объявит нам о приходе осени? – «выпытывал» я дальше у Татьяны Васильевны.

– Расцветающий вереск – один из первых осенних признаков.

Я же вчера, в последний день июля, в лесу увидел сиреневые цветочки вереска, а в деревне – яркие и сочные цветы шиповника.

Спрашивается: а навещало ль наши северные места в этом году лето?

14 августа 2008

Вчера один лесник сказал:

-У НАС ГДЕ ПОЛЕ – ТАМ ЛЕС, А ГДЕ ЛЕС – ТАМ ПОЛЕ.

Имея в виду: огромное число сельхозугодий – пашен и покосов, – заросших соснами (в лучшем случае) да кустами; и леса, опустошённые нещадно беспощадными сплошными рубками.

17 августа 2008

Свобода – прежде всего, отсутствие страха оказаться неправым.

Несвобода же – нежелание признавать свою неправоту.

Вот только как понять, что был не прав?

20 сентября 2008

Ночь была тревожной: несколько телефонных звонков часа в три, густой жёлтый свет в небе и на оконных стёклах (в первые мгновения после того как я проснулся, я подумал: какая необычно яркая луна).

А это горел дом, находящийся в метрах ста от дома моих родителей.

Не бывает нестрашных пожаров. Но пожар ночной страшнее дневного в сотни раз. Ибо ДНЁМ ЧЕЛОВЕК ОХРАНЯЕТ СВОЙ ДОМ, А НОЧЬЮ ДОМ ЗАБОТИТСЯ О ПОКОЕ СВОИХ ХОЗЯЕВ.

17 мая 2009

Оказался я на днях рядом с вечно молодым поэтом Владимиром Николаевичем Борисовым. Он рассказывал, что в одном его стихотворении, которого наизусть не помнит, есть строчка такая (со ссылкой на какого-то из великих): если можешь не писать, не пиши.

– Ну так я и делаю, – продолжал говорить он, – не могу, так и не пишу.

– Не прав, – вклиниваюсь в монолог Владимира Николаевича, – был Ваш великий. Правильно так и только так: НЕ МОЖЕШЬ, НО ПИСАТЬ ОБЯЗАН.

И вспомнил я нередко ошибавшегося Пушкина Александра Сергеевича, фразу его: «...гений – парадоксов друг». Вот тут прав наш Первый Поэт. Ведь парадокс, как только в зубах навязнет, сразу же скисает. Банальностью становится.

А ещё Владимир Николаевич сказал, что в ночь с 15 на 16 мая 2009 года он написал четыре стихотворения. А в доказательство сего ненавязчиво обязал меня их прочитать.

Удостоверяю: так оно и есть, даты создания проставлены.

А ещё Борисов Владимир Николаевич был недоволен Щекиной Галиной Александровной. Вот, дескать, премию (Букера) не получила, в финал только вышла. Подумаешь. Гордиться-то нечем.

– Это он от зависти, – говорит мне громко и смеясь Анна Кенсориновна.

А ещё Владимир Николаевич сетовал:

– Вот играл я года три назад на «Поле чудес» у Якубовича. Получил приз – видеоманитофон, а внук – машинку. После подарков этих налог пришлось заплатить – 900 рубликов. Это вдобавок к тому, что сам отвёз в Останкино всякой всячины на тыщи две.

А Владимир Николаевич, кроме того, что он поэт, игрок «Поля чудес», руководитель гаражного кооператива и народного хора, пенсионер и рыбак, ещё и грибник.

– Ну как, – спрашивает он меня, – сморчки-то нынче уже растут?

– Растут, – отвечаю, – сто раз уж натыкался.

– А ты их собираешь? – продолжает спрашивать он.

– Не-а, – говорю, – сморчки – это не грибы, это мучение.

И тут Владимир Николаевич рецепт выдаёт:

– Сморчки не варить надо. Варить – заколеблешься. Их сушить следует. А потом – месяца через два – в кастрюли. В сухом виде за такое время весь яд из грибов этих сам собой улетучивается.

9 августа 2009

Без прошлого нет будущего. Иван, родства (прошлого, родословную) не помнящий. Так часто теперь говорят о всём русском народе. Но любой русский, заглядывающий в историю своей семьи, увидит там – в подавляющем большинстве случаев – горе и беды, несправедливость, попрание властью всего человеческого. И своих детей (наверное, инстинктивно) от такого прошлого оберегать будет. Наша русская история – и история страны, и история каждой семьи – трагедия. И только трагедия.

7 ноября 2009

Вчера утром позвонила заведующая мазским сельским медицинским пунктом и спросила:

– Есть ли у вас, Александр Анатольевич, в лесхозе профсоюз?

– Есть, – отвечаю, – вроде бы.

– У нас в медпункте, – продолжает фельдшер, – заканчиваются самые необходимые медицинские средства, без которых приём больных бессмыслен, невозможен. Не может ли профсоюз ваш на их покупку 100-200 (сто-двести) рублей выделить?

– Сейчас, – говорю, – узнаю всё и перезвоню вам.

Сразу же набираю номер телефона профсоюзного казначея и просьбу деревенских медиков излагаю. Сумму, правда, с двухсот до пятисот рублей увеличиваю. Бухгалтерша в ответ:

– Председатель у нас сейчас в отпуске, как только найду её – расспрошу. Но всё равно нам, чтобы деньги эти получить, в Вологду обращаться надо. Пусть медики заявку напишут. А потом, взносы у нас маленькие, один процент всего от зарплаты-то. Так что узнавать буду, но гарантии никакой. У директора пусть просят – толку больше.

Я ему сразу же и позвонил. Он:

– Деньгами дать не можем. Нету у нас такой расходной статьи. А вот сами купить, а потом им передать – да – сможем. Пусть список того, что нужно, составят.

Я фельдшернице всё это излагаю и список прошу составить.

– Господи, до чего дожили? – возмущается присутствующий при всём при этом Иван В., с которым мне почти весь вчерашний рабочий день в лесу предстояло провести, – В войну ведь не было такого.

Когда в четвёртом часу дня после лесных морозных хождений появляюсь дома, чтобы чаю горячего попить, список необходимых мазскому медпункту лекарств уже лежал у меня на столе. А в списке этом бинты да вата, йод да перекись...

1 января 2010

Позвонил я дня за два до 2010 года Галине Александровне Щекиной, чтобы о здоровье её разузнать, да с праздниками поздравить. Но Галин-Санна на банальные вопросы не отвечает и поздравления для неё не очень-то и важны. Она всё о литературе да о литературе. Мира без литры для неё не существует. Галина Александровна меня (в частности) и спрашивает: а читал ли я статью Костюкова? («Арион», № 4, 2009 г., с. 17 – с. 28). Знаком ли я с откликами на неё? Ей интересно и моё мнение по поводу всего этого. Отклики-то я видел. Они же во френд-ленте. А вот статью не-а...

Я, наверное, и не нашёл бы никогда времени ознакомиться с «Провинциализмом как внутричерепным давлением» с экрана монитора (суетен Интернет: бегаешь по ссылкам, читаешь по диагонали), но 31 декабря почтальон принёс бандерольку с четвёртым номером журнала «Арион» за 2009 год...

Статья Леонида Костюкова смешная. Ибо борется Костюков с тем, чем и страдает, и грешит сам. В этой самой отдельно взятой статье. А борется он (ну, если не борется, то люто ненавидит) с банальщиной в поэзии, с привычным сочетание слов в стихах. Вот и я за свою короткую жизнь, которая проходит вдали от лит.тусовок, подобные костюковскому рассуждения слышал и читал десятки-сотни-тысячи раз.

Но Л. Костюков прав. В каждом своём отдельном утверждении прав. Он прав в том, что люди прямо не связанные с литературой, за крошечным исключением, которое нельзя принимать во внимание, знать не знают о Борисе Поплавском и Георгии Иванове. Что титул лучшего поэта города и 99,9% стихов, написанных по-русски, лишены культурного смысла. И что стихи такие исчезали, исчезают и исчезать будут бесследно.

Прав и в том (и на все сто), что традиция в русской поэзии – это не следование образцам, не эпигонство, а стремление стать новой вершиной. Стать наравне с Цветаевой и Пушкиным, а не стать такими как Пушкин и Цветаева. И тыщу раз прав в том, что стихи культурным смыслом наделённые, но не живые, по сути – несуществующие. В каждом своём отдельно взятом предложении, более того, в каждом отдельно взятом абзаце Костюков прав. Но статья в целом не убеждает. Леонид Костюков так соединяет банальные истины, что они превращаются в одно банальное же заблуждение.

А статья не состоялась и потому, что написана она лукаво, хитроумно. Зачем, разъясните Бога ради, было статью свою называть «Провинциализм как внутричерепное давление», чтобы потом (и не единожды) оправдываться за слово «провинциальный» и втолковывать читателю, какой именно смысл он в это слово вкладывает. Но, простите, это же антипоэтично (раз!) и (два!) отнимает время у читателя.

Придумай Леонид Костюков другой заголовок, подбери слову «провинциализм» подходящий синоним – и статья оказалась бы на целую страницу короче. И разве это не было бы достижение?

А ещё статья не состоялась потому, что она не дописана.

Дойди автор до логического конца, призови закрыть завтра же и все разом районные лито, призови он сжечь публично на городских и поселковых площадях книги, которые издают, как правило, за свой собственный счёт, скучные поэты из этих лито – дело было бы сделано. Всё было бы ясно! А так? Для чего втолковывать то, что не раз, не два, не сто уже втолковывалось? Зачем человеку, худо-бедно закончившему среднюю школу, снова учить таблицу умножения? И, наконец, зачем нам сейчас в начале XXI века доказывать, что Лермонтов и Манделъштам гении русской литературы? Чего хочет автор «Провинциализма как...»?

«...цель данной статьи, - пишет сам Л. Костюков, - скорее открыть тему, чем исчерпать её».

Но (и я тоже начинаю повторяться) если дискуссия на тему эту состоится, то она будет или скучной (ибо всё уже сказано, и в споре об этом уже, по крайней мере для меня, истина уже рождена) или же злой, построенной по принципу «сам дурак».

15 апреля 2010

Жил человек. Работал механиком на лесозаготовительном предприятии. Отзывчивым был. То железяку какую редкую из Череповца привезёт, то ещё как-то выручит по своей технической части. Почти каждый год в мае во главе своей «гаражной» бригады на лесных вырубках спину горбатил: сосенки да ёлочки высаживал.

Но вот года два назад стал человек этот большим районным чиновником, инспектором. И теперь без его подписи в соответствующей бумажке езда на тракторе по дорогам, по полям, по волокам административное – ни дать, ни взять – правонарушение.

Полгода же назад услышал я от своего знакомого, купившего нераженький тракторок:

– Неприятный и скользкий этот инспектор. Не понятно, чего хочет. Захожу к нему в кабинет, а он мне давай о своей занятости талдычить. О том, что не вовремя я, что неприёмное, блин, у него время. Нет, чтобы сразу и прямо сказать: приходи, мол, тогда-то иль тогда-то. Нет же, полчаса промурыжил.

– Хоть, – спрашиваю, – бумаги-то подписал?

– Да в том-то и дело, что не подписал. Опять нужно будет к нему на поклон ехать.

В рассказанное знакомцем тогда, честно говоря, верить не хотелось...

А вот недавно, в конце марта, согласно графику должен был инспектор этот у нас в лесу трактора осматривать и вердикт свой выносить. Рано утром в день назначенный начальство из Кадуя звонит:

– В девять часов выезжаем. Будьте готовы!

Тракторист всю зиму в снегу простоявший МТЗ в чувство горячей водой приводит, заводит, из сугробов выгоняет... А инспектор до нас доехать-доехал, и в контору зашёл, но объявил, что сегодня техосмотра не будет. И назначил дату новой встречи – 2 апреля.

До сих пор удивляемся: а зачем было 35 километров по скользкой дороге тащиться?

Со второй попытки инспектор трактора наши осмотрел и подпись свою где надо поставил. Но в тот же день услышал я, как мой полупьяный коллега у полупьяного нашего директора гневно вопрошал:

– Ну почему, ну за что мы этому инспектору четыреста кубов леса отводить должны?

– Да успокойся ты, – директор отвечает, – не наш ведь лес-то. Не за наш ведь счёт! Нам ведь только отвести.

– А сколько мне сегодня от него хорошего выслушать пришлось, – продолжал гневиться коллега, – и о своём тракторе и вот о его, – он кивает в мою сторону, – и о трудной и опасной службе инспекторской...

А дня два назад вижу, как на бортовой УАЗик лесхозовский возле фермы совхозной грузят громадный рулон соломы. Рулон этот объём машинки раза в два увеличил. Оказывается, инспектор наш даже у нищего совхоза нашёл чем поживиться. И одним рулоном не ограничился. Второй ещё кому-то предстоит отвезти.

Вот жил человек. И не скажешь, что умер. Но делся-то куда?

20 мая 2010

Разговаривают пожилая женщина и заместитель главы района.

– Вот вчера Медведев в интервью газете «Известия» сказал, – пытается чему-то возразить старушка.

– Да вы поменьше слушайте его, – перебивает зам.

И вот так у нас почти всегда. Маленький чиновник винит во всём, если к нему, конечно, приходишь и претензии какие-нибудь предъявляешь, начальника своего, чаще всего, не непосредственного, а того, до кого ни у него, ни, тем более, у тебя доступа нет и быть не может.

Очень удобно устроился маленький чиновник. Должность имеет. Деньги хорошие получает. Ни за что не отвечает, потому как ничего не решает. А когда предпринять от него чего-то требуют, вверх пальцем показывает и шепчет:

– Они не дают.

То денег не дают, а то свободы...

Или по телевизору видишь начальника большого, объясняющего, почему какое-то его решение, постановление, указ выполнены не были. И он – начальник наш большой – строго выговаривает, вниз указуя:

– На местах всё дело затормозилось. Там деньги проедают, разворачивают. Там делать ничего не хотят.

Вот так они и валят всё друг на дружку. Вот таким, на мой взгляд, и памятник нынешней власти, нынешней бюрократии может быть: два человечка, показывающие пальцами друг на друга. Один маленький, пузатенький. Другой высокий, стройный, даже можно его красивым изобразить...

14 июня 2010

Бабе Ане 94 года.

Вот сидит она за столом дома у себя. Вспоминает:

– Ох, и чего только я за жись-то свою ни повидала, где только ни бывала. И в Шикше-Острове косила, и в Шигодских дрова заготавливала, и на болоте за Мазой клюкву собирала.

(Шикше-Остров, Шигодские, Маза – деревни, расстояние между самой западной из них и самой восточной не более шестидесяти километров.)

Сидит баба Аня на крыльчке дома своего, на солнышке греется. А мимо городские едут. Останавливаются. И спрашивают:

– Бабуль, а, бабуль, а в лесу грибы растут хоть?

– А где ж им и расти-то, как ни в лесу, – отвечает бабка Анна.

Часа два горожане по лесу рыскают, а грибов не находят. Возвращаются. А баба Аня всё ещё на крыльчке сидит. Горе-грибники останавливаются и претензии предъявляют:

– Бабуль, а что ты нас обманула? Нету ведь в лесу грибов!

– Дак откуда ж им взяться-то? – удивляется она.

26 июня 2010

На днях районная газета опубликовала постановление главы МО «Мазское», которое называется «О запрете купания в необорудованных, незнакомых, а также запрещённых местах...»

(Запрещают купаться в запрещённых местах?..)

На деле же это постановление не разрешает купаться вообще: ни в одной из рек, ни в одном из озёр. Ибо в нём перечислены абсолютно все мазские водоёмы, а в скобочках возле каждого названия реки или речушки приписочка: на всём протяжении протекания по территории МО Мазское.

Горько и смешно читать такие указы.

Во-первых, подобные распоряжения циничны, беспомощны и антинародны. Нельзя ведь – ни в коем случае нельзя – предписывать не делать (в нашем случае) то, что делать обязательно будут. Потому как не купаться в жару – это против природы многих и многих людей. И почему это четыреста лет в Мазе, Колпи и Суде купались, а в сей год вдруг оказывается нельзя?

Во-вторых, это постановление в очередной раз доказывает, что власть наша думает не о людях, думает лишь о себе. Как бы себя обезопасить, подстраховаться, солобочки на всякий случай подстелить... Было бы по другому, она (власть наша) оборудовала хотя бы одно – хотя бы для начала – хотя бы приличия ради – место для купания.

4 июля 2010

Оглядевшись по сторонам, только что вошедшая в магазин Ивановна восклицает:

– О, у вас автомат исчез!

Я смотрю в тот угол, в котором, наверное, около года стоял принимавший платежи за мобильную связь аппарат. И тоже удивляюсь и спрашиваю продавщицу:

– В ремонт увезли что ли?

– Нет, – отвечает она, – насовсем. Не выгодно его здесь держать. Налог душат. Сюда и из инспекции даже приезжали и фотографировали. Хозяину штраф большой выписали. Вот он и решил его убрать отсюда, от греха подальше.

– Вот так, – продолжает восклицать Ивановна, – всё у нас против народа. А налоговая вообще – враг! Ведь как удобно-то было! А теперь чё?!

– Жаловаться надо, – предлагаю я.

– Чевоооо?.. Я больше не буду. А то, чего доброго, сама за решётку попаду. Автомат бы да через одного!

Я не сразу понимаю, что за автомат имеет в виду Ивановна, а когда, наконец, до меня доходит, говорю ей:

– Ну если через одного, то ведь и вы под пулей лечь можете...

– Я не смогу, – резко отвечает Ивановна, – автомат ведь у меня в руках будет, а я не самоубивица: в себя стрелять не буду. И в тебя – успокойся – не буду. И в девочек тоже не буду, – и показывает рукой на продавщиц...

Ивановна, засунув в сумку буханку чёрного хлеба, говорит продавщице:

– Мне килограмм потаскушек!

Продавщица, не переспрашивая, подходит к огромному подносу, на котором расположена коробка с мороженой путассу...

1 октября 2011

Рейсовый автобус, идущий из деревни в райцентр. Две незнакомые женщины разговорились, и одна из них узнала от другой домашний телефон своей институтской приятельницы, с которой не виделась почти сорок лет:

– Автобус наш прям как «Жди меня»... Я ведь не первый год в деревню летом езжу. Но раньше всё на машине да на машине. А вот сейгод, сама решила, хоть разок доехать на автобусе. Знала ведь, что обязательно кого-нибудь, кого давно не видела, встречу. Вот и...

2 октября 2011

Стою на автобусной остановке. Подходит знакомая женщина, одетая ярко, броско, оригинально. Но нельзя сказать, что со вкусом.

– Были недавно с дочкой, – жалуется она, – в Москве. Москва не та, что была даже пять лет назад. Некрасивой Москва стала.

– А что с ней произошло за пять-то лет? – спрашиваю, – Я тоже в столице в мае был. Правда, всего один день, в дождливую субботу меня туда занесло. Она мне показалась тихим, почти провинциальным городком. Ни в метро давки, ни на улицах столпотворений. Поэтому, по моим меркам, красивой Москва оказалась.

– Да, люди как-то стали некрасиво одеваться, серыми люди стали, скучными, невыразительными.

7 декабря 2011

Буча

Сегодня рано утром уехал в Череповец. В городе металлургов и химиков сидел в фондах художественного музея, смотрел и фотографировал иконы в самом музее. Вернулся только в семь вечера. Поэтому плохо представляю, что случилось вчера в Москве, а за разговорами об иконах, краеведении, об истории наших мест с моей доброй череповецкой знакомой совсем забыл о выборах.

И вот вечером сижу на вокзале, жду автобуса. Рядом со мной две женщины, живущие в деревне. Одной уже восьмой десяток, второй – 56. Они-то мне и напомнили.

Та, что старше, спрашивает:

– Слыхала ли ты о взяточнике, который получил семь миллионов?

– О каком? – переспрашивает пятидесятишестилетняя. – О Батурине что ли?

– О нём, о нём. И за что его так сестрица-то подвела?

– Да и она ведь украла не мало. Та ещё штучка.

– Господи, что творится. Что ни начальник, то вор. В Барановской-то какая ферма была хорошая, а теперь разрушена. Раньше-то горсти травы, – сжимает старая женщина ладонь в кулак, – нельзя было взять. А теперь-то что? Все поля зарастают кустом, коси не хочу, но никому не надо.

– А в Москве и в Питере тоже Путина не выбрали.

– Не выбрали?

– Не выбрали! А в Москве, аж в центре самом буча была. По телевизору показывали.

– Буча? Господи! Что ж теперь будет-то?..

АЛЕКСЕЙ БАШКИРОВ

Алексей Николаевич Башкиров родился 3 января 1957 года в деревне Рысцево Бабаевском районе. Сейчас это улица Садовая города Бабаево. С младенческих лет и до школы жил на кадуйской земле у бабушки в деревне Капчино Кадуйского района. После окончания Вологодского пединститута работал учителем истории в Бабаевском районе. С 1989 года живёт в Вологде. Преподавал изобразительное искусство. Сейчас служит в одном из храмов города. Пишет о жизни и творчестве Николая Рубцова, о Вологде.

ГОРЬКАЯ СУДЬБА.

Мама продолжила свой бесхитростный рассказ о жителях деревни родного Капчино.

Шурка умер.

Кирька умер. Ранен был на войне.

Иван Сизов умер от голода, пенсии не платили.

В этом доме хозяин пропал на войне, а мать десять лет жила чокнутой. Дедка забрали и расстреляли.

Муж напьётся и кричит по деревне о своей жене: «Страхо-о-лютик!»

Санька умерла.

Васька-еврейчик умер.

Анфискин дом пустой.

Райкин дом пустой.

Тяпихи дом продан., а кто летом живёт не знаю.

Федоры дом – никто не живёт.

Ой! Васи Зяблева дом весь разрушен.

Павлуха Грибин...у него магазинчик был, взяли и расстреляли.

Карпуня единственный вернулся из забранных до войны.

Васька старший на войне убит. Она уехала Сталинград восстанавливать.

Тонюшка жива.

Иван Карасёв вино попивает, да голодом посидит.

Клавдя в деревне. Васька да Лидка живут. Дядя Вася Смирнов за лошадьми ухаживал. Царствие ему Небесное.

Многие уехали в Сибирь и на Кубань от хорошей колхозной жизни. Пеша на окопах в Андоге был, а потом на войне убили. Царствие Небесное.

Матрёна Тяпкина была юмористка. Молодец!

И тут никого...Ваську молоденького убили. В балалайку хорошо играл. С девками ещё не гуливал!..

Борька-стахановец на войне пропал. Гадала мать – жив! В плену был, а потом на шахте в Донбассе работал.

Слушал, слушал и подумалось мне, что много чего произошло в Капчино, да только обрадоваться мало чему можно. Горькая судьба у русской деревни! Горше на свете трудно найти.

25.08.2003

ЛЁТЧИК

В марте сорок второго года мама пришла с окопов. Она скидывала снег с овина в деревне Капчино. Вспоминает: «Вдруг налетели самолёты с крестами. На станции ещё не было зенитной установки. Я заметила наш «ястребок». Он вёл бой с немцами, а потом задымил и пошёл вниз. Раздался взрыв...Я заревела и побежала домой»

Летом приезжал военспец на место падения. Стали копать, но ничего не смогли сделать. Самолёт врезался в берег реки и без насосов работать стало невозможно. Нашли карандаш и ещё что-то. Сейчас там стоит памятник...

16.06.2002

КАПЧИНО.

Деревенька моя, Слава Богу, жива! Из окна поезда виден свет над тёмным лесом. Да не погаснет он над нашей русской деревней! Годы репрессий и войн сильно её обезлюдели, сердешную... Бедная и горькая моя деревушка! Зимой едва теплится в тебе жизнь. Многих и многих уже нет на этом свете. Царствие им Небесное! Какие бескорыстные и честные труженики ушли от нас в иной мир!..

Днём с поезда можно увидеть Казарму. Самого здания уже давно нет на переезде. Здесь наши детские взоры привлекала черёмуха, ягодами которой мы любили лакомиться. Через Казарму ходили в болото за клюквой. До родимой избы тут рукой подать. Конечно, если бы не железная дорога, то угасло бы совсем родное Капчино.

Немало вековых деревень исчезло с лица Русской Земли. Причём, исчезло уже в послевоенные годы...

А вот промелькнул и Котлован. На железобетонных стенах туннеля я старательно рисовал углём. Уголь мой первый графический материал.

Я брал его из печки и усердно, с большим сопением, пытался что-то изобразить прямо на полу. После моего отъезда в Бабаево бабушка ходила за клюквой, смотрела на мои весёлые картинки и редела... Царствие тебе Небесное, золотая моя бабуленька.

В моей деревне, Слава Богу, огни не погашены...

30.10.2001 – 21.09.2002 – 15.10.2002

В ДОРОГОМ МЕСТЕ

Деревни моего детства уже нет. Пышно красуются горделивые дома. Кто-то даже брёвна умудрился выкрасить. На единственной улице встречались незнакомые люди...

Вот показался и родной дом... Защемило сердце при виде приземистой серенькой избушки. Ничего не изменилось в дорогом месте. Та же огненная стройная рябинка возле частокола, то же простенькое крылечко, те же дивные золотые берёзы...

Милая деревенька моя! Один твой покосившийся забор и кривая изгородь в миллион раз дороже всех западных прелестей и «ценностей». Низко кланяюсь избам и овинам, дорогим заветным тропинкам, заборам и журавлиным колодцам, лесам и полям, болотам и лугам, озёрам и рекам.

Спасибо, Господи, за то, что я родился и вырос в деревне.

1993 – 9.10.2001 – 12.09.2006

ОСЕННЕЕ КАПЧИНО

Очень красива деревня в ясный тихий денёк! Неубранная солома блестит на солнце. Лес уже не стоит сплошной зелёной массой. Кое-где появляются жёлтые оживки. Кругом царство удивительной тишины и неземного покоя... Лёгкий пар над тёплым полем. Далеко протянулась вспаханная полоса. Бархатно-золотистый свет заходящего солнца придаёт всему необыкновенный вид. Воздух чист и бодр.

На дворе Бабые лето...

В родном краю успокаивается душа городского человека, утомлённого суетой и шумом беспокойной жизни. Божественная природа всегда удивляла и будет всегда настойчиво удивлять сердце всякого, кто причастен к творчеству. \

Умирая, французский художник Коро был поражён цветом неба. Таких небес он никогда не видел...

Да и как забыть горящие гроздья рябины на фоне безмятежно-голубого, но уже отдающего прохладой неба!.. Ночью же ярко горят крупные звёзды. Деревня погружается в таинственную синеву лунного света, в чёрные тени от изб, чётко рисующиеся на песчаной дороге

Мы идём по единственной улице. Спит милое Капчино, спят уставшие старушки и старые берёзы у серой избышки, в которой прошли самые светлые годы.

Декабрь 2002 – 23.01.2003 – 18.08.2007

ЛЮБИМЫЕ ЧАСТУШКИ

Не знаю как сейчас, а раньше в деревне любили петь частушки. Пойдут в пляс под гармошку и запоют. Особенно много услышал частушек на деревенской свадьбе, когда выходила замуж Сашечка Черепанова.

По частушкам можно понять отношение народа к тем или иным событиям, историческим лицам и к жизни вообще. Задиристое пение явно обнаруживает весёлый нрав народа, остроту ума, живость характера и многое другое.

Как-то раз мама пропела любимые частушки моей бабушки.

Поиграй игрушечка
Гармошечка Андрюшина
На Подрыльевскую гору
Я ходила, слушала.

Дождь идёт, почти не мочит
На горе тропинки нет.
Меня повысушил милёночек,
В лице кровинки нет.

Любовь не в полюшке найдена,
Не на камушке лежит.
Она у дроли мне дарена
На сердечюшке лежит.

2004 г.(Бабаево)

БАБУШКИНА ИЗБА

Как-то разбирал груды бумаг и в руки попало старое письмо весьма потрёпанного вида. В нём я рассказывал брату Андрею о своём посещении родной деревни Капчино. «Затем меня решили послать в деревню для того, чтобы помочь бабушке Клавдии Васильевне копать картошку. Наша бабушка – большой оригинал. Когда я зашёл к ней, то в углу, где обычно в старые добрые времена находились иконы, висел огромный портрет Л.И.Брежнева в полный рост, в генеральской форме, который дополнялся лишь одной маленькой иконкой». Бабушке почему-то нравился Леонид Ильич. «Настоящий царь! Орёл!», – говаривала она. Я уже забыл за давностью времени за что же она так возлюбила генерального секретаря ЦК КПСС. Может, за чудесные брови, может, за внушительный общий вид. Всё ещё казалось незыблемым и устойчивым, но прозорливые сердца уже предвидели крушение социалистического поезда.

На другой стене я обнаружил картину Крамского «Неизвестная» в весьма печальном состоянии. По-прежнему висела бабаевская наша рожковая люстра. Над ней усердно потрудились мухи. К тому же горела только одна лампочка. Раньше изба освещалась керосиновой лампой, но в начале 60-х годов провели электрический свет.

Маленькую печурку бабушка сложила сама. От неё труба идёт через всю избу в большую печь. Как много зимних вечеров просидел я перед живительным огнём! А сколько ночей проблаженствовал на основной печке! Как-то видел на ней горящие глаза маленького чёрного чёртика... Со страху долго дрожал под одеялом. Около печурки стояла железная кровать, а над ней висела на стене огромная картина моего отца. Это была копия с картины художника И.Шишкина «В лесу». Лежишь себе на кровати, а рядом густой сказочный лес, идут коровы и женщина с малым дитём...

Помню те времена, когда с другой стороны печурки стояли кросна. Бабушка ткала на них очень красивые половики.

Однажды, когда бабульки не было дома, я решился на большую пакость – взял огромные овечьи ножницы и перерезал ими нити... Конечно, мне здорово попало, да и поделом. На комод притягивал к себе старый патефон, и мы долго крутили старые пластинки. Поющий голос то протяжно выл, то поражал пулемётной скороговоркой. Всё зависело от того, с какой скоростью крутилась ручка...

«В общем, когда я всё это увидел после моего двухлетнего отсутствия, у меня защемило сердце – всё так мило и знакомо. Но бабушка не позволила мне долго упиваться этим состоянием и запрягла сразу в работу. Копал я три с половиной дня. Один день был дождливый» После работы очень хорошо посидеть за самоварчиком. Самовар что-то урчит про себя, думу думает... Совсем живое существо! Невозможно представить тогдашнюю деревенскую жизнь без самовара. Один раз потухшие угли мы раздували кирзовым сапогом.

БАБУШКИНО БОГАТСТВО.

Помню, как бабушке принесли первый раз двенадцать рублей. «До чего дожила! Ничего не делаешь, сидишь у окошка, а тебе ещё и деньги несут домой!» – с удивлением сказала она.

Позади ранняя смерть любимого мужа после бротоубийственной бойни, неудачное второе замужество и гибель мужа в Сибири, горькие и тяжёлые военные годы, послевоенное голодное время, заботы о трёх дочерях и внуке. Много выпало горя, бедствий и святых трудов! Тем не менее, бабушка к концу жизни выглядела сущим младенцем. И это несмотря на то, что заработала лишь горб, не проходящие мозоли и крохотную пенсию. Нет и следа уныния, нет ропота, а есть неувядающая жизненная энергия, не проходящая бодрость духа. А проистекает она из светлых глубин простого верующего сердца.

22.04.2007

РОДНОЕ ТЕПЛО.

Маленький язычок пламени, рождённый спичкой, ласково касается бересты или сухих щепок. Огонь, не войдя ещё в аппетит, без особой охоты облизывает поленья. Всё совершенно изменяется после закрытия дверцы. Печка начинает гудеть, сопеть, буйствовать.

Молодой огонь ведёт себя весьма напористо, радуясь растущей силе. Жёлтые языки весело извиваются и поплясывают. Игриво постреливая, огонь хмелеет от побед. Насладившись досыта, он угомоняется и ведёт себя тихо, ровно и пристойно. Тогда можно, открыв дверцу, погреть свои стареющие кости... Когда-то любили мы с братом подрумянивать хлеб в печурке и ели его с превеликим удовольствием. А какой вкусной была испеченная в золе картошка!

Воспоминания переносят меня в родную деревню. И вот я уже иду к бабушкиной избе со стороны поля. Снежная крупа обжигает лицо. Перелезаю через изгородь и передо мной то, что навсегда остаётся в сердце. В окошке виден свет от горящей печи. Полыхает печное нутро... Бабушка наклонилась с ухватом и вытаскивает пузатый чугунок...

До смертного конца будешь вспоминать уютное тепло родного дома.

г.Бабаево – д.Капчино

В ГЛУШИ.

Редко кто любит одиноко бродить в полях и по берегу лесной реки. Это удел избранных. В житейской суете и беготне некогда и на небо взглянуть!.. Ещё реже видят в природе торжественный гимн и хваление Творцу Светов:

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенах,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!

(Николай Рубцов)

Позади летние грозовые дни. Над головой высокие немеркнущие небеса. Дремлют задумчивые ивы. Вот и Сенеская... Здесь мы пропадали целые дни. Песок уже не обжигает ноги. Тихо кругом, ни одной живой души... Живописен противоположный обрывистый берег. Берёза наклонилась над прохладной водой, залюбовалась своими золотыми кудрями, да так и осталась... Душа возвращается в те места, где любила радоваться.

Как чудесен и великолепен Мир Божий! И особенно близок в те часы, когда ты один в глухих местах. Грустно и сладко сердцу, уставшему от житейских неурядиц и напастей. В эти благословенные минуты блаженствует сердце, делается чище и за всё благодарит Господа.

11.01.и 21.01.2003 – 7.09.2006

НА АВТОТРАССЕ.

Раньше в сторону деревни Капчино шла чудесная дорога. По ней ходили на кладбище, за грибами и ягодами, на сенокос. Нет уже уютной, тихой, любимой дороги. Сейчас тянут трассу. По сторонам всё разрыто... Больно видеть всё это цивилизованное безобразие. Зловещая трасса – символ вторжения, опустошающего душу, «прогресса».

Трудно идти ночью, ноги сбиты. Днём же ветер и пыль в лицо. Многих она увела из деревни, дорогих и милых мест.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Всё дальше, всё глуше.

Но у простых людей не пропала доброта на этой суровой дороге жизни.

Несомненно Николай Рубцов обладал провидческим даром, касающимся судьбы деревни, да и самой Руси. Не было у нас поэта и не будет, который призвал бы Русь хранить себя!

И вот, несёмся почти над кюветом! Страшно и жутко на сердце, но как-то по-особому радостно и весело. Куда стрелой несёшься Русь?! Смотри, не разбейся! Береги себя, не растрясси вековое по зловещим новейшим трассам.

Вроде «прогресс» налицо и мчаться можно с комфортом, а жизнь наша всё равно не устроена, дика и настоящего порядка в ней нет. И не будет, если души не очистим от греховной скверны...

28.04, 12.10.и 20.10.2002 – 9.02.2004 – 21.08.2007

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДРА СМИРНОВА

Смирнова Александра Николаевна родилась, живёт и работает в п. Можайское Вологодского района. В 2011 году с отличием закончила филологический факультет, отделение журналистики ВОГПУ. Работает журналистом районной газеты «Маяк». По совместительству работает в Кадуйском центре детского творчества педагогом дополнительного образования. Стихи пишет с детства, но нигде не печаталась. Это её дебют.

«ЧТО БЫЛО – ПРОШЛО...»

РЫЖАЯ ЛОШАДКА

Мне одна из детства дорога картина:
Рыжая лошадка возле магазина.

До весны неделя, солнце светит ясно,
На тяжелом снеге мерзнет корка наста...

Хлеб возьмет лошадка мягкими губами –
Пахнет рукавичка сеном и цветами.

Саночки из досок, а в ногах – солома.
Ветер режет щеки, и не ждите дома!

Вылетели в поле, лай собак за нами,
Прядала лошадка чуткими ушами...

Так охота верить, что лошадка где-то
Все еще катает саночки по свету...

МАРИНА МНИШЕК

Кто нашептал эту странную сказку?
Быть королевой – и не иначе.
Долго, нерадостно колокол плачет.
Разве возможно на Русь – без опаски?

Черная змейка, бесстрашная полька,
Тайный огонь хлещет из-под ресниц,
Ножкой точеной, чеканной походкой
В сказку шагнула – падайте ниц!

Встретит Москва разоренная – лаской,
Белые лошади, жемчуг – белее...
Так начинаются снегом метели,
Так начинаются русские сказки,
Черные, горькие русские сказки...

Долго выл колокол... Бег по подвалам,
Горько от дыма, от хохота – горше.
Страшно Москва за плечами пылала,
Тщетно звала безутешная Польша...

С детства поверила в дивную сказку,
Шепот ее между соснами слышен.
Выбрала русскую дикую пляску –
Чтобы коль сгнуть, то к сказке поближе!

НЕОКОНЧЕННОЕ

В сосновых иголках запутались звезды,
И между верхушек гуляет луна.
Что было – прошло. Поворачивать поздно.
И ветер теплее, и ближе весна.

Весенней порою так воздух прозрачен,
Что, кажется, ясен весь мир до конца.
Вот кто-то в попутчики мне предназначен –
Я вижу его, но не знаю лица...

ЛЮДМИЛА ШАРИНА

Шарина Людмила Алексеевна - поэт, прозаик. Родилась в Сибири. В перестроечные годы приехала на Вологодчину, в Кадуй. Здесь Людмила вступила в литературный клуб «Семизерье», стала активным его членом. Автор книг «Три дня безумия» (1999), «Миг жизни» (2002), «Моей любви - преграды нет» (2002), «Ночью» (2004), лауреат многих конкурсов и фестивалей. Член Союза российских писателей с 2006 года.

«Я НА СУДЬБУ НЕ ЖАЛУЮСЬ...»

МУЗЕ

О! Боже мой! Ведь это ты!
Как сон, как миг, неуловима.
Пришла из черной пустоты.
И путь мой ярко осветила.

О! Боже мой! Ведь это ты!
Твое прекрасное творенье
Мои безумные мечты
Слились в одно стихотворение!

О! Боже мой! Да, это ты!
Я преклоняюсь пред тобою.
К твоим ногам кладу цветы
И остаюсь твоей рабою.

Сегодня пишется легко.
И до рассвета далеко.
В душе моей царит покой –
Почаще жизни бы такой.

КНИГА ПАМЯТИ

Перелистываю я
пожелтевшие страницы.
Здесь родные и друзья,
все знакомые мне лица.
Кто-то вырос на глазах,
кто-то пал в своих глазах.
Шаг за шагом по страницам –
разных судеб вереница.
Книга памяти моей,
книга совести моей –
книга радости и слез,
книга бурь и книга грез...

Редко живется в радости,
Редко едим сладости,
Но на судьбу не жалуясь –
Редким мгновением радуюсь.

МГНОВЕНИЯ ЗИМЫ

Мне грустно. Скоро Новый год.
Печаль мои укрыла плечи.
Зажглись рождественские свечи,
И дети кружат хоровод.

По дому собраны игрушки –
Под елкой весело сидят,
Подарки, маски для ребят
И, конфетти – летят как мушки.

Звенит сверкающий хрусталь.
Повсюду радость, смех и шутки.
Полны столы. С сюрпризом утки.
О, моя светлая печаль.

Мне грустно. Снова Новый год.
Еще один прошедший год.

НОЧЬЮ

Тик-так, тикают часики.

Первый час прошел. Не спится. Ни в одном глазу. Сначала хворь одолела: то ногу потянет, то где-то внутри что-то кольнет, засвербит, забуравит. Только выбрала позу удобную, тихо носом засвистела в дреме – старик захрапел, как паровоз громко, со всхлипом и придыханием, с чмоканием и стоном. Вздрогнула, сгоняя дрему. И поза уже неудобная, и вновь тянет больную ногу.

Тик-так, тикают часики.

Спать бы, а сон сбит и мысли в голову лезут, гонишь их, а они все равно лезут.

Вот и выросли мои детушки, вот и остались мы вдвоем. Эх! Аж смешно стало. Чего эх-то?! Когда маленькие были: некогда было охать, каждая минута была расписана, каждая секунда. И мечталось: вырастут, проживем для себя, по миру поездим, людей, страны посмотрим.

И что? Выросли, разлетелись, дочка пишет раз через месяц, на праздники открыточку, когда бандерольку с чайком да конфетами, а сын и без того, раз в пятилетку приедет, чаще один, без детей и жены, с отцом выпьет бутылочку, к друзьям убежит, дня через три с виноватым взглядом явится, и то пытается глазки-то прятать, еще раз бутылочку выпьет и уедет. Так мир и не рассмотрели. Зимой не уедешь, дом топить надо: картошка, цветы в холодном доме померзнут, а летом тем более: опять же картошка – полоть, рыхлить, поливать, окучивать, лесные заготовки, а то зимой и зубы на полку положишь.

Тик-так, тикают часики.

Третий час пошел. Как там мои детки, все ли хорошо, сыты ли, здоровы ли. Жили бы рядом, так банку с огурцами в одну руку, ведро с картошкой в другую и к ним. Уж точно бы знала, что сыты. Ого, не буду, сердце болит, плакать хочется. Уехали.

А сама-то ведь тоже когда-то уехала. Жизнь! Ну, все. Вообще нет сна. Словно спящая красавица за много лет – так выпалась. Чай по-

пить, что ли? И брнчать неохота, старика жалко. За день натоптался, печь топил, воду из колодца носил, чтоб за ночь согрелась до комнатной температуры, завтра стирку задумала, сегодня уж, если по времени. Ходил к соседу, Борьке, кабанчика помогал завалить, выпил чуток под жареху.

Спит. Постановывает, выработался за жизнь. Худой, не откормить. Не буду о нем думать, у самой болячек не меньше. Всю жизнь хватались за работу, все хотелось жить не хуже других. здоровья нет, живем как все, как и жили. Чего жилы рвали?

Дети разъехались, а двоим-то много ли надо? Кусок хлеба, стакан молока, да картошки отварить. Ой, как хорошо, что про картошку-то вспомнила, надо старику сказать, чтоб больше Борьке не давал для его свиней. Верка Пронюшкина поросят дает, самим теперь нужна картошка. Вырастим, хоть сала детям отправим. Как они у меня там?

Что-то уж больно громко часы тикать стали, уж и не тикают, а все такают, да такают.

Четвертый час пошел. Сколько дум еще осталось. Сколько дел еще сделать надо.

Как жалко, что жизнь такая короткая, а ночи длинные. А сорок лет тому назад ночи были короткие, да и дни тоже.

Оттого и жизнь короткая получилась...

ИГОРЬ ВАГАНОВ

МОЙ ДЕД

Мой дед не дожил до седин –
 Под Курском убит в сорок третьем!
 Но выжили дочка и сын,
 Его продолженье на свете.
 Мой дед, работающий мужик,
 От фронта в тылу не скрывался,
 Высоких чинов не достиг,
 Но честно с фашистом сражался.

Мой дед воевал, как умел.
 Он был не танкист и не летчик,
 Не повар, в штабах не сидел.
 Обычный боец-пулеметчик.
 Убит! И венец седины
 У бабки моей появился...
 Мой дед не вернулся с войны,
 Когда я еще не родился.

Вся жизнь – вереница потерь!
 Нет бабки, и мать постарела,
 И дядя в могиле теперь...
 Моя голова поседела.
 И в память погибших бойцов
 На праздник 9 мая
 Без пышных речей и тостов
 Я водки стакан поднимаю!

АЛЕКСАНДР ДУДКИН

ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ

Мне многое мешает. Свет во тьме.
Жара в июле. Стужа в январе.
Снег хлопьями. Комками. Снег колючий.
Сосед, который лжёт. Сосед, который трусит.
И даже – Господи, прости – счастливый случай,
что их заставит вдруг не лгать, не трусить.
Блуждающий среди законов прокурор:
невежливый, надменный, молодой.
Довольный властью, то бишь сам собой.
Любовь, которой нет. Которая была.
Которая придёт и наградит сполна
иль нежным трепетом, иль ревностью потешной.
В итоге – вот! - окажется инстинктом грешным.
И тыщи лет твердящий нам: унынье – грех, -
Господь, которого здесь не было и нет.

ПОСВЯЩЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ДЁШИН

«Который час сегодня на Земле?»

Ю. Максим

Который час сегодня на Планете?
Спросите Максима,
И Юрий вам ответит.
Часы песочные
Все так же на ходу.
Найдется место всем
В раю или в аду.
Все та же суета
На этом белом свете.
Часы песочные, -
А в них струятся дети!

Игорю Эпанаеву

Это кто еще не знает?
Я - поэт! Я - Эпанаев!
Надо каждой знать овце,
Я живу в Череповце.
Вот такой словесный зубрик,
А хотите, кубик-рубик:
«Це» - в начале,
«Це» - в конце,
В середине тоже «Це».

Галине Щекиной

Кто-кто? Галина Щекина.
Блиц-слово. Мысли новизна.
В суждениях – лазерный кристалл.
Характер – не «адажио»:
Вмиг вознесет на пьедестал,
Иль похоронит заживо.

Сурову Михаилу

Суров? Суров Михаил
Сколько ж в жизни натворил:
По правилам, без правил.
Все другим оставил.

Грязеву Александру

Наш родной прозаик Грязев
Наводил с Аляской связи,
Обыграл довольно тонко
И Кончиту и Аленку.
Убедил: России корни
Есть даже в Калифорнии.

Мишенёву – Бушенёву

Мишенев и Бушенёв,
Вот поэты наших «днёв».
Разные проказники,
А в слове каждом - праздники!
Мишенев живет в Никольске,
На родном строчит - не польском.
Бушенёв - в Череповце,

Тоже знает толк в словце.
Мишенёв и Бушенёв,
Два поэта наших «днёв»,
Почти однофамильцы
Наши лит. кормильцы.

Геннадию Сазонову

Геннадий Алексеевич,
Вы знаете, Сазонов.
Без политики Сазонов,
Как планета без озона.

Марковой Марии на презентации её книги

Обжигающие страницы.
Своей жизнью живущая птица,
Дочь любви. Обнажаясь и отдаваясь,
И сама собой оставаясь,
Ночи-дни.
Я - яблоня, частица бытия,
Я - миллионы раз размноженное я.
Я - Маркова Мария, я огонь,
Под пеплом тлеющий.
Я вспыхну - только тронь.
Я - вызов вечности,
Я - страсть.
Я - та, которой не дано упасть.
Я - обнаженная, но я чиста,

И мне Христос вручил свои уста
И наказал: любить, грешить, терпеть
И петь.

Вячеславу Белкову

Он жизнь свою
всю посвятил Рубцову
И слепо верил,
верил только слову.
Ушел непонятым,
был из других веков.
Наш современник,
Вячеслав Белков.
Проблемы жизни
и русский сплин.
Ушел от всех,
ушел один.

РОДНАЯ ПРИРОДА

ТАТЬЯНА ГОГУЛИНА

Гоголина Татьяна Васильевна - коренная кадуичанка, образование высшее, кандидат сельскохозяйственных наук, пионер юннатовского движения в районе, автор многочисленных миниатюрных изданий, раскрывающих красоту родной природы, воспитывающих бережное к ней отношение.

БЕЛЛАДОННА

Какие интересные названия у этого растения в народе – кто называет его бешеной вишней, кто сонной одурью. Но так называют знающие люди. Но большинство людей просто не знают его. В диком виде оно у нас и не растет. Это более южное растение.

Белладонна переводится с итальянского как прекрасная женщина. В старину женщины использовали ее и для красоты. Капали в глаза для расширения зрачков и блеска глаз.

Но настойку из листьев белладонны можно купить в любой аптеке как спазмолитическое и болеутоляющее средство. Она не растет у нас на опушке леса, но ее выращивают садоводы в своих садах.

Как выглядит прекрасная женщина? Высота до 2 метров. Травянистое растение с прямым стеблем. Листья яйцевидные, заостренные и очередные. Цветки буро-фиолетовые колокольчатые поникшие, с пятью отогнутыми лепестками. Плоды – это черные блестящие ягоды с разросшейся пятизубчатой чашечкой. Попробуйте вырастить сами, не пожалеете.

БЕЛОКРЫЛЬНИК

Стою на болоте июньским днем, а со мной рядом красуются болотные белокрыльники. Цветки их – початки мелкие, окружены большим

зеленовато-белым кроющим листом, листом покрывалом, похожим на крыло. Другие листья яйцевидно-сердцевидные, толстые и блестящие, с жилками – дугами. Высота сего до 25 см. Цветет он с мая по июль. А потом появляются красные, похожие на ягоды плоды. Растет эта трава на моховых и осоковых болотах. В народе называют – змей – трава. Возможно из-за толстых желтых мочковатых узлах корней. Корни и есть лекарственная часть растений. Их нужно собирать осенью. Похожи на змей-корни, спасают людей от укусов змей. Возможно еще и поэтому называют белокрыльник змей – травой. А может быть, еще и потому, что это растение ядовито и требует осторожного обращения. Я его не собираю пока, не было необходимости, но каждый год люблюсь его красотой.

БЕРЕЗА

Именно березами богат наш Кадуй. В старом и новом поселке не по одной березовой аллее. И я каждый день люблюсь ими. Все знают, что у бородавчатой березы листья треугольно ромбические двоеконические листья, мужские и женские сережки, , белый ствол высотой до 20 метров. Наверно, многие пьют березовые почки и лечатся молодыми листьями. В апреле-мае цветут наши березки. И я люблю чай из молодых березовых листьев, хорошо помогает печени. Думаю, что все любят пить березовый сок. Он тоже полезен. Издавна применяется береза в народной медицине. Водный настой и отвар почек, березовый сок обладают мочегонным, желчегонным, потогонным, кровоочистительным, ранозаживляющим, обезболивающим и противовоспалительным действием. По этим свойствам можно определить и море болезней, от которых лечит нас родная русская береза. Хочется, чтоб всегда зеленели ее кроны и белели стволы на наших улицах.

КРАСНАЯ БУЗИНА

Красная бузина у нас в основном садовое растение, но встречается одичавшая на просеках ЛЭП Череповецкой ГРЭС, т.е. с северной стороны нового поселка Кадуй. Самое первое воспоминание, когда мне не было еще и года, я сижу в саду у деда, обложенная громадными тыквами, а передо мной большое дерево – куст бузины с красными ягодами.

Бузина красная всегда росла у нас. Ягодами бабушка чистила самовары, а цветы весной собирала для лечебных целей в мае – июне, кору – в апреле. Бабушка поила нас теплым настоем цветов от простуды. Применяют их при головных болях, болезнях дыхательных путей, ревматизме, бронхиальной астме, вместо слабительного или отвар из ягод. Отваром цветов полоскали горло.

Бузина - сильно ветвящийся кустарник с серо-бурой корой, листья супротивные, сложные, непарноперистые. Цветки сначала сложные, зеленоватые, а потом желтовато белые, собранные в яйцевидную вверх торчащую метелку. Высота куста может быть до 5 метров. Относится к семейству жимолостных, хотя у многих жимолостей ягоды съедобные и вкусные, а у красной бузины неприятные на вкус.

БРУСНИКА

Люблю собирать ягоду бруснику. В детстве дома ее варили целые бочки. А зимою с удовольствием поедали и с молоком, и в пирогах, и вареньем. А теперь ее урожая желали бы лучшего. Правда, в 2009 году – в год, когда у всех ягод были хорошие урожаи – мы с мужем насобирали на соседней с дачей просеке не одно ведро брусники. Не только ягоды, но и листья брусники обладают мочегонным и вяжущим свойствами. Настой листьев хорошо использовать при поносах, почечно-каменной болезни, ночном недержании мочи и болезнях печени. Целый букет болезней, от которых лечит брусника.

Все знают этот вечнозеленый кустарник. Листья кожистые, мелкие, эллиптические, темно-зеленые. Снизу светло-зеленые с сероватыми ямками. Цветы бело-розовые мелкие, колокольчатые, собранные в пониклые кисти. Плоды - ягоды кисловатые, красные, приятные на вкус. Высота до 25 см, цветет брусника в мае, мне нравится наблюдать зелено-беловатые ковры из брусничника в наших родных лесах. А какая красота, когда в сентябре подойдешь к коврам с красными ягодками. Собираются они быстрее, чем черника, например, потому что ягоды в кистях. И ягоды - не только вкусные, но и полезные.

БРОНЗОВКА

Раскрывает жук надкрылья, сложенные под ними задние крылья и полетел. Но не все жуки так летают.

Есть жуки, которые летают не поднимая надкрылья. Они выбрасывают в стороны через щели с боку под ними находящиеся бурые крылья. Это жуки – бронзовки. Обыкновенные бронзовки с блестящими бирюзовыми крыльями очень красивые. В последние годы в нашем Кадуе их становится все больше и больше. Чего только они не едят! Садятся на цветы шиповника, например, вгрызаются в них, поедают, в результате нет ягод. На чего только не садятся бронзовки на даче, даже на обыкновенные сирени, на садовые ромашки и на все другие цветы. Очень красивые эти бронзовки, но и очень вредные.

БОМБАРДИР

Достаточно крупный, но не такой красочный, можно сказать обыкновенный по внешнему виду жук – бомбардир. Но он очень удивительный. Убегая от врагов он обороняется. С конца брюшка выбрасывается едкая жидкость. В воздухе она с треском взрывается. За жуком клубится «дымок» разрядов. Из сложных веществ оборонной жидкости получается гремучий газ. А после его взрыва – пары воды. В нашем крае бомбардир встречается сравнительно редко, не то, что к примеру, бронзовка. За ним очень интересно наблюдать. Удивительный жук – бомбардир.

ЖУК-ОЛЕНЬ

Жук – олень – это редкий жук наших лесов. Но это жук – голиаф. Длина его вместе с «рогами» порой достигает 8 см. это большой размер для жука. А «рога» - это очень длинные верхние челюсти. Есть они только у самцов. Жуки ими они не добычу ловят, а дерутся. Бодаются, сражаются между собой за «прекрасных дам». Эти жуки относятся к семейству бронзовок, но в отличии от обыкновенных бронзовок – великая редкость. В детстве я несколько раз вместе с дедом наблюдала красавцев. Даже видела бой жуков – оленей. А теперь уже много лет не встречала ни одного. Еще бы! Они теперь записаны в Красную книгу.

ГОЛУБЯНКА.

Голубянки – бабочки, которые часто встречаются в нашем краю. Я с удовольствием наблюдаю их ежегодно.

Они – маленькие, но красивые, голубоватые, хотя и простенькие, но у них особенные гусеницы. Наверно, только у голубянок они живут в муравейниках. Там они едят тлей и муравьиные яйца. Но муравьи дружат с ними. Они доят этих гусениц. Для этого муравьи щекочут гусениц усиками и получают сладкую капельку из особой железки на спине.

АКАЦИЯ БЕЛАЯ

Акация белая или робиния – ложная акация из семейства, встречается чаще в садах и на дачах и посажена нашими озеленителями в поселке. Но уже встречается в зеленой зоне и в диком виде. Люблю наблюдать в июне, как цветет белая акация. Цветки белые, душистые, мотылькового типа, собранные в пониклые соцветия. Это высокое дерево с коричневой корой. Листья сложные, непарно-перистые из мелких продолговато овальных листиков. Прилистники в виде колючек. Это растение тоже лекарственное. Используется кора ветвей и цветы. Цветы собирают в июне, а кору – весной. Настой коры используют от кашля, отрыжки, а цветы как противоспазматическое средство. А мне очень нравится цветущая акация и ее аромат. Родина ее – Северная Америка.

КАПУСТНИЦА

Капустница – это бабочка – белянка. Чаще всего откладывает свои яйца на капустные листья. Из них выводятся зеленые гусеницы. Эти зеленые гусеницы объедают капустные листья. И не только. Им по вкусу и другие овощи, особенно из семейства крестоцветных. За все за это не любят садоводы и дачники бабочку – капустницу. Но особый вред она приносит нашим огородам, если к нам прилетают стаи бабочек с юга, когда там стоит сухое лето. Несколько раз мне удавалось наблюдать эти прилетающие стаи.

АДМИРАЛ

Адмирал – бабочка – путешественница. Но она не летает стаями. Она – странник – одиночка. Летят адмиралы на юг низко над землей. Мне эта бабочка по красоте своей очень нравится. Она – черно-бурая, почти черная. На крыльях ее – красные полосы. Эти полосы как лампасы на адмиральском мундире.

Поэтому бабочка и называется Адмиралом. Она очень редкая в нашем краю, но все же встречается чаще, чем такие редкие бабочки, занесенные в «Красную книгу», как Махаон, Аполлон и Подалири.

КОМАР

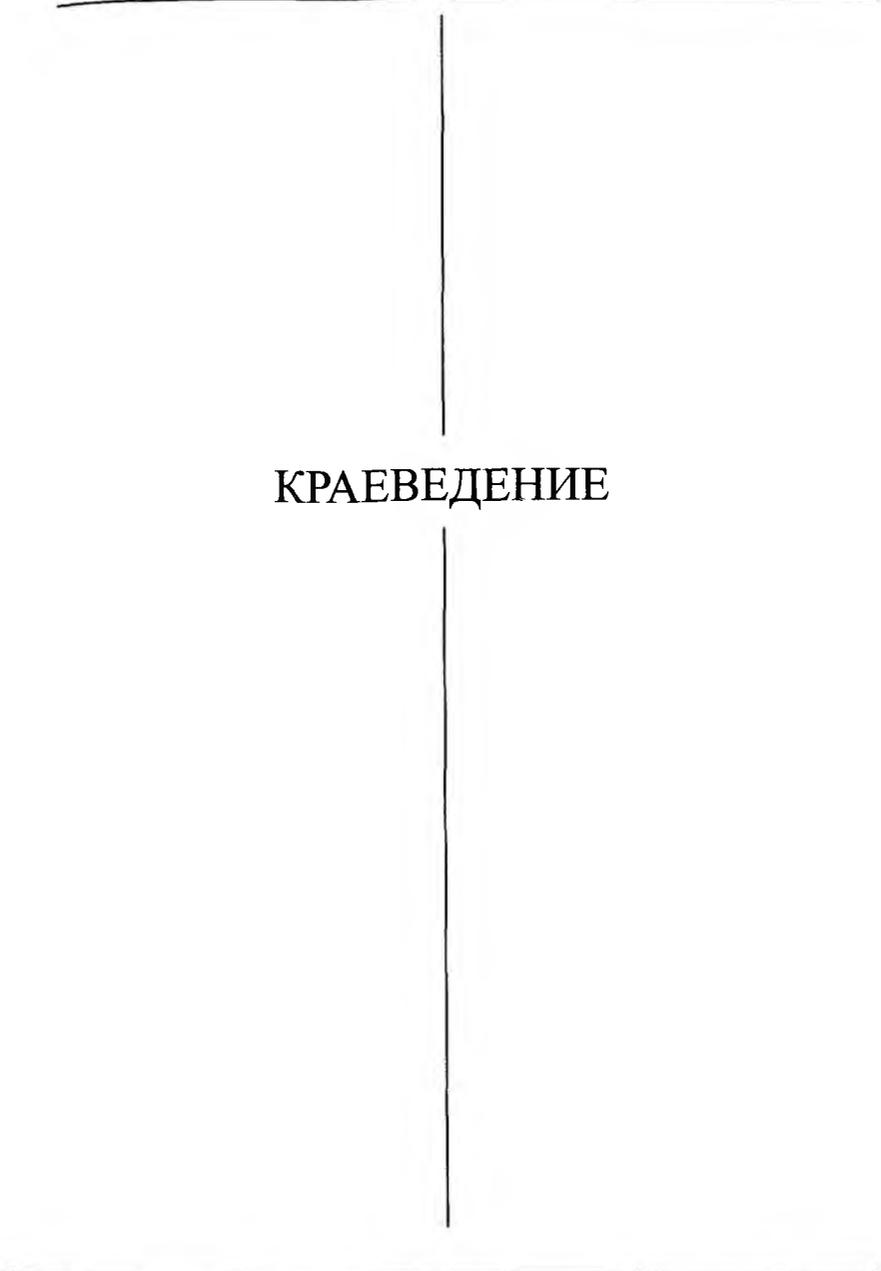
Комар – насекомое – амфибия. Юность проводит в воде. А зрелость в воздухе. Самки откладывают крохотные яички в водоем со стоячей водой. Из яиц выводятся червеобразные личинки. Личинка дышит через трубочку на «хвосте», выставленную через воду. А питается, процеживая воду – литр в сутки. Личинки превращаются в куколок, а куколки во взрослое насекомое.

Комар – самец никогда не сосет кровь, он питается нектаром и соком растений. Зато самки – кровопийцы. Чем больше выпьют крови, тем больше отложат яиц.

Никто не любит комаров. Самое неприятное впечатление при сборе ягод и грибов в лесу производят они. В каждый год комаров наблюдается разное количество у нас. Например, в 2010 году, когда стояла засуха, их наблюдалось незначительное количество. В 2008 году, в более сырой год их наблюдалось значительно больше.

КОЗОДОЙ

Ночью на даче, в мае и в июне сижу и слышу часто хриплое, рокошущее «уррр...», похожее на мурлыканье кошки. Поет птица на одном дыхании по 1,5 минуты и повторяет по 4-5 раз. Порой всю ночь раздастся это пение. Охотится эта птица в сумерки и ночью, у нее отличное зрение. Ловит козодой средних и крупных насекомых. Глаза у птицы ночью горят оранжевым цветом. В полете он просто виртуоз, рассекает воздух бесшумно. На лету хватает майских жуков, крупных ночных бабочек. Для этого прекрасно приспособлен рот. Не рот, а пасть, распахивающаяся до ушей. Гнездо устраивает на земле. Сидящая самка пугает врага. С начала видна розовая пасть из огромного рта и название происходит будто бы им он может выдаивать молоко у коз и пить его. Но это легенда. Днем козодой спят на поваленных стволах деревьев или на земле. Окраска маскирует под древесную кору, можно пройти рядом и не заметить. Правда козодоев с каждым годом становится все меньше.

КРАЕВЕДЕНИЕ

АЛЕКСАНДР ДУДКИН

СУХОЧ

(XVI – середина XIX вв.)

1

Первые упоминания мест, которые сейчас, в начале XXI века, составляют Мазское муниципальное образование, в письменных исторических источниках относятся к XVI веку. По мнению Елены Филипповой¹ в первой половине этого столетия была основана церковь Николая Чудотворца на Сухачском погосте, который до середины XIX столетия был центром волости Сухоч². По сведениям, которые привёл в монографии «История землевладения Белозерского края XV – начала XVII вв.» А. И. Копанев, Николаевский приход (Сухочская волость) упоминается в Копийной книге. Это упоминание, а также упоминание о деревне Верхний Двор, находящейся на расстоянии не более одного километра от церкви, датируется 1584-85 годом³. Поэтому Верхний Двор из всех нынешних мазких населённых пунктов следует считать самым древним. *«В глубокой древности слово двор, - цитирую топонимический словарь Ю. Чайкиной, - могло обозначать не только усадьбу, но и селение, поскольку преобладающим типом поселения в древней Руси была однодворная деревня. Отсюда Верхний Двор – это верхняя (по отношению к чему-то) деревня»*⁴. Могу предположить, что верхней она была именно по отношению к погосту. Что ещё примечательно ниже по течению реки Колпь на другом, правом её берегу, стоит деревня, которая в досоветский период так и называлась «Нижняя».

2

Ещё одно упоминание о наших местах того века, а именно о реках Суде и Колпи от её устья вверх по течению на 5 вёрст (то есть от нынешней деревни Усть-Колпь до, примерно, деревни Нижние), сохранилось в послушной грамоте 1680 года царя Федора Алексеевича, который ссылается в свою очередь на документ времён Ивана Грозного: *«Да в списке с жалованной грамоты написано: «Лета 7070-г марта в 4 день блаженные памяти государь царь и великий князь Иван Васильевич всея России пожаловал черного попа Герасима с братъею,*

что служит в Живоначальные Троицы в Белозерском уезде в Филипове пустыне в Красном Бору на Ирапе, или кто в той пустыне впредь // иные попы и братья будут. В Белозерском уезде рыбная ловля им в Суде реке от устья реки Андоги вверх де речки Колпи и в Колпи речке на 5 верст... в пустыню, в дом Живоначальные Троицы и чудотворцу Филиппу, без отдачи; ловцам Шексны реки села Любца и Луковеси на те рыбные ловы ездить не велено; и в тот их лес и в угодые черным волостям вступатца и лесу сечь не велено ж; чтоб им ни от кого обиды не было» ...Писан на Москве лета 7188-2 июня в 1 день»⁵.

3

Но, конечно же, селения наши стали появляться значительно раньше. Об этом говорят источники археологические⁶ и легендарные.

По данным А. Я. Брюсова⁷ курганы X – первой половины XIII вв. находятся близ станции Уйта⁸. В первой половине 1980-х годов экспедицией Череповецкого краеведческого музея открыта курганная группа X-XI веков у д. Куракино⁹. В 2007 году производились раскопки около деревни Усть-Колпь, археологи считают, что следы существования деревни относятся к XV-XIX векам¹⁰. В 1981-82 гг. экспедиция А. Н. Башенькина обследовала Усть-Староарапский могильник на реке Колпи близ деревни Зазрап, который датируется второй половиной XIII – XVI веком, рядом с ним находится селище¹¹.

Судя по всему, легендарные сведения из описания прихода Сухачской Николаевской церкви относятся в том числе и к Усть-Староарапскому могильнику: *«Есть один курган, о котором говорят, что будто бы литва тут зарыла своё сокровище. В другом месте есть курганы, о коих говорят, что на этих местах были жители и тут находили будто бы сковороды и сковородники»*¹².

4

К древнейшим¹³, кроме названного выше Верхнего Двора, относятся следующие мазские деревни: Маза, Мошницкое, Нижние, Зазрап, Бор, Капчино, Уйта, Шоборово, Кузьминка. Они впервые упоминаются в «Писцовой книге письма и меры князя Никиты Шеховского да подъячего Максима Козлова», которая датируется 1626-27 г.

Деревня **Маза**¹⁴ всегда была Мазой. Я не знаю ни одного источника, в котором она поименована как-то иначе. Имя своё она, скорее всего, получила от речки, на которой стоит.

А река Маза так была названа, по всей видимости, ещё финно-угорскими племенами, которые жили здесь до прихода славян. К этим племенам относится и мордва. В мордовском языке слово «мази» означает красивый, а слово «маза» - спокойный. По одному этому признаку и была, предполагаю, названа речка Маза, которая впоследствии дала название деревне. Интересно, что и в русском языке есть слово «смазливый», то есть красивый. А глаголы «красить» и «мазать» в некоторых случаях синонимы. Хотя в одном из областных диалектов (псковском) слово «маза» обозначало человека, который мажется. А вода в речке Мазе «выкрашенная», «смазанная» - жёлтая, коричневатая, потому как течёт из болота, богатого железом.

Мошницое¹⁵. В документе первого упоминания эта деревня названа Мошеником. Мошницким она, по всей видимости, стала называться тогда, когда превратилась в сельцо, то есть в ней или рядом с нею появилась помещичья усадьба. На топографической карте Новгородской губернии, изданной в 1847 году, у неё чуть-чуть другое имя – Мошницко.

Нижние. Как я уже писал, эта деревня весь досоветский период имела несколько иное название, а именно - «Нижняя», так как, судя по всему, находилась ниже по течению реки Колпь относительно Николаевского Сухачского погоста, центра волости. Отмечу, что Успенский Сухачский приход, к которому деревня Нижняя стала принадлежать впоследствии, возник на столетие – полтора позже соседнего Никольского прихода и уже тогда, когда деревня Нижняя существовала. Согласно Писцовой книге 1645 года Нижняя относилась к волости Сухоч, согласно данным переписи 1710 года к Воронской Кулиге Бухадской волости Суцкого стана. В деревне Нижние семнадцатый век «проявил себя» в середине века двадцатого: *«20 июня 1958 г. при прокладке улицы тракторный канавокопатель с глубины 0,8 метра выбросил против дома колхозника В.В. Балашова серебряные монеты, 96 монет из клада, общим весом в 43,40 г., поступили в Государственный исторический музей»*¹⁶.

Заэрап. Начну с цитаты: *«Судя по писцовой книге 1678 г., селение принадлежало московскому боярину И. Е. Спецневу¹⁷, называлось оно Заирапье (СПК Белоз, л. 101). Названо по местоположению: Заирапье – деревня, находящаяся за ручьями, которые именовались Ирапы. В XVI – XVII вв. поблизости располагалась Филиппо-Ирапская пустынь (небольшой монастырь). Гидроним Ирапы финно-угорского происхождения, этимология его неясна»*¹⁸.

Но много вариантов названий существует у этой деревни: что ни исторический документ, то немножко иное название. По источнику первого упоминания, по мнению А. И. Копанева, – она Заграп. В писцовой книге 1645 года – Зарепье. Согласно данным переписи 1710 года – Арапье. На одной из карт XVIII века – Зарапье. Заирапьем же эта деревня именуется ещё в конце XIX и даже в начале XX веков, в метрических книгах тех лет.

Жительница деревни Татьяна Михайловна Кузьмицкая (1915 г.р.) считала, что «эрап» - финское слово, обозначает наличие руды¹⁹.

Бор. Название деревни – славянское. По источникам первых упоминаний – Борок. Думаю, цитата из «Истории Белоозерского землевладения» А. И. Копанева сразу всё разъяснит: *«В XIV-XV вв. идёт усиленная вырубка леса. То и дело возникают деревни на “лесе”, которые ставятся волостными крестьянами, землевладельцами, монастырями. Поэтому деревни с названием Дор, Дорище, Дорок встречаются в значительном количестве на территории Белоозера... На карте Новгородской губернии 1847 г. на Белоозере отмечено более 20 деревень с такими названиями. Много деревень с названием Борок, Бор, Березник»*²⁰.

Капчино. Капчина или Капшина Гора. В некоторых языках слова, близкие по написанию к слову «капчино» переводятся на русский как курган, могила, насыпь, бугорок²¹.

Уйта. Как ни странно на первый взгляд, понять, почему эта деревня имеет именно такое название, совсем не трудно, по той простой причине, что слово «уйта» имеется в толковом словаре В. Даля и означает биль, чистое моховое, безлесное болото²². Именно такое болото находится рядом с деревней, как либо иначе этот населённый пункт не именовался. В писцовой книге 1645-46 гг. деревня Уйта отсутствует. Но в документе 1678 г. про неё сказано: *«В волости Сухач... за В. П. Хрипуновым треть д. Уйты поселена вновь...»*²³.

Шоборово. В источнике первого упоминания называется Шубарева²⁴, в писцовой книге 1645 г. – Шуобарева²⁵, в материалах переписи 1710 года – Шобурово. Если судить по первому названию, то деревня сия названа по фамилии первого или одного из первых её владельцев. С течением времени оно трансформировалось в Шоборово.

С вепсского слово «шуб» переводится как «осина», а в округе деревни много осинников, на болоте у деревни есть Осиновый остров²⁶.

Кузьминка. По документам первого упоминания – Кузьминская. Эта деревня, единственная из всех перечисленных, весь рассматривае-

мый в этом очерке период относилась вначале к волости Дуброва, затем к Барановской, к приходу Зелено-Дубровской Преображенской церкви. Деревень с таким названием не мало в Белозерье. Название свое она получила от имени основателя или одного из первых жителей её.

5

Итак, XVII век, его начало. В России – смутное время. Волна беспредела и разбоя докатилась и до Сухоцкой волости. Вот что пишет об этом русский историк XIX столетия Николай Ардашев (речь идёт о 1613 году): *«В Белозерском уезде пошли черкасы по разным местам; водили их от волости до волости мужики, где кого сведут. К Покрову дню, одни из них перевезлись за Шексну реку на пошехонскую сторону. Перелезши Шексну реку, или мимо Феропонтовской вотчины и тут стояли. И крестьяне монастырские слышали, что говорят между собой, идет де государева казна зеленая от Холмогор, и им бы перенять ее, а переняв, идти под Кириллов монастырь и к Белозеру.*

Иные люди ночевали в Покров день в Засудье (за р. Судой) и стояли на Петухе. И пришли вести в Андожскую волость (Андога): в Дуброве ссекли черкасы 170 человек да в Таницах и в Тырныче посекали мвогих людей и, на Суде учали острог ставить, от Белозера за 100 верст. Крестьяне Андожской волости разбежались все по лесам. Послан был в Андожскую волость белозерский „разсылщик» и приехав по деревням никого крестьян не изъехал: были все на лесу; старосту, двух попов и троих крестьян – и тех собрал с лесу. А к Устюжне белозерского розсылщика не пропустили ехать де; и пешему пройти не можно: на Петухе и за Судой, и в Сухаче, и на Сявсе стоят воровские люди»²⁷.

Для нас главными в этой статье являются слова: «И в Сухаче стоят воровские люди». В описании Сухачского Николаевского прихода сказано: «...есть предание, что была и здесь литва и опустошила окрестности...»²⁸. Ещё одно косвенное свидетельством о присутствии «воровских людей» находим в описании прихода Сухачской Успенской церкви: «По неимению никаких документов, ни старожиллов, помнящих что-либо о приходе, кроме только того, что бывала и литва, сказать более нечего, о бытии же литвы предание подтверждается по городку, сделанному из земли в открытом месте на волоке, близ реки Колпи, на левом берегу ея; этот городок такой же, как и в Устюжне на устье реки Ижины - четырёхугольный, по бокам на насыпной земле возвышенность, как бы крепость»²⁹.

6

В том же, 1613-м году началось испомещивание земель волости Сухоч и соседних волостей. *«Сразу же после изгнания польских интервентов, - пишет Копанев, - Московское правительство производит громадные по размерам раздачи земель на Белоозере, испомещая здесь служилых людей сотнями... В феврале 1613 г. грамотой бояр приказывалось испоместить на Белоозере волоцких, иосифовских и погорелогородских сидельцев, дворян и детей боярских. Состав их был очень различен: там были клиняне, можайтяне, звеногородцы. Там были господаревы люди: кречетники, сокольники, ястребетники... Позднее на Белоозере испомещаются «сытного, кормового и хлебного дворца дворовые люди». В 1613 - 1614 гг. ...новгородские помещики, казаки, черкасы и множество иноземцев: литва, немцы, «угрены», волошеняне. Вся эта разношерстная масса в большом количестве в 1613- 1615 гг. хлынула на Белоозеро»³⁰. Служилые люди в дворцовые села Сухотцкой волости были испомещены в феврале 1613 года³¹. В столбцах Поместного приказа³² дворцовыми названы сёла, а не волость. Поэтому, считает А. И. Копанев, трудно сказать все ли населённые пункты волости были дворцовыми³³ или только часть из них. Испомещивание происходило в обстановке «ожесточённой классовой борьбы крестьянства против феодало-помещиков»³⁴.*

7

А. И. Копанев, опираясь на переписную книгу князя Шеховского 1626-27 гг., охарактеризовал экономическое состояние каждой белозерской волости. Сухотская волость состояла из 44 селений и 102 пустошей или из 80 дворов крестьянских, 42 бобыльских и 87 дворов пустых и мест дворовых. Пашни худой и средней земли за вотчинниками числилось 54 четверти³⁵, за крестьянами - 294 четверти, перелогом - 326, перелогом и лесом поросшие - 682, лесом поросшие - 872. Пустошей к общему числу селений - 69,9% (в среднем по белозерским волостям, которые находились во владении помещиков, - 71,5%), бобыльских дворов к общему числу дворов и мест дворовых пустых - 20,1% (в среднем по Белоозеру - 20,3%), дворов пустых и мест дворовых к общему числу крестьянских и бобыльских дворов - 41,6% (в среднем по Белоозеру - 62,6%), пашни перелогом, перелогом и лесом поросшей и лесом поросшей 1880 четвертей или 84,4% к общему количеству пашни (по Белоозеру - 85,3)³⁶.

Показатели экономического состояния Сухотцкой волости близки к средним показателям по Белозерскому краю. «... в начале XVII в., - пишет А. И. Копанев, - земледелие переживает сильный упадок. Печать запустения лежит на всех районах края. Прежде всего, бросается в глаза большое количество пустошей, т. е. запустевших населённых пунктов, пустых дворов и мест дворовых... Большой процент запустенья деревень всегда соответствует большому количеству бобыльских дворов. Рост бобыльских дворов явился следствием экономического обнищания населения. Раз пустели деревни, то неизбежно запускалась и пашня. Она превращалась в перелог, и если соха не касалась его какой-нибудь десяток лет, то эта земля зарастала мелким кустарником и молодым лесом - "в кол и в жердь", превращалась в землю, "перелогом и лесом поросию", как её называет наша писцовая книга. А если и дальше рука человека не прикасалась к ней, то молодой лес вырастал в большой, "дикой", как называют его на севере, и писец эту пащню именует уже "пашня лесом поросшая". Слабела рука человека - наступали леса.

...на Белоозере было больше земель запущенных, не обрабатываемых, ушедших в перелог и поросших лесом, чем земель возделываемых - пахотных... Запустение началось ещё в конце XVI в... Косвенное доказательство тому... даёт писцовая книга князя Шеховского. Большое количество запустевших земель книга относит к разряду пашен, "перелогом и лесом поросших" или просто "лесом поросших". По этим указаниям писцовой книги можно судить о том, за сколько времени до описания запустела земля, так как, чтобы пашне порости лесом, нужно, по крайней мере, лет 30 - 40, т. е. большинство необрабатываемой пащни, описанной князем Шеховским в 1626-27 г., запустело ещё в XVI веке... Следовательно, можно предположить, что до последних десятилетий XVI в. большинство пашен, которые поросли лесом к 1626 г., обрабатывалось; большинство пустошей, указанных книгой Шеховского, были населёнными пунктами. Поэтому мы можем полагать, что... крестьяне возделывали все те, позже поросшие лесом пащни, отмеченные в столь большом количестве писцовыми и переписными книгами начала XVII в.»³⁷.

8

В 1645/46 гг. в ходе общерусской переписи³⁸ была создана «Переписная книга Селуяна Павлова да подъячего Григорья Белого», которая в частности содержит сведения по волости Сухоч.

Волость состояла из 22 селений, что в два раза меньше, чем двадцатью годами ранее. Мошенник, хоть и отнесён к Сухачу, но посчитан был отдельно, а половина Мазы, Сиуч³⁹ и пустошь Балмасова входили в состав волости Дуброва (при условии, конечно, что переписчик не совершил никакой ошибки). Дворов же учтено: крестьянских – 79, бобыльских – 43 (или 29,5% к числу жилых дворов) и 10 пустых. Если принять во внимание только жилые дворы, то их количество по сравнению с 1626 годом увеличилось на 10. Количество бобыльских дворов не изменилось: было 42, стало 43. Увеличение количества дворов при одновременном значительном сокращении населённых пунктов говорит, скорее всего, об усилении эксплуатации крестьян помещиками: собранными в одном месте людьми управлять легче. И, как следствие этого, всё увеличивающееся обнищание крестьян. По данным этой же переписи в волости Сухоч проживало 337 душ мужского пола, в том числе в бобыльских дворах 70 человек.

Пустые дворы числились за беглыми крестьянами. Таких дворов в деревне Зазрап⁴⁰ было три, в Нижней и в Бору⁴¹ по одному. Боровская бобылка Офимьица Митинская жена Федорова с тремя детьми, ниженец Симанка Иванов с сыном и Пронка Трофимов из Зазрапа сбежали безвестно. Тогда как о новом месте жительства зазрапского бобыля Данилка Минина с семьёй переписчикам стало известно, они оказались в Углецком уезде в вотчине Симанова монастыря. А Зазрапец Офонка Родионов с детьми живут на погосте Ильи Пророка в Петуской Кулиге Белозерского уезда, в общем-то, не так и далеко от родной своей деревни⁴².

Владельцами земли на год проведения переписи были помещики Игнатий Тархов (Шоборово, Новишка, Зазрап), Степан Кобылин (Нижние), Федор Обухов (Верхний Двор), иноземец Иван Горянский (Маза), братья Маурины (Бор), можаитинин Иван Усов (Маза, Кузьминка, Мошницкое).

9

В книге Сергея Шумакова приводится несколько грамот, которые касаются наших мест. На двух из них я остановлюсь.

Отпускная (выводная «памяти») Михаила Васильевича Гарянского грамота, датируемая 26 ноября 1662 года, на вывод замуж Марьи, дочери старосты Григория Гурьева за крестьянина Афанасия Кузмина гласит: *«Память мне... Григорью Гурьеву... Выдал есми дочь свою Марью*

судом Божиим сватовством... за Афанасья. А выводные куницы по приказу государя своего... взял рубль. В том есмь и выводную дал. А выводную писал Сухатицкия волости поп Иван по его Григорьеву веленью»⁴³. Так как земли помещиков Горянских и согласно переписи 1645 г. и согласно переписи 1710 г. находятся только в Мазе, значит, и грамота эта касается жителей этой деревни. Правда, не понятно откуда конкретно происходил жених. О нём сказано, что он той же, то есть Сухоцкой, волости.

Мировая грамота между помещиком Андреем Ивановым сыном Усовым и слугой Троице-Сергиева монастыря Яковом Ильиным сыном Репьевым составлена 3 июня 1680 г. После пьяной драки между крестьянином деревни Кузьминской Сутского стану Дубровской волости Ивашкою Дмитриевым и монастырским крестьянином деревни Старостина села Танища того же стану Харитонкой Аверкиевым последний умер. Согласно этой грамоте Андрей Усов «...уступил монастырю «не дожидаясь розыску» за Харитонку (до которого с женою и детьми Андрею однако «дела нет») «своего крестьянина Фадейка Мануйлова с женою и с сыном с Васкою с женою ж и с детьми его Васкиными», с имуществом и хлебом, «да яма целая готового уголья да на яму ж приготовленого лесу возов с полтораста, а сжечь ему тот лес на уголье на моей же Андреевой земле». При неотдаче Фадейки Андрей дает монастырю «иного лучшего крестьянина, кого власти изволят, со всеми ж его животы и с хлебом, или денег 2000 рублей», и платить все убытки сполна по сказке монастырских крестьян. При неотдаче же хлеба и сына Фадейки Андрей платит 50 рублей»⁴⁴. Шумаков эту грамоту называет любопытной для истории уголовного права.

10

Перепись 1710 года⁴⁵ сообщает, что деревни Петушской Кулиги, которые в 1645 году входили в состав Сухотцкой волости, в начале XVIII века относились к Бухацкой волости. А Нижняя, Капчино, часть Уйты и воронские деревни (Андроновы, Григорьевская и, по всей видимости, Липник) к Воронской Кулиге той же волости. К Сухотцкой волости были причислены часть Уйты, Верхний Двор, Сарская, Шоборово⁴⁶, Зазрап⁴⁷, Сиуч⁴⁸, Балмасово⁴⁹, Бор и Маза, всего десять деревень. Общая же численность населённых пунктов на той территории, которая за 65 лет до этого составляла Сухоцкую волость, не уменьшилась. Было 22 селения, стало 23.

Владельцами же земель в этот период были помещики Михаил Тархов (Уйта), Гаврил Кобылин (Нижние), Иван Хрипунов (Уйта), сёстры Обуховы⁵⁰ (В. Двор), Гавриил Сухарев (В. Двор), Пётр Языков (В. Двор), Семён Братцов (Шоборово), Алексей Братцов (Заэрап), Иван Спешнев (Заэрап), поручик Петр Соломеев (Бор), Мауриновы⁵¹ (Бор), Никита Юрасов (Бор), вдова Устинья Корсакова (Бор), Горянские⁵² (Маза), Иван Козлов (Маза), Дмитрий Усов (Маза), вотчинники Андрей и Иван Усовы (Кузьминская).

Помещечьи усадьбы, по всей видимости, находились в то время только в одной сухачской деревне, в Бору. Там располагались двор 85-летнего Савы Васильева Мауринова⁵³, двор Ивана Савинова Мауринова⁵⁴, двор Ивана Федотьева Мауринова⁵⁵, двор вдовы Ильи Михайлова Мауринова Ульяны⁵⁶, двор Никиты Юрасова⁵⁷ и двор семидесятилетней вдовы Устиньи Корсаковой. Не трудно предположить, что все эти люди - потомки названных в переписи 1645 года братьев-наугородцев Василия, Михаила, Богдана Тахановы сыновья Мауриновы.

11

«Приход Сухач когда и кем основан по актам не известно, но должно быть относится к древним временам, - так начинается описание прихода Сухачской Николаевской церкви пятого класса, - он всегда был православным и постоянным. Приход расположен на ровном полуоткрытом месте, окружён несколько лесом, стоит с четверть версты от реки Колпи... .. <находится> на просёлочной дороге и отстоит от городов: Череповца и Устюжны на 80 верст. Сообщение с Устюжною в летнее время неудобно, по причине болот. Граничит с приходами Успенской Сухачской и Троицкой Таницской церкви и с пустопорожни-ми местами разных владельцев»⁵⁸.

Как уже я писал в самом начале этой статьи Никольский приход (приход Сухачской Николаевской церкви)⁵⁹, по всей видимости, был основан в первой половине XVI века. Первое же документальное свидетельство о нём относится к 1575 году. В писцовой книге 1645 года сказано, что на погосте на государевой земле находится церковь Николы Чудотворца⁶⁰. Перепись же 1710 года зафиксировала уже три церкви: Живоначалия Троицы, Николая Чудотворца и Иоанна Богослова. Вновь деревянная церковь была построена в 1800 году, каменная же в 1820-м⁶¹.

Вот что сообщается о священниках этой церкви в документах⁶² середины XVIII века.

В 1729 году Преосвященным Афанасием был рукоположен в Николаевскую Сухачскую церковь Анисим Кириллов. В документе 1763 года, хранящемся в Вологодском государственном архиве, о нём сказано: *«Престарелый священник Анисим Кириллов вдов и весьма скорбен... Овдовел в 1754 году. Семейства не имеет и живёт при келье, за старостью и скорбью священнослужебных треб отправлять не может»*. Третьего февраля 1755 г. настоятелем храма становится Фёдор Кириаков. Анисим же Кириллов до 1761 года был его помощником. Затем на пост второго священника заступил дьякон⁶³ Василий Тимофеев.

Дьячком⁶⁴ в 1740 году стал Савва Кириаков. С 1755 года вторым дьячком – Иван Евсеев, который эту должность совмещал с должностью дьячка в капчинской церкви. Пономарями⁶⁵ в Шоборово были с 1734 года Евсевий Никитин, с 1758 года Иона Евсеев. А вот на что жил причт Никольской Сухачской церкви в середине XIX века: *«Жалованья 136 рублей серебром в год. Дохода от продажи свеч, сборов кошельковых, кружечных, от богомольцев и продажи хлеба получается, примерно полагая, до 200 рублей серебром»*. Церквей на погосте три: одна каменная и две деревянных. Домов за причтом – пять.

12

Соседний Успенский Сухаческий приход⁶⁶, который располагался на правом берегу Колпи, почти напротив Никольского прихода, в двух верстах от деревни Капчино, возник, судя по всему, в третьей четверти XVII века, так как в переписи 1645 не упоминается, спустя же 65 лет переписчики обнаружили: *«На погосте церковь Успения Пресвятыя Богородицы, церковь Святыя великомученицы Парасковии, здания деревянные»*. А в описании прихода, опубликованном в 1865 году, об этом сказано: *«Погост белее известен под названием Пятницы, по имеющейся Параскевинской церкви. Время, когда основан приход и по какому случаю, с точностью определить нельзя, хотя и были два небольших антими́са⁶⁷, один на небольшом холсте простой работы, без надписи на нём и без мощей, только один крест с изображённым св. (муром), другой же антими́с на холщовом лоскутке, поболее первого, на нём написано, что он выдан в церковь при царе Алексее Михайловиче, в нём есть вишняя частица и св. мощей»⁶⁸*.

Каменная церковь на Успенском погосте была построена в 1841 году, где-то в промежутке между этим и 1865 годом сгорела деревянная церковь Параскевы Пятницы. Вновь деревянная появилась в 1905 году⁶⁹.

«На содержание причта получается 150 рублей в год. Доходов же в церковь поступает в год: от продажи свеч 7 руб., от поднесения в кошелёк и кружку 19 рублей и более, а иногда менее, смотря по добычам прихожан и урожаю хлеба»⁷⁰. В 1863 году в доме дьячка была открыта церковно-приходская школа. Она, судя по всему, самая первая школа в Сухачкой волости. В самом начале функционирования в ней обучалось семь мальчиков. Преподавали священник и дьячек. Плата за всех взималась с волости в размере 45 рублей серебром в год⁷¹.

При приходе с 1851 года существовала пасака, старейшая из известных пасек во всём Белозерском уезде⁷².

13

Во второй половине XVII века в Мазе была построена часовня святого Георгия Победоносца⁷³. В первой половине XVIII столетия силами и на средства местных жителей появились такие же культовые сооружения в деревнях Бор и Кузьминская. Особенностью боровской часовенки являлся *«высокий, кованный, «процветшей» формы крест...»⁷⁴. «Обычная клетская постройка, - читаем в описании кузьминской часовни Космы и Дамиана в книге «Наше прошлое. Взгляд художника», - имела высокую звонницу с лестницей «стременного» типа. Такая конструкция выводила часовню в круг уникальных памятников архитектуры»⁷⁵.*

В середине XIX века в Никольском Сухачском приходе уже действовало 4 часовни, а в 1911 году в семи населённых пунктах Боровской волости⁷⁶. Кроме названных выше также в деревнях Нижняя, Зазрап, Куракино⁷⁷.

Некоторые иконы и другие предметы церковного обихода экспедиция, возглавляемая К. К. Морозовым, в 1935 году, после закрытия религиозных учреждений, приняла на хранение в фонды Череповецкого краеведческого музея. И благодаря этому они сохранились до наших дней, а некоторые из них реставрированы, опубликованы и демонстрируются в залах художественного музея г. Череповца. В частности чуть ли не первозданный облик появился у икон «Святой Иоанн Воин»⁷⁸ и «Мати Дева»⁷⁹ из Никольской Сухачской церкви, у икон «Чудо Георгия о змие», «Великомученица Параскева Пятница» и вкладной деревянной скульптуры Николая Можайского из мазской часовни.

14

Издавна жители волостей, которые прилегали к рекам Чагодоша, Суда, Колпь, занимались добыванием железной руды⁸⁰. До сих пор остались следы этого промысла в сухочских лесах и селениях. Чёрную землю, перемешанную со шлаком, можно встретить, думаю, в каждой деревне. А в лесах не мало ям, в которых когда-то выжигали из древесины уголь.

Места богатые рудой находили на болотах по ржавчине, выступающей на поверхность. При этом там, где росли березняки и осинники, руда почиталась лучшею, потому как железо из неё легко выходит. Тогда как под ельниками руда ломче и черствее. Кроме того *«болотная руда залегает в берегах р. Суды против д. Кузьминской... в берегах р. Колпи около деревень Шоборова и Верхний Двор»*⁸¹.

Промышленники вначале копали ямы, затем деревянными лопатами из них доставали руду. Узнавали её по цвету и тяжести. Снимали верхний слой и переносили на высокие и сухие места, складывали в кучи и оставляли для проветривания и просушки. Это делали в августе и начале сентября. Через полтора – два месяца просушенную руду обжигали. Затем в коробах перевозили в свои селения, где каждый промышленник держал её в особых сусеках подле своего горна. С января по апрель плавка руды – почти ежедневная работа. Каждая семья имела особый горн, на котором беспрестанно работали по два человека: один дует мехами, другой подкладывает уголь. Не редко на этих работах были заняты и женщины.

*«Колхозник деревни Заэрап так описывает домашнюю металлургию (запись 30-х годов): «Домница — это большое горно с открытым верхом. С мехами домница соединяется двумя трубками, стенки домницы сделаны из глины. В это горно насыпается пережженная руда вместе с древесным углем — в прослойку. После чего начинают «дуть кричи». Поступающий воздух через трубку из мехов усиливает горение и плавит руду». После варки железа в домнице с него как бы снимают «пену», то есть домница разламывается, из нее достается горячая крица, кладется на наковальню и проковывается: при перековке из железа удаляется излишний шлак. Получается мягкое, так называемое опарошное железо, дальнейшая перековка и закалка которого давала сталь»*⁸².

Для одного горна требовалось до 300 четвериков⁸³ железной руды, из которой получалось до 180 пудов железа.

В XVII веке «*волости Андога и Сухочкая, ряд сёл и деревень обеспечивали железом Устюжну. С середины XVII века из Белозерья шло железо в Тихвин*»⁸⁴. При Петре Первом в Тырпеце был основан железоделательный завод, который, впрочем, ещё до 1762 года был уничтожен. В конце XVIII – начале XIX века одна крица весом 25 фунтов продавалась обыкновенно не более чем за 25 копеек. Выплавленные крицы или отвозились на продажу в волости, в частности Уломскую и Нелазскую, на тамошние еженедельные торги, или же кузнецы из этих волостей скупали крицы на местах их производства. Однако в описаниях приходов Сухочкой волости середины XIX века об этом промысле не сказано ни слова: «*Промысел у прихожан: зимою возить брёвна на сплав, а весною сгоняют в Шексну и Рыбинск*»⁸⁵.

15

В северных уездах Новгородской губернии лет двести и более назад самой ценной землёй являлись лядины, затем ценились покосы и, наконец, обыкновенная пашня. Для приготовления лядин срубали лес в возрасте от двадцати до сорока лет, оставляли его на месте для сушки до следующего года, а потом сжигали и обрабатывали землю. Урожай на такой земле, как правило, хороший. После трёх – четырёх лет приискивалась новая лядина, старая же бросалась и зарастала лесом. «*Такое хозяйство, - утверждает в «Статистических сведениях о Новгородской губернии», - при изобилии лесов и при слишком малом населении может иметь правильный оборот; но для этого надобно, чтобы каждый собственник имел много земли или мог нанимать её и при том это может быть только там, где самый лес не имеет сбыта*»⁸⁶.

В период с 1778 по 1796 год в Новгородской губернии было проведено генеральное межевание земель⁸⁷. При этом межевании в Сухочской волости, в приходах Никольском и Успенском Сухачских было выделено 33 дачи, с № 1009 по № 1020 и с № 1055 по № 1075⁸⁸. Среди них такие, как сельцо Маза, сельцо Бор, д. Нижняя и Гришенские сенные покосы, д. Уйта и пустошь Дубовик, дер. Капчина Гора, село Никольское с деревнями (Заэрпом и Шоборово), сенные покосы по реке Колпь, д. Верхний Двор, пустошь Ширьева и пустошь Любимовка, церковная земля Успенского Сухачского погоста, Остров Капчинский и другие. Общая площадь всех дач составила 48 355 десятин, из них удобная земля занимала площадь 40 026 десятин. В удобной была выделена земля усадебная на площади 64 дес. (0,2% ко всей удобной земле), пахотная

- 4822 дес. (12,1%), сенокосная – 1416 дес. (3,5%), лесная – 33 724 дес. (84,2%).

16

Крестьянская изба ещё в середине XIX века была почти такой же, как и тысячу лет до этого⁸⁹. В углу на деревянном срубе стояла огромная печь, от неё к передней стене шли полки со стоящими на них горшками. В каждой избе полаты, на которых спали дети и складывались некоторые вещи крестьянского обихода. По другим стенам расставлены лавки, ещё в одном углу, в красном в божнице образа. Многие избы курные: из-за отсутствия печных труб дым выпускался через отверстие в потолке или стене. По сведениям, которые опубликованы в 1865 году⁹⁰, в деревне Мазе из 13 изб 9 было курных, в Мошницком из трёх – две избы курные, в Кузьминской из 34 – 21 изба, в Шоборово из 17 – 16, в Верхнем Дворе из 33 – 28, в Заэрапе из 39 – 34.

Издавна северный крестьянин любил баню, которая представляла собой низкую лачугу без окон и труб, с небольшими дверьми, чтобы пройти через них, нужно было сильно согнуться. В одном углу бани находилась каменка, в другом прилавок (полок) для того, чтобы париться. Кроме этого крестьяне часто мылись в печках. Нередко, отмечается в «Статистических сведениях», бывали случаи, что запаривались в них до смерти.

Обед крестьянина большей частью состоял из пустых щей с солью и овсяными крупами и каши. Бывали калиточки или рогульки (рогушки). Завтрак же состоял из хлеба и кваса. Почти все крестьяне ходили в лаптях и вместо свечей жгли лучину.

Осенью, когда завершён обмолот хлеба, обычно в доме какой-нибудь вдовы собирались посиделки (беседы, поседки). На них приходили девушки и парни. Девушки пряли, а парни плели лапти или вязали сети. Также играли в жмурки, пели песни, загадывали загадки.

«...крестьянин, - сообщают «Сведения...», - употребляет водку в излишестве, в особенности по праздникам; вероятно, это зависит от малопитательной пищи, чрезмерных трудов и холодного климата».

Болезни, как правило, лечили заговорами, иногда употребляли осиную кору. *«Но в действительности, - читаем в «Сведениях...», - крестьяне ничем не лечатся; лекарства по их понятиям только те хороши, которые действуют сразу; на продолжительное лечение крестьянин не согласится».*

Притом и самоё лечение для крестьянина почти всегда невозможно, даже если бы он и желал его». Первый фельдшерский пункт на территории Сухоцкой волости начал принимать пациентов только во второй половине XIX века.

«Крестьяне верили колдунам, злым духам, домовым, лешиим, кикиморам, боялись худого глаза, оговора... Повсюду сохранился старинный предрассудок, что встреча со священником приносит несчастье». Одновременно сельский житель имел, как правило, добродушный нрав и жаждал грамотности. Книги на ярмарках распродавались успешно.

Крестьянин был твёрд в православии. Это выражалось в постах и внешних обрядах, в частых крестных ходах, *«особенно во время моровых поветрий и неблагоприятной погоды для урожая»*. Крестьяне охотно жертвовали на украшение храма, и даже в местах, где деревни малолюдны и бедны, храмы построены великолепные и живопись в них прекрасная.

17

Согласно сведениям⁹¹, которые были получены в 1858 году в ходе X ревизии податного населения России, в восьми деревнях Николаевского Сухачского прихода, в 155 хозяйствах, из которых состояли эти деревни, проживало 583 мужчины и 662 женщины, всего 1245 человек. За двести лет, за период с 1645 по 1858 годы, мужское население этих мест увеличилось в три с половиной раза. Селений же стало меньше. К середине XIX века перестала существовать деревня Новишка (хотя на топографической карте Новгородской губернии 1847 года эта деревня ещё значится под названием Новинка), не зарегистрировано ни одного жителя в сельце Мошнищком.

А в Успенском Сухачском приходе, в шести его деревнях, в 109 хозяйствах жили 304 крестьянина и 351 крестьянка, всего 655 человек.

В 1861 году в Российской империи было отменено крепостное право. Это событие привело к значительным изменениям во всех сферах жизни крестьян: и в бытовой, и в экономической, и в общественной. Например, население Боровской (бывшей Сухацкой) волости стало быстро расти, оно увеличилось всего за пятьдесят с небольшим лет более чем в два раза. Но это тема для другой статьи.

Январь 2012 года

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «СУХОЧ» А. ДУДКИНА

¹ Сайт «Храмы России»: <http://www.temples.ru/card.php?ID=7209>

² Варианты названия волости: Сухач, Сухоцкая, Сухачская.

³ А. И. Копанев «История землевладения Белозерского края XV – начала XVII вв.» (далее – Копанев), с. 209, 231.

⁴ Ю. И. Чайкина. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь, Архангельск, 1988 г. (далее – Чайкина).

⁵ Сергей Шумаков. «Обзор «грамот коллегии экономии». Выпуск второй. Тексты и обзор белозерских актов (1395-1758 гг.)», Москва, 1900 г. (далее – Шумаков), с. 172-173

⁶ «Начало эпохи средневековья на территории Вологодской области ознаменовалось важнейшим событием — появлением славян... Долгое время считалось, что славяне начинают осваивать территорию современной Вологодской области не ранее VIII в. н. э. Более ранние славянские памятники были обнаружены и раскопаны Северорусской археологической экспедицией под руководством А. Н. Башенькина в 1980-1990 гг. В V в. н. э. западных районов нашего края достигли группы славян, продвигаясь с юго-запада, с территориями современных Новгородской и Тверской областей. Интересно, что места для поселений славяне выбирали такие же, как и местное финно-угорское население: это высокие красивые берега рек, в сосновых борах, рядом с которыми есть обширные пойменные луга. Некоторые славянские поселения находятся в непосредственной близости от финно-угорских. По-видимому, там, где появлялись славяне, финно-угорское население было вытеснено или ассимилировано ими.

Основные районы освоения в V-VIII веках - это берега рек Чагоды, Кобожи, Мологи, Песи. Ученые считают, что первые славянские поселенцы были кривичами - сложным этническим образованием, славяно-балтским в своей основе.

По каким-то причинам поселения и курганные могильники кривичей к IX в. прекращают свое существование. Возможно, сказалось изменение климата.

В VIII-IX вв. на территорию западной части области продвигается новая волна славянского населения. Так же, как и предшественники, они идут с юго-запада, со стороны новгородских земель. Это словене ильменские (новгородские) — племенной союз, сформировавшийся на территории вокруг озера Ильмень. Основу их хозяйства составляло пашенное земледелие, а маркируют места первоначального освоения словенями земель сопки - высокие конусообразные «крутобокие» насыпи, стоящие на пойменных лугах, на полях, а не в сосновых борах, как высокие насыпи кривичей.

Словене новгородские прошли теми же путями, что и кривичи: по рекам Мологе, Кобоже, Чагоде, Песи, Чагодоце. Начинают осваивать и более мелкие реки Смердомля, Кать, Ратца, Белая. Поселения словен до XI в. - только селища. В XI в. возникает несколько городищ. Неукрепленные селища были «привязаны» к обширным долинам и пологим береговым террасам. Они характеризуются более плодородными супесчаными и песчано-суглинистыми почвами и более пригодны для пашенного земледелия. Очевидно, что меняется и состав стада, - теперь оно должно включать необходимое количество рабочего скота. Уменьшается роль подсобных занятий, например, рыболовства. Однако в изготовлении керамики, в металлообработке и ряде других направлений хозяйственной деятельности сохраняются прежние традиции. Исследователи отмечают, что черты производящего хозяйства у словен были более развиты, чем у кривичей или местного финно-угорского населения.

Из района первоначального освоения в конце IX-X вв. началось продвижение славянского населения на р. Колпь и на территорию современного Бабаевского района. По археологическим памятникам хорошо прослеживается путь продвижения славян по рекам: Чагода-Лидь-Волочня—Колпь. Несомненно, что р. Колпь была заселена с запада. Наиболее ранний славянский могильник на Колпи открыт у пос. Верхневольск близ волока с р. Лидь. В конце X- начале XI вв. на Колпи почти одновременно возникают десять новых могильников и соответствующих им поселений у деревень Новинки, Тимошкино, Ярцево, Степаново, Дудино, Володино. Могильники на Колпи почти полностью раскопаны (А. В. Никитин, Н. В. Тухтина, Н. В. Гуслистов, А. Н. Башенькин) содержат большое число хорошо датируемых вещей, монет. Можно выяснить примерную численность коллективов, осваивавших Колпь. Расчеты по всем могильникам показывают, что в одном поколении насчитывалось от двух до восьми взрослых людей. Небольшие размеры поселений при могильниках также подтверждают предположение, что эти поселения состояли из 1-4 домов. С учетом детей численность коллективов могла составлять от 10 до 40 человек.

Из бассейна среднего течения Колпи славянское население пыталось освоить среднюю Суду, где возникают курганные группы XI-XIII вв. у деревень Кананьевская, Бережок. Однако, по-видимому, вследствие большой плотности финно-угорского (весского) населения на р. Суде это движение не получило широких масштабов. На средней и верхней Суде до середины XIII века существует самобытная финно-угорская культура. Потомки древней веси - современные вепсы - проживают в бассейне Суды до настоящего времени». (ТАЙНЫ ЗЕМЛИ ВОЛОГОДСКОЙ: Методические рекомендации к занятиям по археологии для учителей общеобразовательных учебных заведений и педагогов дополнительного образования, Вологда, «Древности Севера», 2004 г.)

⁷ Александр Яковлевич Брюсов – советский археолог, брат поэта Серебряного века Валерия Брюсова. С 1926 года возглавлял ряд экспедиций, работавших на Русском Севере, в том числе многолетние работы в Карелии и Вологодской и Новгородской областях др.

⁸ Очерки по истории русской деревни X-XIII вв: Том первый, Москва, 1951 г., с. 185

⁹ Кадуйские зори. Кадуй, 1995 г., с. 6-7.

¹⁰ Кадуйская районная газета «Наше время» (далее – Наше время), № 129 от 3 ноября 2007 г.

¹¹ Краеведческий альманах «Кадуй», Вологда, «Русь», 2005г. (далее – Кадуй), с. 102

¹² Новгородский сборник, выпуск 1, Издание Новгородского статистического комитета под редакцией Н. Богословского, Новгород, 1865 г. (далее – Новгородский сборник), с. 235.

¹³ Авторы книги «Родословие вологодской деревни» к древнейшим относят также и деревню Куракино. По их мнению, первое упоминание этой деревни в исторических источниках тоже относится к 1626 году. И при этом источником этой информации для них служат три карты, составленные историком А. И. Копаневым в середине XX века. Ни на карте А. И. Копанёва, ни в им же составленном списке населённых мест нет деревни Куракино. Эта первая нестыковка. Вторая. Первое упоминание деревни Верхний Двор авторы «Родословия...» тоже относят к 1626 году, тогда как по сведениям А. И. Копанева деревня Верхний Двор, как и Никольский приход, встречаются и в Копийной книге. Запись эта датируется 1575 годом. Третья. По мнению авторов «Родословия...» название деревни Мошницкое по документу первого упоминания Мошенок, по данным А.И. Копанёва – Мошеник. Четвёртая. Как можно понять из таблицы, в момент первого упоминания мазских деревень они были населены черносошными крестьянами. Тогда как, как выяснил А. И. Копанёв ещё в середине прошлого века, испомещивание волости Сухоч началось в начале 1613 года.

¹⁴ Александр Дудкин «Из истории Мазы», Наше время, №№ 107 и 110, сентябрь 2010 г

¹⁵ История деревни Мошницкой изложена мною в статье «Морозовы – мошницкие священники»: Наше время, 3 ноября 2011 г.

¹⁶ Ежегодник Государственного исторического музея. 1958., с. 61-62. Состав поступившей в ГИМ части клада: Михаил Федорович, копейки - 1 экз. с буквами НГ, 2 экз. с буквами ПС, 10 экз.

МОС:КВА, 3 экз. с буквами МО, 3 экз. с буквой М, 2 экз. с монограммой М раннего типа, до 1626 г., 2 экз. МОС:КВА с буквами К и Ц по сторонам всадника, 1 экз. с монограммой М, с буквами ОБ перед мордой коня, 33 экз. с монограммой М, разных штемпелей, после 1626 г., неопределенные, плохой сохранности — 3 экз.; Алексей Михайлович, копейки — 34 экз. с монограммой М.

¹⁷ Согласно переписи 1710 года земли деревни были за Алексеем Стефановым сыном Братцовым и за Иваном Емельяновым сыном Спешневым.

¹⁸ Чайкина.

¹⁹ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР» (Муниципальное учреждение культуры. Кадуйский районный центр народной традиционной культуры и ремесел). АФД – 025. Вологодская область, Кадуйский район, Мазский с/с, д. Зазрап. 25.07.95. Гр. Зуева Т.А.

²⁰ Копанев, с. 9.

²¹ Слова, которые близки по написанию к слову капчино Карас (лет.) означают - курган, могила; карбиус (лет.) – насыпь, бугорок (http://veras.litvin.org/042_10.html). Возможно, появление этого названия каким-то образом связано со стоявшей в этих местах в начале семнадцатого века литвой (версия Н. Н. Миняевой).

²² УЙТА «чистое моховое безлесное болото», арханг., устюжск. (Даль). Из фин. uitti «перешеек между двумя протоками», uittu «маленький залив», водск. uitto «лужа»; см. Калима 231; FUF 18, 40. Менее вероятно ввиду географии слова произведение из коми uit «пойменный луг, выгон» (Калима, там же), потому что последнее считают заимств. из хангы; ср. Вихм. – Уотила 344; Кальман, Acta Lingu. Hung. I, 260. (Этимологический русскоязычный словарь Фасмера.)

²³ Список с писцовой книги Белозерского уезда 1678 г. ЦГАДА, ф. 1209, к. 12758, л. 95: Чайкина.

²⁴ Копанев, с. 250

²⁵ Кадуй, с. 205.

²⁶ Из материалов Кадуйского краеведческого музея.

²⁷ Н. Ардашев «Из истории XVII века. Очистение русской земли. Поход Черкас».

²⁸ Новгородский сборник, с. 234.

²⁹ Там же, с. 237.

³⁰ Копанев, с. 73.

³¹ Столбцы с №18 по № 22 ставов Поместного приказа № 33458: Копанев с. 74.

³² Поместный приказ - центральное государственное учреждение России середины XVI — начала XVIII веков. Поместный приказ был образован в середине 1550-х годов в связи с военными и земельными реформами в результате выделения круга дел, исполнявшихся ранее в ведомствах Казенного приказа, Большого и областных дворцов. Первоначально назывался Поместной избой. Приказ наделял служилых людей поместьями (по окладам, установленным в Разрядном приказе), ведал фондом «пустых» поместных земель, регистрировал и контролировал изменения в сфере землевладения (поместного, светского и церковного вотчинного); проводил общие и частные описания земель и переписи населения, в связи с чем ведал в XVII веке сыском беглых крестьян; играл роль центральной судебной инстанции по земельным делам. Поместный приказ исполнял функции центральной судебной инстанции по земельным тяжбам.

³³ Дворцовые земли (волости) - это те земли, которые были населены дворцовыми крестьянами, принадлежавшими лично царю и членам царской фамилии. Дворцовое землевладение складывается в период феодальной раздробленности (XII—XV вв.). Основной обязанностью дворцовых крестьян было снабжение великокняжеского (позже — царского) двора продовольствием. Уже с конца XV в. дворцовыми крестьянами и землями управляли различные специальные дворцовые учреждения. Дворцовые волости на местах до начала XVIII в. управлялись приказчиками, а потом — управителями. В дворцовых волостях существовало местное самоуправление. В конце XV — начале XVIII вв. дворцовые крестьяне платили натуральный или денежный оброк или то и другое

одновременно, поставляли хлеб, мясо, яйца, рыбу, мёд и пр., выполняли различные дворцовые работы и поставляли на своих подводах ко двору продовольствие, дрова и т. д.

³⁴ Копанев, с. 82.

³⁵ Четверть (четы) - составляла 40 сажень длины и 30 ширины. Сажень - 1 сажень = 3 аршина = 7 фут = 48 вершков = 2,1336 метра.

³⁶ ЦГАДА (в настоящее время – РГАДА), Писцовая книга № 592, лл. 635 – 678: Копанев, с. 80-81.

³⁷ Копанев, с. 84-85.

³⁸ Перепись 1646 года в отличие предыдущих писцовых описаний была, прежде всего, учетом населения. Переписчики записывали всех облагаемых податями лиц мужского пола, включая детей (последних - с указанием возраста). Результаты переписи сослужили тогда двойную службу - стали юридической основой для еще большего закрепощения крестьян и базой для взимания налогов (http://okrlib.ru/broektv/perepis_naselniva/1646_god_istoriya_odnoi_perepisi/).

³⁹ В писцовой книге – Сивда Горелый.

⁴⁰ В писцовой книге – Зарепье.

⁴¹ В писцовой книге – Борок.

⁴² Кадуй, с. 206, 210, 211.

⁴³ Шумаков, с. 30

⁴⁴ Шумаков, с. 21.

⁴⁵ <http://census1710.narod.ru/>

⁴⁶ В переписи - Шобурово.

⁴⁷ В переписи – Арапье.

⁴⁸ В переписи - Смвуч Горевой.

⁴⁹ В переписи - Балмаково.

⁵⁰ «Волость Сухач, за Ф.И.Обуховым в поместье полдеревни Верхнего Двора» (СПК Белоз 1678, л.96).

⁵¹ Мауриновы: Сава Васильев, Иван Савинов, Иван Федотьев, вдова Ульяна Ильинская жена Михайлова сына Мауринова.

⁵² Горяжские: Иван Иевлев, Петр Никитин, Анисья и Ирина Гавриловы.

⁵³ Во дворе жил он сам, жена его Марья (70 лет), сын Дмитрий и его жена Анна. Сыновья же его Стефан, Артемий, Афонасий, Кондратей, Кирило взяты в драгуны.

⁵⁴ Во дворе жила его жена Настасья и дочери его четырёхлетняя Авдотья и десятилетняя Мавра. Сам же Иван в 1709 году был взят в драгуны.

⁵⁵ Во дворе жила его шестидесятилетняя жена Федосья и их дочь Варвара. Сам же Иван взят в драгуны ещё в 1702 году, а в нынешнем в 1710 году взят в драгуны сын его Федор. Брат Ивана Гаврило тридцати лет тоже взят в драгуны и служит в Новгородском полку.

⁵⁶ Сыновья же Ульяны Петр, Михайло, Афонасий и Герасим в драгунах.

⁵⁷ Во дворе живёт жена его Мавра и дочь Варвара, сам же Никита в драгунах с 1700 года.

⁵⁸ Новгородский сборник, с. 234.

⁵⁹ Подробнее о приходе и его священниках см. статью И. Орищенко «Последние шоборовские священники»: Наше время, № 48 от 25 апреля 2009 г.

⁶⁰ Кадуй, с. 205.

⁶¹ Памятная книжка Новгородской губернии на 1915 год, с. 277.

⁶² Информация взята с сайта Ирины Орищенко «Белоликовы»: <http://belolikovi.narod.ru/>

⁶³ Дьякон - третий чин священнослужителей в православной церкви. Дьякон находится на низшей ступени церковной иерархии (за архиереями и священниками).

⁶⁴ Дьячок - в русской православной церкви служитель, помогающий священнику во время

богослужения. Принадлежал до 1868 г. к духовному сословию, затем назван псаломщиком

⁶⁵ Пономарь — служитель православной церкви, обязанный звонить в колокола, петь на клиросе и прислуживать при богослужении.

⁶⁶ С конца XVII века Верхний Двор, Шоборово, Зазрап, Бор, Маза, Мошницкое, а также сиучская округа и устоженская деревня Нива относились к Николаевскому Сухачскому приходу. А Нижняя, Уйта, Капчино и воронские деревни к Успенскому Сухачскому. Кроме этого, часть крестьян деревень Мазы и Мошницкого были приписаны к приходу Троицкой Танищской церкви.

⁶⁷ Антимис - освященный плат, который расстилается на престоле во время литургии.

⁶⁸ Новгородский сборник, с. 237.

⁶⁹ Подробнее о приходе и его священниках см. статью И. Орищенко «Капчинский приход и его священники»: Наше время, № 147 от 19 декабря 2009 г.

⁷⁰ Новгородский сборник, с. 238.

⁷¹ Новгородский сборник, с. 239; Таблица обучающихся грамоте из крестьян Белозерского уезда, вышедших из крепостной зависимости.

⁷² Л. Л. Чухин. Пчеловодство в Белозерском крае в XIX – начале XX вв.: Вестник Кирилло-Белозерского монастыря, вып. 6, декабрь 2004 г.: <http://kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=2999>

⁷³ Подробно о мазской часовне см. мою статью.

⁷⁴ «Наше прошлое. Взгляд художника», Вологда, 2009 г.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ В состав Боровской волости входили Сухачский Никольский, Сухачский Успенский приходы и часть Троицкого Танищского (деревни Куракино, Усть-Колпь, Пименово, Заяцкое).

⁷⁷ Список населённым мест Новгородской губернии. Выпуск XI. Белозерский уезд. Составлен под редакцией секретаря Новгородского губернского статистического комитета Н. П. Володина. Новгород, 1912 г.

⁷⁸ Начало XIX века. Реставрация ВХНРЦ, 2003 г., реставратор - Дунаева Н. В. Публикации: Древние лики, кат. 74; О. В. Куликова. Древние лики Русского Севера. Из музейного собрания икон XIV-XIX веков города Череповца. 2009 г., кат. 112.

⁷⁹ Конец XVIII - первая четверть XIX века. Реставрация: Вологодский филиал ВХНРЦ, 1995 г., реставратор - Рыбаков Г. А. Публикация: О. В. Куликова. Древние лики Русского Севера. Из музейного собрания икон XIV-XIX веков города Череповца. 2009 г., кат. 96.

⁸⁰ Настоящая глава написана на основании раздела «Сведения о железных рудах, находящихся в Новгородской губернии» книги Н. Озерецкого «Обозрение мест от С.-Петербурга до Старой Русы в 1805 г.», напечатанной в 1808 г. в С-Пб. Выдержки из книги опубликованы в «Памятной книжке Новгородской губернии на 1863 год»: с. 36-42.

⁸¹ Александр Брагин, Железное поле: очерк. <http://lib.rus.ec/b/209450/read>

⁸² Там же.

⁸³ 1 четверик (“мера”) = 2,624 декалитра = 26,24 литра.

⁸⁴ “История Вологодского края XVII-XVIII веков. Учебное пособие. Вологда, 2005 г., с. 12.

⁸⁵ Новгородский сборник, с. 238-239.

⁸⁶ Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год, с. 139-140.

⁸⁷ Генеральное межевание, проводившиеся в России с 1765 г и до конца XVIII века, предполагало обмер всех земель в государстве. Оно приписывало земли не к именам владельцев, но к селениям и пустошам, и первоначально ограничивало каждое поселение и каждую пустошь отдельно, а впоследствии для облегчения довольствовались разграничением владения от владения и ведомства от ведомства. Генеральное межевание сверх того, приводит в известность количество земель в целом государстве и собирает все сведения, необходимые для хорошего управления землями.

⁸⁸ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Выпуск 1. Белозерский уезд, Новгород, 1889 г., с. 318-340.

⁸⁹ При написании этой главы использованы сведения из раздела «Быт жителей, образование»: Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год, с. 167-171.

⁹⁰ Новгородский сборник, с. 235-236.

⁹¹ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Выпуск 3. Белозерский уезд, Новгород, 1910 г.

ПОЭЗИЯ

ЛЕУШЕВА СВЕТЛАНА

Леушева Светлана Николаевна, уроженка Коми АССР, образование высшее, закончила Ленинградский институт культуры по специальности режиссура, работает директором Муниципального бюджетного учреждения «Телерадиокомпания-Кадуй», это высокообразованный специалист с уникальными творческими возможностями, телеведущая, победитель всевозможных конкурсов.

«СБЫЛОСЬ СВЯТОЕ ПРОРИЦАНЬЕ...»

СРЕТЕНЬЕ

Пусть будет встреча, пусть свиданье,
Но каждый год, как и сегодня
С несмело-странным ожиданьем
Встречаю сретенье господне...

Вот небеса в студеном солнце
Как будто храм Иерусалима.
Туда Мария рядом с сердцем
Несет Спасителя незримо...

Вот тень спускается волною
Еще на зимний небосклон,
Как будто старческой рукою
Закрыл писанье Симеон...

Носитель Ветхого завета,
Поняв – его не вечен срок -

В канун весны, тепла, и света
Раскрыл таинственный зарок --

Сбылось святое прорицанье.
И старец, в стылый храм войдя,
Обнял дряхлеющую дланью
Сорокадневное дитя.

И в этот миг, одним мгновеньем,
Скользя стрелою между туч,
Грехов земных во искупленье
Упал на землю яркий луч!

И каждый понял - вот спасенье,
И на глазах застывшей паствы
В канун весеннего рожденья
Сказал завет завету: здравствуй!

Как веры нынешней основа,
Неразрешимый снят вопрос.
Сошлись заветы: Ветхий с Новым,
И явлен в мир Иисус Христос!

ДВОРНИК

(песня)

Сергею Семёновичу
Серебренику посвящается

Заснёт под утро, пролистав страницы, -
На тумбочке двухтомный Эврипид.
И будет под обложкой греку снится
Довольный мною местный «санэпид».

Я первый утром вижу мирозданье
И неба раннего безоблачный кристалл.
Бесстрастную метлою со стараньем
Сбиваю с ритма любящий квартал.

Я дворник, царь двора и царедворец,
Но почему-то все со мной на «ты»
Да и пускай, не наломать бы дровец
Мне в зазеркалье мнимой чистоты...

Мой летний кореш наглоголосистый
Мне первому подарит птичий свист
А осенью мне первому монистом
На сердце ляжет мокрый желтый лист.

И я же первым после листопада
Увидя утром сада наготу,
Наперевес, как старую гитару,
Возьму метлу и пропою коту.

Я дворник, царь двора и царедворец,
Но почему-то все со мной на «ты»
Да и пускай, не наломать бы дровец
Мне в зазеркалье мнимой чистоты...

Ломая ребра старого батона,
Крошу краюху лично голубям,
Но не отвещу никогда поклона
Утерянным копейкам и рублям!

Я закурю на выброшенном стуле,
Пускай не трон, но все же высота...
Прости мне двор, коль утону в загуле
И спутаю, где честь, где суета!

Я дворник, царь двора и царедворец,
Но почему-то все со мной на «ты»
Да и пускай, не наломать бы дровец
Мне в зазеркалье мнимой чистоты...

ПАРИЖ

Окно приоткрыв за французским балконом,
 Бонжур, - говорю воробьям и воронам.
 В Париже я гостя, всего на три дня,
 Вы как-то уж тут потерпите меня.
 Ноябрь, Монмарт, наш отель, а в оконце
 Стучится лучами несмелое солнце:
 Туда, где когда-то гулял Ренуар,
 Спешите, мадам, на парижский бульвар!
 Париж! Этот город всегда в настроении,
 Скажите: бонжур... и ловите мгновенья.
 Так, может, мы будем с тобою на «ты»?
 Как хочешь, - Париж отвечал с высоты.
 Что если не так, силь ву пле, миль пардон!
 Прими от меня глубочайший поклон -
 История галлов в твоём изголовье,
 Кроваво-жестокое средневековье,
 Искусство, ремёсла веками хранишь,
 Прекрасен ты, бежево-серый Париж!
 Пейзажи как будто сошли с гобелена,
 Несла средь дворцов нас ноябрьская Сена
 Бокал пригубив, вместе с нами не спишь,
 Мерси за компанию, милый Париж!
 В Версале мы стали на миг королями
 А Шампз Элизе вовсе не был полями.
 Когда не внимала вопросам толпа,
 Нас всех выручало: жё нё конпронпа.
 Нам в Лувре казалось, Джоконда очнулась.
 И только на наш объектив улыбнулась,

А Эйфеля башня, играя огнями
Огромным созвездьем сияла над нами.
Расстались мы просто и не было слёз,
Казалось, что это ещё не всерьёз.
И слов утешения не говори,
О, мон Пари! О, мон, Пари!
Судьбе не придумать роскошней подарка,
Прощай, мой восторг, Триумфальная арка.
Останься в душе, растворяясь вдали,
О, мон Пари! О, мон, Пари!

ЛЕГЕНДА О КАМНЕ

Такое уж это дело - тайна. Коснешься, приоткроешь и вот она уже исчезла, растаяла, как тот, первый осенний снегопад, который привел нас в Илемное. А, может, лучше если бы тайна осталась?.. Во всяком случае живет до сегодняшних дней древняя, как здешние места, более чем четырехсотлетняя легенда о кладе и огромном камне, его сторожащем, в лесу недалеко от старинного села под Андогой. Давно приглашали нас сюда местные жители, но, пока суть да дело, дотянули до первых, ненадежных, но удивительно крупных и пушистых снежинок. Красивое у деревни название – Илемное. Илма старое название вяза. Росли в этих местах когда-то в обилии вязы, клены, липы... Росли, но уже давно нет здесь ни лип, ни вязов. Стоит на самом краю села засохшая, но все еще поражающая своей мощью береза. Спилить бы, да некому.

А ведь пугали встарь старухи местных девок: наступят - де те времена, когда мужиков станет намного меньше, чем баб. И придется им тогда от женской назойливости на деревьях спасаться. А коль медведь пройдет, то и за косолапого девки замуж пойдут из-за нехватки парней! Наполовину ошиблись старые прогнозы: не только мужиков, но и баб в нынешних деревнях не стало...

Рассказала нам эту местную притчу Мира Ивановна Туманова, большая любительница здешней старины. Когда-то по молодости сама она уехала отсюда в самый что ни на есть центр отечественной культуры, тогдашний Ленинград, ну а как пенсия - мигом назад, в деревню. В доме родном с момента постройки почти ничего не меняется: горенка с самодельной мебелью, лавки, пошарпанные венские стулья... Пожалуй, лишь лакированный сервант напоминает о годах динамичного советского времени да старые-старые календари. Каждый маленьким ковриком десятилетия украшает назначенное хозяевами место. Если их, эти календари, беречь бы со времен, про которые говорится в интересующей нас легенде, то выстлалась бы бумажная дорожка через все село!

Но не было таких календарей вначале семнадцатого века, а даже если и были бы – сожгли бы их польские паны, как сожгли почти дотла Филиппо-Ирапский монастырь, главную местную святыню...

– Так о чем же легенда, Мира Ивановна?

– Да о том, как грабили польские отряды здешние церкви и крестьян, а как пришла пора отступить, прятали награбленное в ямах да колодцах. Вот и этот камень надвинули на колодец и ушли, да так и не вернулись за сокровищами... Много лет этой легенде, многие поколения передают ее из уст в уста. Были молодыми, часто работали в тех местах на силосовании, пытались стащить камень трактором, да куда там!

Семидесятилетний тракторист Виктор Александрович Смирнов, из соседней деревни, был одним из тех, кто по молодости принимал участие в этой безуспешной попытке. От себя добавил, что тянули камень не одним, а тремя тракторами, тремя тросами. Тросы лопнули, а глыба даже не шелохнулась! Осенний день недолог, поэтому после горячего чая в путь. Дорога к загадочному камню лежит через лес да заросшие поля. Когда-то она вовсе не казалась загадочной, потому как хутора вокруг были густо заселены, а земли распаханы. Именно хуторами, а не деревнями принято было называть здешние поселения. Некоторые из них насчитывали до тридцати домов. Впереди среди лесной чащобы показалась старая заросшая березовая роща. Здесь стоял когда-то Зверев хутор, чуть в стороне было раздольное ромашковое поле. А вот на пути покрытые мхом старые яблони. И здесь когда-то были хутора: Кузово, Ольгин Хутор...

Мы идем по сплошному лесу. На только что выпавшем снегу свежие ямки – совсем недавно прошел лось. Еще сотня метров и мы у цели. Вот он, загадочный камень, камень-легенда, камень-сторож. Даже не камень, а плита, мощным конусом уходящая вглубь. Рядом снег заносит большие холмы нарытой земли – видимо, и в наше время копатели - кладоискатели не оставляют отчаянной попытки найти сокровища. Сама плита настолько большая и ровная, что когда-то сельская молодежь прямо на ней устраивала пляски под гармонь!

Сама легенда имеет под собой серьезную историческую базу. В начале семнадцатого века Российское государство переживало тяжелые годы польско – шведской интервенции.

Слабо защищенный Север с большим количеством разбросанных деревень был хорошим лакомым куском для отрядов польских панов. Но не все безнаказанно! После разгрома под Москвой ополчением Минина и Пожарского, поляки потеряли единый руководящий центр и небольшими бродячими отрядами укреплялись и обитали у деревень. Память об этом трудном времени сохранилась в преданиях и легендах.

В нашей истории дело было так: отступить под напором крестьян и брать с собой награбленное было не с руки. Выбрав самый глубокий колодец, поляки укрыли в нем все захваченное несправедливым путем. Огромным камнем завалили отверстие, а место отметили так; на высокую молодую сосну надели золотой обруч. Говорят, помнили здешние старики удивительно огромную древнюю сосну, которая словно девушка имела тонкий перехват в талии. Зарос, видимо с годами обруч, он-то и определил диковинную форму ствола. Как и когда сгинула польская отметина – никто уже не помнит...

Около полудня под обильным снегопадом провели мы у таинственного камня. Кто-то принес заготовленные рамки - современный вид самодельного прибора кладоискателей. Покрутились они в наших неумелых руках, перекрестились меж собою, да что ж из этого? Ближе к раскрытию тайны длиной в полтысячелетия мы от этого не стали. Как же относиться к увиденному и рассказанному? Как к сказке? Или как к достоверному факту? « Не знаем » - говорили одни. « Пятьдесят на пятьдесят » – посмеивались другие. Ну а если рано или поздно клад будет обнаружен? Кому достанется положенная двадцати пяти процентная премия? Как справедливо распорядиться добытыми сокровищами?

«А пустить бы все это добро на распашку заросших земель, – произнес один из участников экспедиции, – растить бы как прежде здесь хлеб и лен.

Вдохнуть бы в эту землю вторую жизнь!..» А если нет клада? Да его просто не может не быть! Ибо вся наша милая сердцу северная земля – сплошной, богатейший клад!

ЕЛЕНА ПАНФИЛОВА

Панфилова Елена родилась и жила в Кадуе. Закончила Кадуйскую среднюю школу №2. Работала в паспортном столе и заочно училась в Московской Современной гуманитарной академии. Стихи начала писать в раннем детстве. Основная тема в стихах – жизнь во всех её проявлениях :чувства, отношения между людьми, взаимосвязь человека и природы. В

2011 году, возрасте 20 лет Елена ушла из жизни.

«МНЕ Б ТОЛЬКО ОТДОХНУТЬ ДУШОЙ...»

Никто не знает, кроме Бога,
Что предначертано судьбой,
Какая предстоит дорога,
И быть мне с ним или с тобой.
И что стоит за поворотом,
Куда ведёт нас этот путь...
Никто не знает, кроме Бога,
В какую сторону свернуть...

О, Осень! Говори со мной!
Побудь хоть ты моей отрадой!
Ведь снова я умру зимой.
Я задохнусь её прохладой!
О, Осень, помолчи со мной!
Дай сил пройти все муки ада!
Мне б только отдохнуть душой.
А больше ничего не надо...

КРАЕВЕДЕНИЕ

ЛЕТА ЮГАЙ

«ТЫ НЕ ХОДИ ДА НА ЗАБЫТЬ-РЕКУ, ТЫ НЕ ПЕЙ ДА ЗАБЫТНОЙ ВОДЫ...»

ПРИЧИТАНИЯ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА В КАДУЙСКОМ РАЙОНЕ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Причитание (плач, причёт, причеть) – характерный для Русского севера фольклорный жанр, сопровождающий человека в переломные моменты его жизни. В традиционной (мифологической) картине мира плач входит в обряды инициации, то есть перехода из одного статуса в другой, характеризующегося смертью старого и рождением нового. Можно выделить свадебные и рекрутские причитания. Древнейшие в этом ряду – причитания похоронно-поминального цикла. Для русского крестьянина смерть была перерождением в новую сущность – превращением в духа предка-покровителя, если обряд похорон проведён успешно и душа благополучно перешла в мир иной. В противном случае – умерший становился нечистым покойником, упырём, русалкой.

Причитания всегда привлекали внимание исследователей и собирателей, но территория страны изучалась неравномерно. К этой теме обращались фольклористы, этнолингвисты, этнографы, музыковеды. Объектом изучения становилась восточнославянская причеть в целом, реконструкция семантической и ритмической структуры архаического причитания. В настоящий момент исследования отдельных регионов русской причети немногочисленны. В исследованиях жанра с позиции общенационального часто обобщения делаются на материале русских причитаний Карелии, тогда как севернорусская традиция неоднородна и есть основания для более дробного её деления. Большинство образов русского плача повторяется, но, тем не менее, можно говорить о специфических особенностях области, района, деревни.

Современную Вологодскую область можно разделить на следующие зоны в соответствии с локальными фольклорными традициями: западную, центральную и восточную. К западной относятся земли, лежащие вдоль дороги Вологда-Новая Ладога: Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Вытегорский, Кадуйский, Кирилловский, Устюженский, Чагодощенский, Череповецкий и Шекснинский районы.

Территория входила в состав Новгородских земель, затем – Ленинградской области. Причёты запада Вологодской области фиксировались и изучались петербургскими и вологодскими учёными. В западной части современной Вологодской области (в бывшем Череповецком уезде Новгородской губернии в 1870 г.) была сделана одна из первых записей причитания, включённая в знаменитое собрание Е. В. Барсова¹. В настоящее время здесь ведёт активную работу по собиранию фольклора Кадуйский районный центр народной традиционной культуры и ремесел (п. Хохлово) и Межпоселенческий центр традиционной народной культуры Череповецкого муниципального района (с. Воскресенское). В данной работе используются архивные материалы, любезно предоставленные нам сотрудниками этих центров, а также записи, сделанные автором статьи.

Мифологический смысл причитаний – помочь душе переселиться в мир мёртвых, указать ей дорогу. Психологический – поддержать родных в их горе, высказать, выплакать его. Плакание умершего было строго регламентировано: отсутствие плача осуждалось, при этом осуждалось и излишнее (слишком долгое) горе, приводящее к тому, что умершему нет покоя на том свете (ему будет сыро лежать в могиле; он может стать ходячим покойником).

Этот древний жанр продолжил существование в XX веке, возможно, потому, что сочетание мифологического (обрядового) и психологического смысла позволило ему оставаться нужным и понятным и при этом приобрести эстетический смысл. Исполнительницы говорят о неодинаковом умении, о мастерстве причитальщицы: «не все умели причитать²», «причитают дак, надо штоб сердцу хорошо было³». «Хорошие причётчицы дак много знают-то. Много, хорошо причитают-то. Все наплачутся... А другие, у кого как в родне не причитают дак, наймовали. Что там, ведь угостят там и всё⁴». Жители Кадуйского района отмечают, что у них была развита плачевая культура: «Несколько раз причитают. И несколько женщин причитают. Да вот сидят, сидят да и запричитают. У нас раньше много причитало. Было хорошо причитали. Многие причитали хорошо очень. Одна попричитает, да другая⁵». И действительно, в этих местах записаны очень яркие и интересные примеры причитаний, исполненные Анисьей Константиновной Звонцевой, Сирой Афанасьевной Китовниной, Ольгой Кирилловной Мишенькиной, Зоей Степановной Сазоновой и другими.

Причитания некогда были обязательной частью похоронного обряда. Жительницы д. Старостино так комментируют похороны без причёта: «Похоронили, как животину. Вывезли из деревни, дак похоронили. Зарыли в землю, да и всё. Некому видно и не жалко. А ведь поплачут-то, дак как-то ведь поприличнее, как поревут-то. Кого хошь... Хоть мать хороняешь, хоть сестру, хоть брата, хоть мужа... Как же ведь. Никаких-то причётов нету дак что? Вынесли, да увезли, да и всё⁶». Причёт – это и выражение жалости, любви к умершему, и одновременно – указание дороги его душе. «Как животину» – то есть, не заботясь о том, чтобы душа нашла путь к предкам.

Причитания отражают мифологическую картину мира. Они порицались и запрещались официальной церковью. Однако на практике часто совмещались с молитвами и духовными стихами, вбирали в себя образы православной символики. Так например З. С. Сазонова, знаменитая между односельчанами умением исполнять молитвы, является и талантливой причитальщицей. Молитвы поют по дороге на кладбище и у могилы: трижды «Святой Боже, / Святой Крепкий, / Святой Бессмертный, / Помилуй нас⁷», трижды «Кресту Твоему поклоняемся Владыка и Святое воскресенье Твое славим». Поют до «царских ворот», и когда опускают гроб. Эти данные соответствуют описанию похорон, записанному пятнадцать лет назад экспедицией Кадуйского ЦТНК⁸, тоже от женщин знавших и причёты. Молитвы и причитания – тексты принципиально разные – существуют на практике в едином комплексе. При этом молитвой просят Бога принять душу, а причитания становятся языком, на котором обращаются к самой душе.

Причитали сразу по кончине, а потом в день похорон, при выносе гроба⁹. Причёт начинают обращением к умершему, которого ласково называют солнышком, голубушкой. К мужу обращаются – «лада милая» (вариант звучания – «влада»).

Уж как ныне-то, а топе (речи) /ой/
 Ой, закатилось-то кра / асно солнышко /ой/
 Ой, за горы-то за / а/ высокие /ой/
 Ой, как за риченьки / и/ за быстрые /ой/
 Ой, как тебя да мо / о / ё дитяtko /ой/
 Ой, боле же тебя / а/ не видывати /ой/
 Ой, голоска-то больша / а/ не слыхивати /ой/...

В причётах показана несоизмеримость утраты любимого человека с материальными потерями: «Ой потеряла-то я потерюшку / Ой я не рупь-то, да я не тысячу, / А потеряла да владу милую»¹⁰, «Потеряли мы потерюшку, / Мы не сто рублей, не денежку, / Мы не сто рублей, не тысячу, / Своево кормильча батюшка»¹¹. Номинация денег показывает, что фрагмент текста был сложен очень давно и передавался почти без изменений из поколения в поколения. Потеря главы семьи нарушает ход жизни, несёт за собой тяготы не только психологические, но в отличие от иных материальных бед, она ещё принципиально невосполнима, это «потерюшку» уже не найти. Человек незаменим для своих родных.

Близки смерти категории *старости* и *болезни*. Это во многом обусловлено реальностью – болезнь может стать причиной смерти, и эту причинность вбирает в себя текст причёта: «Ты куды же ты сдобиласи, / Так куды же снарядиласи. / Ты бело да ты умыласи, / Ты на тот-то свет поторопиласи, / Тебе не времечко во сыру землю идти / Как же ты да опромышилася, / Как же ты да опрохошилася / Что же ты не полечилася, / Что же ты да не поиздила, / По домам да по казённым»¹². Кроме типичного для причётов глагола «поторопилася», употребляются диалектные «опрохотиться» (повалиться, упасть, обмануться)¹³ и «опромышливаться, опромыслиться» (переводиться, исчезать – о дичи, пушном звере; истребляться)¹⁴. Тональность текста похожа на упрёк – сирота упрекает умершую, возлагает на неё ответственность за смерть (не победила болезнь, поддалась ей). Это характерно для причитаний. Покойников боялись, их необходимо было задобрить. Всё, что происходит, описывается как совершаемое для блага умершего и по его желанию. Поэтому и смерть рисуется как произошедшая по его желанию, принесшая больше горя родным, чем ему самому, озвучивается в форме упрёка: «Ой, не захотел-то ты, дитятко, / Ой, дожить тёплоё летоко, / Ой, по зелёным лужкам ходить, / Ой, по шёлковым травам бродить»¹⁵.

Причет у гроба в доме может содержать обращение к умершему: «Ты куда жо посдобиласи, / Так красиво нарядиласи? / На слуху да нету праздничка»¹⁶. День похорон или поминок часто сопоставляется с *праздником*, иногда может быть назван *последний праздничёк*). Сопоставление проходит по нескольким пунктам: собирается вся родня, готовится особая трапеза, день праздный (не рабочий). Глубинная причина видимых сходств в том, что день похорон, как и годовой праздник, – это сакральное время¹⁷, то есть время, когда граница между разными

мирами проницаема. Образ похорон-«праздника» присутствует также в духовных стихах, где душа радуется свиданию с Богом: «Когда-то настанет мой праздник, / Последний и первый мой пир, Душа моя радостно взглянет / На здешний покинутый мир» («самый первый стих у покойника и на поминках. Поют, когда покойник лежит, поют у гроба покойника»)¹⁸.

В Кадуйском и Белозерском причётах встречается сочетание *смерть прекрасная*, при этом образ её негативен (причитальщица укоряет её за неправильность): «Бог судья те, смерть прикрасная, / Бог судья тебе, великая, / Ты зашла да, смерть прекрасная, / Мы не ждали и не думали»¹⁹. Возможно, это сочетание возникло под влиянием духовных стихов – например, стих «Смерть прекрасна, смерть ужасна», который на западе области поют у покойника. Кроме того, живые стремились задобрить смерть, чтобы она не забирала других. Оплакиваемый был тем сокровищем, которым как бы откупались от неё на некоторое время. Когда опускали гроб в могилу, причитали следующим образом: «Уш ты матушка сыра земля, / Ты прими тко тело белоё. / Тело белоё, хорошоё. / Оно не стружено, не нужно»²⁰.

В причётах говорится, что на том свете оплакиваемый встретит умерших прежде, которым следует передать привет, рассказать, как живётся в их отсутствие родным, односельчанам.

А может было у тя свиданьичко,
А со своёй-то родимой мамонькой,
А со своим-то кормильцём тятенькой,
А может было у тя свиданьичко,
А со моёй-то родимой мамонькой,
А с моим-то родимым тятенькой,
А вы п(о)слушайте, пожалуйста,
А чё я буду да вам рассказывать,
А чё я буду да вам наказывать,
Ой ...
Ой, нету силушки-то у меня.
А я одна-то одинёшенька²¹.

Иногда в причитаниях говорится, что знание своего места при жизни (имени, деревни) поможет на том свете найти своих: «Ты сойдёшь, родима мамонька, / Тебя тамо будут спрашивать / Ты откуда, в кою сторону. / Ты чьево да роду – племени».

«Там суд тоже будёт»²² - комментирует исполнительница. Знание своего места жительства на этом свете может быть надобно на том, чтобы узнатьсь с родными. В причёте С. А. Китовниной административные названия поселения включаются в текст:

Она спросит, горяша бедная,
А ты откуда да с кою сторону,
А ты скажи-то да ёй, Марусенька,
А уж как я-то да сиротиночка,
Уж как области да Вологодские,
А района да я Кадуйского,
А сельсвоета да буду Мазского,
А из деревни да Заэрап
А уроженка да Китовнина,
А жена-то да буду Фотина,
А тут тебе-то да попризнается²³.

Подробное указание места жительства встречается и в других причётах Сиры Афанасьевны. Если учесть, что рекомендации о поведении на том свете относятся к душе, данный причёт показывает, что в фольклорной картине мира душа имеет адрес, привязана к месту рождения и жизни.

Кроме похоронных, существуют поминальные причёты. К ним относят причёты на девятый, двадцатый, сороковой день, год, а также причёты, приуроченные к календарным праздникам (например, Троица). По мнению многих исполнительниц, причитать можно на кладбище в любой день.

О посещении кладбища в родительские дни говорят: «А потом вот родительский день, если подходит дак, я стол собираю. Перед родительским днём. Накануне вечером. До 12 часов. «Они» (покойники – Л.Ю.), они говорят, ходят. Чистоё полотенце вешаю, что придут, руки помоют. И я ставлю всегда чашки, чаю налью. Там пряников положу, конфет положу. Всё соберу. Стулья поставлю. Выхожу и говорю: «Приходите в гости. Ждём». Приглашаю, выхожу на улицу. Дверь открываю, и приглашаю»²⁴.

В поминальные дни душу приглашают на трапезу причётом:

Мине призвать надо сиротиночке,
Мине тебя то родима мамонька,
А ты зови – то родню сер / ы / дешную,
Всех / ы/ тётушок и дядюшок,
И братовой – то и браццев маленьких,
И сестриц ...

Комментарий причитальщицы: «Всю родню соберут, вот такой мотв и всю родню, которые погибли на фронте. Всё таким мотивом²⁵».

Причитальщица сетует, что не может «увидети – уприметити» умершего «Я и сбоку по ухваточке / Я и сзаду по походочке / Спереди по белу личику»²⁶. Особенная походка и манера умершего может конкретизироваться идеализирующими эпитетами – когда родственник был жив, он обладал походкой *лёгкой* и голосом *ласковым*: «Больше живучи, ой не видывать, ой / И голоска твоева, ой не слыхивати / Ой, у тебя-то, милой сынушко, ох, / Ой, и походка-та была лёгкая, ой./ Ой поговорка-та была ласкова, ой»²⁷. Умерший в причитаниях всегда идеален.

Душу могут звать не только на кладбище, но и на крыльце: «Я пойду да позову его./ Я во сене да в решетчаты/ На крыльчко да ободистое»²⁸. С крыльца начинается дом, на крыльце встречают тех, кто приходит в дом извне. *Крыльчко (крутое, красное, перёное)* — место встречи. Для кадуйских причётов характерен эпитет *ободистое*. На крыльце встречают долгожданных гостей, прибывших на поминки. Крыльцо может служить обозначением границы дома и «не-дома», метафорически – своего и чужого пространства. Обращение сироты к стихиям в причитаниях возможно и на кладбище (у могилы), и на крыльце дома. Общее между этими локусами – семантика пограничности.

Приглашение в гости предваряется мотивом оживления покойного. При этом в причётах появляется образ грозы – явления, совмещающего в себе все стихии. Воду-дождь, дающий плодородие, небесный огонь молнии, гром, материализующийся в образе серого камня, расшибающего землю. Воздух – промежуточная стихия; по воздуху душа перемещается вместе с ветром. Образ грозы служит общему эмоциональному настрою причитаний – выражению горя и страха, беспомощностью перед чужим, необъяснимым миром. В качестве примера приведём плач, записанный Кадуйским ЦНТКиР:

Ныне пойду я да сиротиноцька, ой, ой,
 Ой, я во сини да во решетчаты, ой, ой,
 Ой, на крылечко да ободистоё, ой, ой,
 Ой, на мелки, да части ступенецьки, ой, ой,
 Ой, ты роздайся да мой зычён голос, ой, ой,
 Ой, высоко-то да по под небеси, ой, ой,
 Ой, широко да по святой Русе, ой, ой,
 Я на площадь, да на широкоую, ой, ой,
 Ой, на могилушку высокоую, ой, ой,
 Ой, подынишь /и/ туча – погодушка, ой, ой,
 Ой, ты розвей-ко си жолты пески, ой, ой,
 Ой, упади т /ы/ ко с нёба камешок, ой, ой,
 Ой, росколи т /ы/ ко да гробову доску, ой, ой,
 Ой, прилятите да с нёба ангелы, ой, ой,
 Ой, вы вложите да в тело душеньку, ой, ой,
 Ой, в белы рученьки владиньцо, ой, ой,
 Ой, в резвы ноженьки ходиньцо, ой, ой,
 Ой, стань, прос /ы/ нись ко да лада милая, ой, ой,
 Уш /ы/ ты спиш /и/ да не просыпаёшши, ой, ой,
 Ты креп/ы/ким сном да не пробуждаёшши, ой, ой²⁹.

Мотив оживления покойника – один из наиболее загадочных. Неверно было бы думать, что причитальщица желает полного оживления и возвращения покойника в дом. Фольклорно-обрядовый комплекс включает в себя специальные приговоры, запрещающие возврат. После похорон говорили в трубу. «Ух, нет! Ух, нет! И не надо, и не надо»³⁰. Сразу после выноса гроба в избе все, что можно, переворачивают с шумом, «кубыряют»³¹. На дорогу бросают еловые ветки, чтобы душа уколола ноги, если захочет вернуться в дом. Оживление, о котором идёт речь в причётах, временное. Содержание этого мотива было предметом рассмотрения многих работ³² по мнению фольклористов «оживление покойного» в причётах имеет целью пригласить умершего на поминальную трапезу с целью задобрить его дух и обеспечить покровительство предков его семье. Считалось, что души умерших управляли стихиями, а значит, урожаем и благополучием живых.

Мотив имеет свои локальные особенности в восточных и западных районах Вологодской области. Общее – обращение к стихиям с просьбой вложить действия в неподвижное тело оплакиваемого.

У всего есть своё соответствие. Дыхание (*вздыханьице*) – лёгкие-печени, хождение (*хожаньице, хожденьице*) – ноги, махание (*маханьице*) – руки, говорение (*говореньице*) – уста. Действие представляется чем-то, существующем отдельно от частей тела, но могущим находиться в них. В мотиве оживления покойника присутствуют как христианские образы (душа, ангелы), так и языческие (ветры буйные). В причётах запада Вологодской области весь фрагмент оживления подчинён фразе «вложите в бело тело душеньку»: «Вы раздуйте да буйны ветры / Да могилоныи жёлты пески / Прилетите с неба ангелы / С неба ангелы крылатые, Расколися, гробова доска, / Ты клади-ка в тело душеньку: / В белы ноженьки хоженьице / Чтоб в уста да говореньице»³³, см. также³⁴. В причётах востока области образ двух ангелов, которые ставят умершего «на ноги», также встречается: «Ой, подыните, два ангела, / Ой, да родимую сестрицу, / Ой, да на резвые ноженьки!» [Ефименкова, 1980, с.97]. Но чаще оживление совершается при помощи ветра, а также серых гусей, которые являются персонификациями стихий. Слова «тело» и «душа» не упоминаются вовсе.

Кроме угощения, в поминальные дни для душ готовят баню (байну): «Душу зовут, топят против сорочин. Вымоются и снесут туды бельё, в байну. Чтобы оне все мылись тоже. Вода останется там и бельё это её. Ну, конечно, он не придёт и не переоденется. Так оно и будет тут висеть. А что вот мыть, моют. Потом его домой принесёшь»³⁵). Баню для души на сорочины топят накануне, за душой ходят на кладбище, причитают. Для души готовят бельё, первой моется душа, для души всегда оставляют место за столом впереди и ставят угощение³⁶. Особенностью запада Вологодской области (Кадуйский и Бабаевский районы) является наличие в текстах причётов приглашения покойников мыться в бане. Хотя на уровне предметов и обряда приготовления бани для душ присутствует на всей территории Вологодчины, на востоке области соответствующих фрагментов в текстах причитаний не фиксируется. Кадуйский район даёт множество записей приглашения в баню причётом. «Ой ты приди-ко да моя матушка / Ой ты во парущу да во баенку / Ой про тебя да байна натоплена / Ой про тебя да наготовлена»³⁷.

«Топят. Баенку топят. Например, завтра сороковой день, дак байну топят. Из байны выйдут, зовут:

Приходи-ко в пару – баенку,
Да тело белое да замаралось,

Да платьё светло запылилось,
Да, приходи, да ты помоешшы³⁸.

Приходи-ко лада милая,
Про тебя байна истоплена,
Да про тебя байна сготовлена.
Принагрета ключева вода,
Принесены шелковы веники.
Парси, мойси да на здоровьице.
Когда эта пора-времечко.
У тебя да лада милая,
Тело бело замаралоси,
Светло платьё запылилося.
Дак принесёно цветно платьицо,
Принесён да шёлков виничок,
Парьси, мойси на здоровычо...
Моя милая ты ладуша³⁹.

Обращает внимание материальность тела, его вполне жизненная потребность мыться, париться веником. С другой стороны, банная вода служит стихией, хоть и одомашненной, а вода как стихия может выполнять связующую роль между тем светом и этим. Пар – особое проявление жизни, которое умерший воспринимает: на поминальных трапезах душа питается паром от горячей пищи. Упоминанию тела в приглашениях в баню сопутствует описание его наряда: *платье цветное – тело белое, платье запылилося – тело замаралося*. Параллель тела и одежды прослеживается в разных фрагментах причётов. *Умиральное платьице* – первый сигнал к тому, что в этом теле уже нет души. Измятое платье и испачканное (измаранное) тело следствие отверженного положения оплакиваемой, показатель тяжести дороги (здесь – между тем и этим светом), вообще странничества (странник, не принадлежащий никакому дому, имеет изношенные одежды, как и *гостья*, странствующая между миром живых и миром мёртвых). На символическом уровне тело и одежда связаны и более тесно. «По падении и при изгнании из рая даны человеку *кожаные ризы* (Быт.3,21), тогда, говорит святой Иоанн Дамаскин, «он облёкса в смертность, или в смертную грубую плоть, что означают кожаные ризы»⁴⁰. Тело – это одежды души. Платье – одежда тела (одежда одежды).

В обряде новое платье – важный (неопровержимый) знак нового состояния, будь то саван или вдовье (траурное) платье: «Не пора бы те, не времечко, / <...> / В черно платье одеваться, / Да молодой вдовой назваться»⁴¹.

Особой значимостью обладают причёты сорокового дня: «на девятины и полусорочины зовут душу, но не провожают; в сорочины зовут душу в баню на поминки и провожают душу»⁴². Накануне или рано утром ходят звать душу на могилу: «в 40 день душу зовут рано утром, а в 12 часов дня её уже провожают в последний раз»⁴³. «Вот, это так встричаем душу»:

Вы приходите-ко дорогие гости,
Дорогие гости званые,
Гости званые и жданные.
Мы вас ждали, дожидались,
Сорок дён да припасались,
Шесть нидилёк дожидались⁴⁴.

Погости хоть, родима матушка,
Ты последние да минуточки,
Уж тебе
Не года теперь годовати,
Не месяца да месяцовати.
Тебе не дни да не дневати,
Не часы да не часовывати,
Остаются да последние часы-минуточки
Ты уйдёшь, родима матушка
На чужу да дальнюю сторону⁴⁵.

В сборнике «Сказки и песни Вологодской области», изданном в 1955 году, встречается образ Забыть-реки:

Ты сойдешь да, млада-милая,
Ты на тот свет да на будущий,
Тебя станут звать, да млада-милая,
Станут звать да за забыть-реку.
Ты послушай, млада-милая,
Ты в остатние во последние:

Ты не ездѣ за забыть-реку,
 Ты не пей-ко забытнѣ воды.
 Ты забудешъ, млада-милая,
 Ты свою родную сторону,
 Ты забудешъ, млада-милая,
 Ты меня да горюшиночку⁴⁶.

В комментаріяхъ къ этому причѣту, записанному въ Кадуйскомъ районѣ, составители отмѣчаютъ, что «обрядъ проводовъ на «Забыть-реку» такъ же, какъ и самый образъ «Забыть-реки» не встречается ни въ одномъ изъ сборниковъ причитаній».

Въ болѣе позднихъ экспедиціонныхъ записяхъ и публикаціяхъ, сделанныхъ на матеріалѣ центральныхъ и восточныхъ районовъ Вологодской области, Забыть-река такъ же не встречается. Однако въ архивахъ существуютъ ещё нѣсколько записей причѣтовъ сорокового дня, въ которыхъ плачъ проситъ умершаго не пить забытнѣ воды:

Ты не ходи да на Забыть-реку,
 Ты не пей да забытнѣ воды,
 Ужъ какъ пойдешъ ты на Забыть-реку,
 Да ты напьѣшся забытнѣ воды
 Ты забудешъ путь-дороженьку
 Ты во свой да въ благодатный домъ.
 Ко своей да дочкѣ миленькой,
 Ко своимъ да милымъ детушкамъ,
 Ко своимъ да ко внучатушкамъ⁴⁷.

Ты простишь да со своимъ да благодатнымъ домомъ,
 Ты простишь да съ суседомъ и съ суседушкой.
 Со своей да светлой улицей,
 Со своимъ да ты тропочкамъ.
 Не ходи да ты да на быстру реку,
 Ты не пей да забытой воды⁴⁸.

Эти записи сделаны въ Кадуйскомъ районѣ (Барановскій, Мазскій и Чупринскій сельсоветы). Иногда образъ Забыть-реки сочетается съ распространѣннымъ образомъ заросшей дороженьки, такъ же служащимъ для выраженія идеи невозможности возвращенія съ того свѣта: «Ты перей

дешь за Забыть-реку, / зарастет твоя дорожка / ельничком и березничком / не будет тебе дороги. / И перейдешь за Забыть-реку / и забудешь свою всю родню⁴⁹». «Ой, дедушка, да не ходи ты да на забыть-реку, / Забыть-то река обманчива, / А ты забудешь меня да сиротиночку»⁵⁰. Эпитет «обманчива», возможно, является поэтическим выражением идеи, что забытая вода обладает волшебным свойством изменять (стирать) память. Жительница Кадуйского района, упоминая об образе Забыть-реки в причётах, комментирует: «может каждая река – Забыть»⁵¹. При этом отмечает, что душа после смерти человека уходит на небо.

Река в народной культуре служит символом границы. Тоска часто ассоциируется с жидкостью, в том числе, с *забытнoй водой*: «во многих случаях забывание оказывается простым синонимом избавления от тоски»⁵². Связь забвения и воды также прослеживается в других жанрах: например, в заговоре *от тоски*, причём эта связь видна как на словесном, так и на акциональном уровне (уровне действий). Эти наблюдения подтверждаются записями, сделанными нами летом 2011 года в д. Шоборово. «А это как раньше было: если пойдёшь на забудь-реку, то призабудёшь», - комментирует образ Забыть-реки Зоя Степановна Сазонова. «Легче будет», - добавляет Мария Петровна Петрова. Для избавления от тоски нужно стать посреди реки, умыться, поклониться Богу, помолиться и трижды сказать: «Куда вода течёт, туда тоска моя пускай идёт»⁵³. Мария Петровна вспоминает другой текст, слышанный от матери: «Ты быстрая, ты шустрая. Тебе речка на течение, а мне рабе Божей на излечение»⁵⁴. Тоска, грусть должны уйти по течению.

Образ Забыть-реки связан с причётами сорокового дня: завершением проводов на тот свет. Переход через реку является окончательным переходом души в мир мёртвых. Умерший должен выпить забытнoй воды, чтобы окончательно перестать принадлежать этому миру. Вспоминаются запреты что-либо есть-пить на том свете, встречающиеся в народной прозе (сказках, быличках). Для живых – испить забытнoй воды значит избавиться от тоски. Но ведь тоска – это проявление памяти, потому избавление от неё желанно и нежеланно одновременно. Возможно, просьба причитальщицы не пить забытнoй воды связана со стремлением сохранить покровительство умершего, его привязанность к своему роду (сиротам).

В публикациях русских причитаний образ Забыть-реки не встречается; нет его и в архивных записях Вологодского областного детско-

юношеского центра традиционной народной культуры (г. Вологда), содержащих значительное количество причитаний восточных районов Вологодской области. Распространение образа Забыть-реки в причитаниях Кадуйского района позволяет говорить об этом образе как об отличительной черте кадуйских причётов. Кроме того, можно отметить характерное для всего запада Вологодской области сближение образов причитаний с духовными стихами, и меньшую в сравнении с восточно-вологодскими причётами значимость растительных образов.

В причитаниях говорится о том, что дорога с этого на тот свет не имеет возврата. Этот путь невозможно отложить или пройти раньше положенного времени, он сложен и загадочен. И долг живых – помочь умершему родственнику пройти эту дорогу, направить его голосом, словом. Сам факт причитания смягчает трагичность его содержания: возможность поддерживающего участия в смерти другого через поэтический текст частично нейтрализует чувство бессилия перед ней. Вариативность способов выражения, региональная специфика, мастерство и особенность каждой женщины-плачехи создают образное богатство и художественную неповторимость фольклорного плача.

ПРИМЕЧАНИЯ

К СТАТЬЕ ЛЕТЫ ЮГАЙ

«ТЫ НЕ ХОДИ ДА НА ЗАБЫТЬ-РЕКУ, ТЫ НЕ ПЕЙ ДА ЗАБЫТНОЙ ВОДЫ...»

¹ Барсов Е. В. Причитанья Северного края. – Ч.1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. – М., 1872. №3, №5.

² Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Петрова Валентина Семеновна, 1914 г.р., род. – д. Кыргода Вологодская область, Белозерский район, Георгиевский с/с, д. Прокино. 20.06.96. Зап. Каданцева О.А., Гусева Т.М., Каданцев А.Ф. АФД – 032. №10.

³ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Сидорова Нина Петровна, 1925 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Зуева Т.А., Кулев А. В. 27.06.95. АФД – 027. № 14.

⁴ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Силанова Евдокия Степановна, 1904 г.р., Силанова Екатерина Дмитриевна, 1923 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Барановский с/с, д. Старостино. 21.07.95. Зап. Кулев А. В. АФД – 023. №12.

⁵ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Маликова Клавдия Алексеевна, 1923 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Барановский с/с, д. Коротневая. Зап. Зуева Т.А. 17.07.95. АФД – 018. № 44.

⁶ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Силанова Евдокия Степановна, 1904 г.р., Силанова Екатерина Дмитриевна, 1923 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Барановский с/с, д. Старостино. 21.07.95. Зап. Кулев А. В. АФД – 023. №12

⁷ Личный архив автора. Исп. Зоя Степановна Сазонова, 1923 г.р., Мария Петровна Петрова, 1933 г.р., Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А., Архипова Т. В. 18.08.2011

⁸ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Сидорова Нина Петровна, 1925 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Зуева Т.А., Кулев А. Н. 27.06.95. АФД – 027. № 14.

⁹ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Скворцова Аполинария Петровна, 1926г.р. род. с.д. Заозерье, Чупринского с/с. Вологодская область, Кадуйский район, Кадуйский п /с, п. ДЮЗ Зап. Гусева Т.М., Назарова В.В. АФД – 099.

¹⁰ Личный архив автора. Исп. Зоя Степановна Сазонова, 1923 г.р. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А., Архипова Т. В. 18.08.2011

¹¹ Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР». Исп.: Звонцева Анисья Константиновна, 1911 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Барановский с/с, д. Сосновка. Гр. Кулев А.В. 24.07.95. АФД – 022. №16.

¹² МЦТНК Череповецкого района. Зап.от Лучкиной Т. К., род. из Нижнего. Мазский с/с, д.Заэрап Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. 1995. АФ-100 - №17.

¹³ Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983 – 2007, вып. 6, с. 5

¹⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 23. С. 301.

¹⁵ Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. – М., 1980 – С. 94.

¹⁶ Экспедиционный фонд МУК «Каду́йский ЦНТКиР». Исп.: Звонцева Анисья Константиновна, 1911 г.р. Вологодская область, Каду́йский район, Барановский с/с, д. Сосновка. Зап. Кулев А. В. 24.07.95. АФД – 022 №20.

¹⁷ Праздники происходят в сакральном времени, в вечности. (Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М., 1999. – С. 363).

¹⁸ Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 г.: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальная обрядность / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2000.

¹⁹ МЦТНК Череповецкого района. Зап. от Звонцовой А. К., 1911 г.р., род. с д.Лукино, Б.-Судского р-на. Зап. Кулёв А. В., Зуева Т. А., Петрова О. В.о., Каду́йский р-н, Барановский с/с, п. Сосновка, 1995. АФ 91 - №10.

²⁰ Экспедиционный фонд МУК «Каду́йский ЦНТКиР». Исп.: Мишенькина Ольга Кирилловна, 1907 г.р. Вологодская область, Каду́йский район, Мазский с/с, д. Заэрап. Зап. Кулев А. Н. 25.07.95. АФД – 026. № 1.

²¹ Личный архив автора. Исп. Зоя Степановна Сазонова, 1923 г.р., Мария Петровна Петрова, 1933 г.р., Вологодская обл., Каду́йский р-н, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А., Архипова Т. В. 18.08.2011

²² Экспедиционный фонд МУК «Каду́йский ЦНТКиР». Исп.: Маланичева Евгения Петровна, 1914 г.р. Вологодская область, Каду́йский район, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Зуева Т. А., Кулев А. Н. 27.06.95. АФД – 027. № 3.

²³ МЦТНК Череповецкого района. Зап. от Китовниной Сиры Афанасьевны, 1919 г.р. Вологодская область, Каду́йский р-н, Мазский с/с, д.Заэрап. 1995. Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Петрова О. АФ – 91.

²⁴ Экспедиционный фонд МУК «Каду́йский ЦНТКиР». Исп.: Скворцова Аполинария Петровна, 1926г.р. род. с д. Заозерье, Чупринского с/с. Вологодская область, Каду́йский район, Каду́йский п /с, п. ДОЗ Зап. Гусева Т.М., Назарова В.В. АФД – 099.

²⁵ Экспедиционный фонд МУК «Каду́йский ЦНТКиР». Исп.: Сидорова Нина Петровна, 1925 г.р. Вологодская область, Каду́йский район, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Зуева Т. А., Кулев А. Н. 27.06.95. АФД – 027. № 14.

²⁶ МЦТНК Череповецкого района. Зап. от Звонцовой А. К., 1911 г.р., род. - д.Лукино Б.-Судского р-на. В.о., Каду́йский р-н, Барановский с/с, п.Сосновка. 1995. Зап.: Кулев А.В., Зуева Т.А., Петрова О. АФ 076 - №20.

²⁷ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Мишенькиной О. К., 1907 г.р., В. о., Кадуцкий р-н, Мазский с/с, д.Заэрап, 1995. Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. АФ 100 - №18.

²⁸ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Силановой Е. С. 1904 г.р. и Силановой Е. Д. 1923 г.р. Вологодская обл., Кадуцкий р-н, Барановский с/с, д.Старостино, 1995. Гр. Кулев А.В., Каданцев А.Ф., Каданцева О.А., Петрова О. АФ 093 - №10

²⁹ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуцкий ЦНТКиР»*. Исп.: Силанова Евдокия Степановна, 1904 г.р., Силанова Екатерина Дмитриевна, 1923 г.р. Вологодская область, Кадуцкий район, Барановский с/с, д. Старостино. 21.07.95. Зап. Кулев А. В. АФД – 023 №16

³⁰ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуцкий ЦНТКиР»*. Исп.: Кротова Анна Гавриловна, 1920 г.р., с д. Комарово, Волковского с/с, Бабаевского р-на. Вологодская область, Кадуцкий район, Барановский с/с, п. Сосновка Каданцев А.Ф., Гусева Т.М. 28.06.96. АФД – 029. № 05.

³¹ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуцкий ЦНТКиР»*. Исп.: Петрова Валентина Семеновна, 1914 г.р., род. с д. Кыргода Вологодская область, Белозерский район, Георгиевский с/с, д. Прокино. 20.06.96. Гр. Каданцева О.А., Гусева Т.М., Каданцев А.Ф. АФД - 032

³² *Алексеевский М. Д.* Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре Русского Севера XIX – XXвв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.01.09. – М., 2005.

³³ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Храпичевой М. К. 1910 г.р. и Удальцовой А. М. 1907 г.р. В.о., Бабаевский р-н, Тимошенский с/с, д. Новосерково. Зап. Кулев А. В., Балакшина С. Р. 1992. АФ 028 - №52.

³⁴ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Макаровой О. М. 1927 г.р. В.о., Кадуцкий р-н, Барановский с/с, д.Алеканово. 1995 Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. АФ 099 - № 11; Зап. от Силановой Е. С. 1904 г.р., Силановой Е. Д. 1923 г.р. В.о., Кадуцкий р-н, Барановский с/с, д.Старостино. 1995. Зап. Кулев А.В., Каданцев А.Ф., Каданцева О.А., Петрова О. АФ 93 - №10; Зап. от Звонцевой А. К., 1911 г.р., род. - д. Лукино Б.-Судского р-на. В.о., Кадуцкий р-н, Барановский с/с, п.Сосновка, 1995.Зап.:Кулев А.В., Зуева Т.А., Петрова О. АФ 076 - №20- №22.

³⁵ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуцкий ЦНТКиР»*. Исп.: Платонова Мария Ивановна, 1910г. Вологодская область, Кадуцкий район, Чупринский с/с, д. Малая Рукавицкая. Зап. Гусева Т.М. 06.07.98г. АФД-093. №21.

³⁶ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуцкий ЦНТКиР»*. Исп.: Петрова Валентина Семеновна, 1914 г.р., род. д. Кыргода Вологодская область, Белозерский район, Георгиевский с/с, д. Прокино. 20.06.96. Гр. Каданцева О.А., Гусева Т.М., Каданцев А.Ф. АФД - 032

³⁷ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Храпичевой М. К., 1910 г.р. и Удальцовой А. М., 1907 г.р. В.о., Бабаевский район, Тимошенский с/с, д. Новосерково. Зап. Кулев А. В., Балакшина С.Р. 1992. АФ28 - №48

³⁸ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Малышевой М. И. 1913 г.р. род. - д.Порог. В.о., Кадуйский р-н, Барановский с/с, д.Бережок, 1995. Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л., Кулев Н. АФ 097

³⁹ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Звонцовой А. К. 1911 г.р., род. - д. Лукино Б.-Судского с/с. В.о., Кадуйский р-н, Барановский с/с, д.Сосновка. 1995 Зап. Кулев А.В., Шохалова Л., Зуева Т.А. АФ 098 - №14.

⁴⁰ *Брянчанинов И.* Слово о человеке: избранные творения. – СПб.: Приход святителя Игнатия Брянчанинова, 2008. – С.52.

⁴¹ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Звонцовой А. К. 1911 г.р., род. - д. Лукино Б.-Судского с/с. В.о., Кадуйский р-н, Барановский с/с, д.Сосновка. 1995 Гр. Кулев А.В., Шохалова Л., Зуева Т.А. АФ 098 - №1.

⁴² *Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР»*. Исп.: Кротова Анна Гавриловна, 1920 г.р., с д. Комарово, Волковского с/с, Бабаевского р-на. Вологодская область, Кадуйский район, Барановский с/с, п. Сосновка Каданцев А.Ф., Гусева Т.М. 28.06.96. АФД – 029.

⁴³ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР»*. Исп. Артамонова Нина Дмитриевна, 1914 г.р., зд., Серова Евдокия Афонасьевна, 1917 г.р., род. с д. Тамаша, Вахонькинского с/с Вологодская область. Кадуйский район, Андроновский с/с, д. Андроново. Зап. Гусева Т.М., Назарова В.В.

⁴⁴ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР»*. Исп.: Мишенькина Ольга Кирилловна, 1907 г.р. Вологодская область, Кадуйский район, Мазский с/с, д. Заэрап. Зап. Кулев А. Н. 25.07.95. АФД – 026. № 1.

⁴⁵ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Макаровой О. М., 1927 г.р. Барановский с/с, д.Алеканово. 1995. Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. АФ 099 - № 11.

⁴⁶ *Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина.* – Вологда: Областная книжная редакция, 1955. – С.156.

⁴⁷ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап. от Макаровой О. М., 1927 г.р. Барановский с/с, д.Алеканово. 1995. Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. АФ 099 - № 11.

⁴⁸ *МЦТНК Череповецкого района*. Зап.от Лучкиной Т. К., род. из Нижнего. Мазский с/с, д.Заэрап Зап. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. 1995. АФ-100 - №17.

⁴⁹ *Экспедиционный фонд МУК «Кадуйский ЦНТКиР»*. Исп.: Платонова Мария Ивановна, 1910г. Вологодская область, Кадуйский район, Чупринский с/с, д. Малая Рукавицкая. Зап. Гусева Т.М. 06.07.98. АФД-093.

⁵⁰ *Личный архив автора.* Исп. Зоя Степановна Сазонова, 1923 г.р., Мария Петровна Петрова, 1933 г.р., Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с,

д. Шоборово. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А., Архипова Т. В. 18.08.2011

⁵¹ *МЦТНК Череповецкого района. Исп. Маланичева Евгения Петровна 1914 г.р., зд. Мазский с/с, д. Шоборово. ЗАП. Кулев А.В., Зуева Т.А., Шохалова Л. 1995. АФ 91 - № 29.*

⁵² *Байбурин А. К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии. – Вып. 1. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. – С. 101-103.*

⁵³ *Личный архив автора. Исп. Зоя Степановна Сазонова, 1923 г.р. Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А., Архипова Т. В. 18.08.2011*

⁵⁴ *Личный архив автора. Исп. Мария Петровна Петрова, 1933 г.р., Вологодская обл., Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Шоборово. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А., Архипова Т. В. 18.08.2011*

АНАТОЛИЙ КАДАНЦЕВ

Каданцев Анатолий Федорович, 1948 года рождения, уроженец Пермской области, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, работает заведующим исследовательским отделом Муниципального бюджетного учреждения культуры «Центр народной традиционной культуры и ремесел».

Благодаря начинаниям супругов Каданцевых и был в районе создан этот Центр, оказывающий заметное влияние на сохранение и развитие культуры, ремесел всей Вологодской области.

ПОМНИТЬ И ЧТИТЬ ПРЕДКОВ

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИХ В ЖИВЫХ СИТУАЦИЯХ, НЕ РАСТЕРЯТЬ И ПЕРЕДАТЬ СЛЕДУЮЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ.

Данные обрядовые формы являются главным в культуре жителей Русского Севера. Формировались на заре человечества и живут по сегодняшний день.

А вообще, что такое обряд?

Обрядовое (магическое) действие возникает как способ древнего принудительного воздействия на природу и человека.

Этой своей стороной обрядовость отражает ещё доисторический способ мышления наших далёких предков.

Однако в обрядах есть и другая сторона, значительно более важная: они являются могущественным средством национального воспитания и сплочения народа или какой либо этнической группы в одно духовное целое (обряд один и общеобязателен, а следовательно объединяет всех живущих членов народа или этногруппы друг с другом на определённой территории), а так же средством связи живущих с предками (обряд совершается так же, как его совершали деды и прадеды, следовательно, он объединяет народ не только в пространстве, географически, но и исторически, образуя духовную связь, уходящую вглубь времён).

Объединение людей в рамках своей культуры, и передача, сохранение с его помощью этнического стереотипа поведения, воспитание

национальных и культурных особенностей данного человеческого коллектива - эти свойства, и позволили им стать важнейшим элементом народной жизни, и заставляют нас, с максимальной тщательностью изучать наши народные обряды, ибо в них и через них открывается духовная жизнь нации.

Особенно это касается обрядовых действий массовых, всенародных, сопровождающих основные этапы жизни человека: рождение, свадьба, смерть.

Среди подобных обрядов главное место, бесспорно, принадлежит похоронно-поминальным обрядам. Данные обряды имеют свою древнюю философию, и эта философия существенным образом отличается от мировоззренческих позиций современного человека, касающихся вопросов смерти. Народная мудрость гласит: «Человек рождается на смерть, а умирает на жизнь...» Т.е, сам факт смерти не являлся конечной точкой, а обозначал лишь переход из одного состояния в другое, обозначал начало новой жизни. В народной среде бытует такое понятие как: «философия зёрнышка»: для того чтобы появилось что-то новое, должно что-то погибнуть старое. Мы хороним зернышко, и появляется колосок уже с большим количеством зёрнышек (новая жизнь).

Человек традиционной культуры, в основной своей массе, знал или на уровне интуиции осознавал эти понятия, смотрел на отношение к данному явлению окружающих его соотечественников, где отсутствие боязни смерти было общепринятой практикой.

Современный же человек панически боится смерти.

Но чего человек боялся во все времена, так это «мнимой» смерти. Раньше умершие не проходили медэкспертизы, и исторические факты говорят о том, что большое количество людей, по какой либо причине, были похоронены живыми. И это действительно страшно, это жутко! Поэтому, видимо, не случайно, а для доступа воздуха, никогда не уплотняют землю сверху гроба, делали домик в могиле: по углам ставили четыре столбика и на них устраивали крышу, или делали настил из досок на крышке гроба.

Раньше обязательным считалось посещение свежей могилы на первый и третий день после похорон. А вдруг..

Мы долго искали объяснения такому явлению, как строительство храмов и часовен вне населенных пунктов: в лесу, в поле и т.д. Почему одни храмы строили в центре села, а другие в «глухом» месте? Священники объясняют это так: уединенные места - это «чистые территории»,

не загрязненные отрицательной греховной энергетикой людей, такие места способствуют более глубокому и быстрому постижению божественных истин.

Жители нашего района объясняют это явление по своему... Раньше кладбища устраивались вокруг храма т.е. в центре села, а жить тут, где практически не разделён «мир мёртвых» и «мир живых» в эмоциональном плане очень трудно. И точного ответа на данный вопрос мы пока не нашли.

Сегодня, пожалуй, никто, кроме археологов, фольклористов и этнографов, не имеет четкого представления о традиционной ритуальной культуре похорон на Руси.

Это более чем удивительно, так как этот обряд не прерывался никогда: он был, есть и будет. Но на сегодняшний день похоронно-поминальные обряды претерпели существенные изменения, утрачены очень значимые и очень важные их элементы, и зачастую безлико и до неприличия спешно провожаем мы в последний путь родных нам людей.

Хотя истоки разрушения, в принципе, известны. Это знаменитое постановление ВЦИК от 1918г (отделение церкви от государства) когда категорически запретили проводить какие либо культовые ритуалы за пределами церкви.

Запреты от власти, запреты от церкви, агрессивное наступление современной попсовой культуры, разрыв в связях между поколениями, конкретная утрата носителей традиций – всё это не способствовало сохранению нашей, прежде всего, русской традиционной культуры, сохранению похоронно-поминальных обрядов.

Но вопреки всему, и благодаря нашим бабушкам, хранительницам нашей русской культуры, на территории Кадуйского и Бабаевского районов записаны удивительные по своей архаичности и трогательности образцы похоронно-поминальных обрядов.

Объем собранного материала огромен, и в данной статье будут отмечены лишь самые значимые и отличительные особенности обрядов на территории выше обозначенных районов.

Данные обряды самые продолжительные по времени, и идут от кончины до годин. Делятся на похоронные (кончина-захоронение), и поминальные (начинаются с поминального стола после похорон и кончаются в годину).

Все обрядовые ситуации сопровождаются или предваряются причетом.

Причеты исполняются женщинами, хотя и в архаике и современной культуре за очень редким исключением встречаем мужские причеты. Причет это похоронно поминальный плач. Существуют определенные словесные традиционные матрицы, а текст зачастую сочиняется во время исполнения под конкретного умершего. Женщины, исполняющие причеты могли называть «вопленицы», «причетчицы», «плакальщицы» и т.д. Были прекрасные исполнители, которые знали всю обрядовую структуру и были хорошими импровизаторами текстов. Они, как правило, были на всех похоронах и поминках в своей деревне и соседних населенных пунктах.

Существовал и существует целый комплекс представлений и верований, связанных со смертью, «тем миром» или «тем светом», представление о том, что такое «рай» и что такое «ад». О приметах связанных со своей кончиной или кого-то из родственников.

До сегодняшнего дня сохранился обычай, когда люди достигшие определенного возраста, начинают готовиться к смерти: откладывают деньги на похороны, готовят «смертную одежду», делают наказы своим родственникам. По многим населённым пунктам старики показывали нам заранее сделанные «домовины», которые хранят на чердаках, в сараях или на сеновалах.

Очень много рассказов записано о хождении души до сорокового дня. По представлениям наших информантов после кончины душа покидает бренное тело и до сорокового дня обитает где-то около дома, в доме. Она следит за действиями родственников, проявляя себя обычно различными стуками, звуками. Во многих случаях душа может показаться родственникам или кому-то из знакомых. Кроме того душа должна облететь все места, где при жизни был умерший.

В доме до сорокового дня не закрывают дверь на крючок. До сорокового дня нельзя ложиться спать на кровать, где спал умерший. Если позволяет погода, держат открытой форточку. На угол стола, на полку и т. д., ставят до сорокового дня пищу, и разные напитки для души. В сороковой день отдают пищу скотинке или птичкам, напитки выливают на святой угол с улицы.

Очень интересен рассказ о мести души одной женщине, которая работала дояркой на одной из ферм нашего района. Кое-как похоронив мужа, она «завела» себе другого мужчину. О поминках не было и речи. В сороковой день она шла на работу, и невдалеке от фермы на неё напала какая-то крупная птица. До крови исклевала шею, лицо и руки.

Это увидели другие доярки и палками с большим трудом отогнали разъярённую птицу. Большие шрамы остались у женщины на всю оставшуюся жизнь. Вот такая поучительная история, которая говорит о том, как бережно мы должны соблюдать обряды, с почтением и уважением относиться к умершим.

По многим населённым пунктам нашего района в день смерти или на следующий день делали и делают небольшой «платик» из белого материала, пришивают на него полоски черного материала (в форме креста), крепят на палочку и прибивают с улицы обычно на святой угол.

Если в деревне был святой столб, тогда «платик» вывешивали на него. Висят «платики» до сорокового дня, а в сорочины сжигаются или отпускаются по воде.

Перед выносом гроба из дома его трижды обходят с зажжённым вёресом или угольками. После поднятия гроба сразу «кубыряют» табуретки, на которых он стоял. Две женщины идут впереди, в отдалении от похоронной процессии и ведут душу до могилки. Они не здороваются и не разговаривают со встречными и должны довести душу к месту к 12 часам.

После похорон, когда заходят в дом, трижды кричат в открытую печную трубу или в открытый половой люк: «Ух, был и нету!»

В рамках поминальных обрядов есть такое понятие, как «урошные дни». Это поминки на девятины, полусорочины и сорочины. На территориях Мазского и Барановского МО Бабаевского р-на, в вепских поселениях зафиксирован обряд с названием «кануны» или, как говорят информаторы, - это поминки «напротив урошных дней». Кануны - это поминки для души умершего, который в свою очередь зовёт на поминки «всю родню кровавую», соответственно души всех умерших родственников.

В кануны почти везде топят баню для души и несут туда чистые одежды умершего. В кануны готовят поминальный стол, но не для живых, а для душ умерших родственников. Обычно это происходит уже под вечер, и кто-то из родственников, два человека и умеющие причитать, идут на кладбище и причётом зовут в гости душу умершего и «всю родню кровавую». «Ведут» душу домой. Около дома, у бани, а затем в доме идёт масса обрядовых ситуаций с причётами. Люди, пришедшие на такие поминки, за стол не садятся, т.к. там сидят души умерших, ведут «смирённую» беседу и затем расходятся по домам, и уже утром следующего «урошного» дня собираются на настоящие поминки.

Интересен обряд, зафиксированный на территории только Барановского МО, который называется «семик» - первые поминки в Троицкую субботу на кладбище.

Велик и вечен народ, который помнит своё прошлое и чтит своих предков. И нет страшнее проклятия, чем забвение. И не случайно, чтобы не превратиться «в Иванов, не помнящих родства», есть в народном календаре так называемые «родительские дни». Это дни поминовения всех умерших, это посещение кладбищ, определённый набор ритуальной пищи это обрядовые действия у могил.

В современной культурной практике, к большому сожалению, смещены и искажены многие понятия, до не узнаваемости изменены нормы морали и культурологические доминанты, утрачен смысл многих обрядовых действий.

В полной мере это относится и к так называемой «кладбищенской культуре». Люди, тысячелетиями нарабатывали по данному явлению какой-то положительный опыт: правила поведения, набор ритуальной пищи. Места и устройство самих кладбищ: сухое место, только общая ограда, захоронение всех умерших неестественной смертью за оградой кладбища. Наличие культовых объектов: небольшого храма или часовни, обязательная «служба» священника на могилах, посещение кладбища до 12 часов дня, скромная одежда. Девушки и женщины не должны «светить волосом», а мужчины, как в церкви, должны быть без головных уборов, если позволяет погода. Посещение кладбища только в установленные дни, а не в любое время, запреты от церкви на употребление спиртных напитков. Так было. А что мы видим сегодня?

Массовые посещения кладбищ в любой день, идут туда утром, после обеда и даже вечером. Кладбищенское пьянство стало обычным явлением, могилки заваливают всевозможной пищей. И, конечно, это нас не красит. Вообще в народном календаре предусмотрены четыре, «родительских дня», но сегодня массовые посещения происходят в три дня: это Пасха, Радуница и Троица. Здесь нужно иметь в виду, что основная цель посещения кладбища – это встреча, приветствие и общение с «родителями», т.е. с душами умерших. Но они там появляются или, как говорят, «их отпускают» только в определённое время – это «родительские дни», ну и, может быть, на години.

В народном календаре отмечают три Пасхи. Основная Пасха – это праздник для всех живущих, Егорий (Георгий Победоносец) – Пасха для скота, и Радуница – это Пасха для умерших.

«Радуница - навий день; родительская, день поминовения усопших на кладбище, вторник на Фоминой неделе, угощают покойников. Это весенние поминки, а осенние – на Дмитриеву субботу. (В.И.Даль)

Троица – это праздник для живущих, и посещение могилки в этот день достаточно бессмысленное мероприятие. В этот день там нет «родителей» (душ умерших). Ходить нужно в Троицкую родительскую субботу.

Несколько слов о поминальной пище. Раньше её носили в специальной (чистой) корзине, которая использовалась только в родительские дни.

На Радуницу и Троицкую субботу на кладбище брали кутью, яйца, олашки, блины, пироги, яичный блин, панафиду, иногда кисель, любые зёрнышки. По дороге на кладбище выламывали три берёзовые ветки и втыкали их в середину могилки. Катали яйцо по могилке. На могилке могли оставить целое яйцо, а кто-то крошил его вокруг могилки. Зёрнышками где-то немного обсыпали саму могилку, а где-то сыплот вокруг. На могилке оставляли немного принесённой пищи. Оставшуюся пищу после угощения домой обычно не брали. Посещают, как правило, все могилки родственников.

По дороге домой выламывали берёзовые ветки для венка, а потом с его помощью мыли корову после отёла, или с веника брызгали святую воду в доме и в хозяйственных постройках.

В статье затронуто лишь незначительное количество похоронно-поминальных обрядов. Наша задача: знать эти обряды, использовать их в живых ситуациях, не растерять их, и передать следующим поколениям.

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

КАК ЛЮБЛЮ Я КРАЙ РОДНОЙ...

СТИХИ ШКОЛЬНИКОВ

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ,

10 лет. Д. Андронов

Я веселый, озорной,
Парень деревенский,
Как люблю я край родной,
Он мне дорог с детства.
Летом красота у нас:
Есть рыбалка - это раз,
В лес мы ходим - это два.
А зиму - посмотри -
Льжи, санки - это три!
Прокачусь я с ветерком -
Мне и холод нипочем!
Приглашаю в гости вас
Вам понравится у нас!!!

ВИКА ТОРОПОВА,

10 лет. д. Андроново

Люблю тебя, мой край родной,
С твоей природной красотой.
Люблю я поле, лес и луг
И все, что вижу я вокруг.
Я солнышку кричу : «Привет!»
И точно знаю с детских лет,
Что края лучше в мире нет!!!

НАСТЯ ЕВСЕЕВА,

5-а класс МОУ «КСП» .№3

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Цветное коромысло
Над рекой повисло.
Солнце улыбнулось-
облако проснулось.
Радуются птицы:
Воробьи синицы
Ветерку и травке,
Зёрнышкам на лавке.

Солнечные зайчики
Заиграли в мячики.
Прыгают и скачут,
Никогда не плачут.
Превратились почки
В клейкие листочки.
Вот весна настала-
Хорошо всем стало!

ОЛЯ УСКОВА,

6-а класс МОУ «ЖСШ» №3

Никогда я не видела снег,
Но друзья говорят, что он белый.
Он холодный как северный лёд.
И пушистый, как северный зайчик.
Серебристый и мягкий, как мех.
Он блестящий, как солнце на небе.
Никогда я не видела снег,
Но друзья говорят, что не верят.

ОСЕННИЕ КРАСКИ

Опять приближается ночь,
И уже пожелтели листья.
Прогнать бы мне осень прочь...
У деревьев качаются кисти.
Уже осыпался клён.
Шуршат утомлённо листья.
Мне снился чудесный сон:
Художник взял свои кисти.
Взял палитру осенних цветов:
Ярко-жёлтый, оранжевый, красный.
И умело без лишних слов
Написал тот закат прекрасный.
Ведь опять приближается ночь.
Не собрал бы художник все кисти,
Ну зачем было гнать осень прочь?
Столько красок в осенних листьях.

МАША ПЕТУХОВА,

6-а класс МОУ «КСП» №3

ОДИНОЧЕСТВО

Может миллионы людей каждый день

Стоят у окна и говорят:

« Я не один...»

« Я не одна...»

Может это миф, а может и нет.

Но я каждый день стою у окна и говорю:

«Я не одна».

ФОРТЕПИАНО

Без слов, без эмоций...

Без нот, без мелодий...

Красные ногти бегают по чёрно-белым клавишам.

Слёзы капаят и сгорают белым пламенем.

Кабинет горит белым дыханием,

А фортепиано играет не умолкая.

СОНЯ ХРАПИЧЕВА,

6-а класс МОУ «КСП» .№3

ЧТО Я ВИЖУ?

Я смотрю через зелёное стекло.
Вижу много необычного всего:
Вот идёт жираф зелёный.
Черепашка медленно ползёт.
Облака через дорожку словно
Совершают бирюзовый свой полёт.
Речка подгоняется
Быстрой изумрудною волной.
Что же получается?
Может это сон цветной?
Опять смотрю через стекло,
Но стоит отложить его -
И вновь привычно абсолютно всё!

АЛЁНА МАРУШКОВА,

5-а класс МОУ «ЖСШ» №3

ЗИМНИЙ КАДУЙ.

КадуЙ - родной городок,
Всё в нём прекрасно:
Поля и леса, снега и дожди,
Весна и зима... А зима хороша,
Сугробы и лужи. Лыжи, коньки.
Горка у школы, как мимо пройти?
Мама ругает: « В портфеле всё сыро,
Штаны выжимай , Рукавицы суши.»
А я улыбаюсь: «Ведь классно зимой!
Не правда ли, мама ? Согласна со мной?»
Есть за больницей горка большая,
С «продлёнкой» ходили туда мы гулять.
Лыжи в охапку - бегом на лыжню,
Не хочешь? Тогда приходи на каток,
Коньки надевай и вставай на ледок.
Мы плаваем в Кадуе даже зимой.
Построен, недаром, бассейн большой.
В лесу как красиво у нас!
Вы видели это хоть раз?
Все сосны в снегу, берёзки блестят,
На солнце в мороз чудесный пейзаж.
Люблю , когда хлопьями падает снег
Красиво и тихо становится здесь!!!

ПОЛИНА КОНОНОВА,

6-а класс МОУ «КСП» №3

Ты не заметил тихих глаз,
Следящих за тобою.
И слёзы брызнули тот час
Слезинка за слезою.
Ну почему не в первый раз
Ты не заметил тихих глаз?
А видишь громкие слова,
Внутри которых - чёрта с два!-
Найдёшь хоть каплю теплоты,
Твоя Зима,
Прости, прости...

Мир был окутан серой дымкой,
Когда увидела тебя.
И заиграла белой скрипкой
Моя душа, тепло храня.
А может было всё ошибкой?
И, в предрассветной тишине
Играл мобильник белой скришкой,
Сквозь дым курильщика в окне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ДОБРЫЙ ПУТЬ. Слово Главы.....	4
ОТ РЕДАКТОРА.....	5

ПОЭЗИЯ

Мария МАРКОВА

«С кухни лился тенорок печальный.....	11
Лилипутик.....	12
«Целый день чилавек...».....	13
«Для прогулки выберешь место одно...».....	14
«Помню любого - каждого...».....	16
Снегири.....	17
Зима.....	18
У человека одна-единственная жизнь.	
Интервью с М.Марковой.....	19

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОНА

Геннадий ЗАГРЕБИН.. Переселение, которое не состоялось.....	24
---	----

ПОЭЗИЯ

Леонид БЕЛОВ.

Детство.....	35
Метёт метель.....	36
Владимир БОРИСОВ.	
Про клюкву.....	37
На пригородном поезде.....	38
Легенда о болотном царе Пятуне и его дочери.....	39
Ольга ГУСЕВА.	
Первые холода.....	41
Краски лета.....	43
Подруге.....	44
Кто не любил.....	45

ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ

Ольга ВАТОЧКИНА.	
К станции будущего. Беседа с Н.Ф. Чавкиным.....	47
Маленький человек с большой буквы.	
Из творческого наследия А.Г. Юкова.....	54

ПОЭЗИЯ

Александр ЕРОХИН.	
Гармонист (отрывок из поэмы).....	59
Владимир КУЗЬМИН.	
Август (из дневника).....	63
Тетеревиный ток.....	65
У родной реки.....	66
«Ещё осень. Да, да, ещё осень!...».....	67
Наталья МИНАЕВА.	
Разлука.....	68
Осенние холсты.....	69
Преданность (эссе).....	70
Елена ОРЕХОВА.	
«Простиралось солнце через тучи...».....	71
«Разноцветные слова нанизу на нитку...».....	72

ПРОЗА

Николай БУРОВ.	
Филька (рассказ).....	74
Марина ГУСЕВА.	
Худой мир (рассказ).....	83
Стихи детям.....	88
Анна СМИРНОВА.	
Шерстяной шарф (рассказ).....	89
Стихи. Сражение.....	92
Я люблю тебя.....	93
Благословенное тепло.....	94

ПОЭЗИЯ

Елена СМИРНОВА.	
Апокалипсис.....	96
Камни Питера (отрывок из поэмы).....	97
Ваша светлость!.....	99
Владимир СПИРИДОНОВ.	
«Улетают опять журавли...».....	100

Казачья походная.....	101
Мария КУЛИКОВА (Черноплечая).	
Последнее сражение.....	102
Удивительный – вы.....	103
Я – артистка.....	104
Сутки жизни (рассказ).....	105

ОЧЕРК

Александр ДЁШИН	
Сплав.....	109
Игорь ВАГАНОВ	
На фронт.....	123

ПРОЗА

Мария Соломатова.	
Auf wiedersehen! (рассказ).....	135

НАША ГОСТИНАЯ

Василий МИШЕНЁВ. Падаёт снег.....	142
Вера БАСОВА. Плоды земли.....	143
Николай БУШЕНЁВ. «Ещё стрекодут кузнечики...».....	144
Галина ГАВРИЛОВА. «Вот мчусь на стареньком автобусе...».....	145
Галина КОНСТАНСКАЯ. «Приеду на родину, стол мне накроют...».....	146
«Завалило город снегом...».....	147
Тамара НОСОВА. Дом.....	148
«Мне немного грустно и смешно,...».....	149
Максим ПРИХОДСКИЙ. Девушка Лето.....	150
Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН	
Первое знакомство с Петуховым (рассказ).....	152
Кони (рассказ).....	155
Геннадий САЗОНОВ. Предместье.....	157
Голос.....	158
Игорь ЭПАНАЕВ. О выборе транспорта.....	159
О жажде. Кабы я бы... Жизнь моя хорошая.....	160
Лета ЮГАЙ. «Среди всех рыб, окуней и щук, – Рыба-Кит...».....	161
Бабочка-совка. Жук-листоед.....	162
Кузнечик. Утренняя сова.....	163
Владимир КУДРЯВЦЕВ. «Мирный бой часов на Спасской башне...».....	164
У карьера.....	164
«Сказал бы сын...», Детская мечта, «Крыльцо родное, как престол...».....	165

ДНЕВНИКИ

Александр ДУДКИН.

ЖЖаписи.....	167
Алексей БАШКИРОВ.	
Из записной книжки.....	184

ПОЭЗИЯ

Александра СМИРНОВА. Рыжая лошадка.....	193
Марина Мнишек.....	194
Неоконченное.....	195
Людмила ШАРИНА. Музе.....	196
«Сегодня пишется легко...», Книга памяти.....	197
«Редко живется в радости...», Мгновения зимы.....	198
Ночью (рассказ).....	199
Игорь ВАГАНОВ. Мой дед.....	201
Александр ДУДКИН. Одно стихотворение.....	202

ПОСВЯЩЕНИЯ

Александр ДЁШИН

Юрию Максину, 204, Игорю Эпанаеву, 204, Галине Щекиной, 205, Михаилу Сурову, 205, Александру Грязеву, 205, Мишенёву-Бушенёву, 205, Геннадию Сазонову, 206, Валерию Судакову, 206, Марии Марковой, 206, Вячеславу Белкову, 207.

РОДНАЯ ПРИРОДА

Татьяна ГОГУЛИНА.

Этюды о природе.....	209
----------------------	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ДУДКИН.

Сухоч.....	216
Примечания к статье.....	232

ПОЭЗИЯ

Светлана ЛЕУШЕВА. Сретенье.....	239
Дворник.....	241
Париж.....	243
Легенда о камне (эюд).....	245
Елена ПАНФИЛОВА. «Никто не знает, кроме Бога...».....	248
«О, Осень! Говори со мной...».....	248

КРАЕВЕДЕНИЕ

Лета ЮГАЙ. «Ты не ходи да на Забыть-реку...».....	250
Примечания к статье.....	264
Анатолий КАДАНЦЕВ. Помнить и чтить предков.....	269

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

Как люблю я край родной.....	277
Сергей ЦВЕТКОВ.....	277
Вика ТОРОПОВА.....	278
Настя ЕВСЕЕВА.....	278
Оля УСКОВА.....	279
Маша ПЕТУХОВА.....	280
Соня ХРАПИЧЕВА.....	281
Алёна МАРУШКОВА.....	282
Полина КОНОНОВА.....	283

ОГЛАВЛЕНИЕ	285
-------------------------	-----

Литературно-художественное издание

СЕМИЗЕРЬЕ

АЛЬМАНАХ

ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «СЕМИЗЕРЬЕ» (Кадуи)

Компьютерная вёрстка – М.Сорокина
Оформление обложки – С.Богатов

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел.: (8172) 72-55-31, 72-61-75
Заказ 2130. Тираж 500 экз.